

СОДЕРЖАНИЕ

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Председателя Совета Народных комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича Молотова орденом Ленина	3
Верному соратнику Ленина и Сталина Вячеславу Михайловичу Молотову (приветствие ЦК ВКП(б)	4
Верному соратнику Ленина и Сталина, главе советского правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову (приветствие СНК Союза ССР)	5
Из речи товарища В. М. Молотова на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 года	6
Н. Подвойский — Революционная борьба В. М. Молотова в 1912 — 1917 годах	8
М. Голубева — В. М. Молотов в вологодской ссылке (16 июня 1909 — 16 июня 1911 года)	23
Документы о жизни и деятельности В. М. Молотова	29
Г. Рейхсберг — Из истории разгрома иностранной военной интервенции на севере Советской России	42
К. Ющак — Англия и Япония на Дальнем Востоке	53
В. Соколов — Декабристы и крестьянский вопрос	65
В. Самойлов — „Хожение“ Афанасия Никитина в Индию	76
Проф. А. Янубовский — Монгольская империя	87
Проф. А. Бергер — Государство вестготов и падение Западной Римской империи	99
Проф. В. Сергеев — Римская империя (последние Антонины и Северы)	109
В. Аветисян — Сурен Спандарян — „Тимофей“	122

О заключении Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией	133
Мирный Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской республикой	133
Протокол к Мирному Договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года	135

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Л. Бенцианова — Опыт внеклассной конференции по новой истории в 8-х классах	138
А. Хмелев — Исторический кружок (из опыта работы в 114-й школе Москвы)	141

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Златоустовский и Л. Федоров — Литература о западных областях Украины и Белоруссии	144
И. Ивашин — „Хрестоматия по истории средних веков“	157

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**

Зам. редактора — **С. И. Гоннер**

Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Удостоверенный Главлита № А — 24418   Изд. № 310   Зак. № 518   Тираж 50 000 экз.
Материал слан в набор 15 III 1940 г. Подписан к печ. 26 III 1940 г. 10 печати. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Главе Советского правительства, выдающемуся деятелю и вождю большевистской партии, верному соратнику Ленина и Сталина—товарищу Вячеславу Михайловичу МОЛОТОВУ наш горячий большевистский привет!

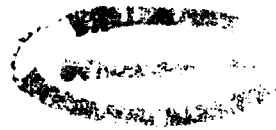
ИСТОРИЧЕСКИЙ 2-й з ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 3

Март 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР ТОВАРИЩА ВЯЧЕСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА МОЛОВОТА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

За выдающиеся заслуги в деле организации
Большевистской партии, создания и укрепления
Советского государства наградить Председателя
Совета Народных Комиссаров СССР товарища
Вячеслава Михайловича Молотова, в день его
пятидесятилетия, — орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.

8 марта 1940 г.

ВЕРНОМУ СОРАТНИКУ ЛЕНИНА И СТАЛИНА — ВЯЧЕСЛАВУ МИХАЙЛОВИЧУ МОЛотову.

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, верного соратника Ленина и Сталина, руководителя Советского Правительства — в день твоего пятидесятилетия.

Всю свою сознательную жизнь ты непрерывно служишь делу рабочего класса, делу коммунизма в качестве выдающегося деятеля и вождя большевистской партии. В черные годы реакции после поражения революции 1905—1907 г.г., в годы под'ема рабочего движения, в эпоху «Звезды» и «Правды», в огне первой мировой империалистической войны — ты всегда высоко держал знамя большевизма, неутомимо борясь за диктатуру пролетариата в нашей стране. Как член Петроградского Военно-Революционного Комитета ты провел большую революционно-большевистскую работу в Октябре 1917 года. Своей работой в качестве руководителя партийных организаций Донбасса, Украины, Москвы, в качестве Секретаря ЦК ВКП(б), своей многолетней славной работой на посту главы Советского Правительства ты заслужил горячую любовь и огромное уважение партии и трудящихся Советского Союза.

Как один из виднейших вождей большевистской партии, как крупнейший организатор социалистической экономики и новой, коммунистической культуры, ты воплотил в себе лучшие качества политического деятеля ленинско-сталинского типа. Ты всегда вел и ведешь последовательную борьбу за идеи марксизма-ленинизма, неуклонно отстаивая линию партии против врагов партии и советского народа, против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других агентов буржуазии.

Твоей энергии, твоей неутомимой работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР страна социализма во многом обязана своими успехами и победами. В своих устных и печатных выступлениях перед партией и страной ты обобщаешь гигантский опыт великой работы по созданию коммунистического общества.

Желаем тебе, наш дорогой друг и товарищ, от всей души многих, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии, на благо нашей родины, на благо коммунизма.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).**

**ВЕРНОМУ СОРАТНИКУ ЛЕНИНА И СТАЛИНА,
ГЛАВЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА —
ВЯЧЕСЛАВУ МИХАЙЛОВИЧУ МОЛотовУ.**

В день Вашего пятидесятилетия Совет Народных Комиссаров Союза ССР шлет Вам большевистский привет и горячие пожелания доброго здоровья и сил на многие и многие годы.

В Вашем лице Совет Народных Комиссаров Союза ССР приветствует верного соратника Ленина и Сталина, деятеля ленинско-сталинского типа, сочетающего в себе большевистскую непримиримость к врагам с глубочайшей преданностью делу своего народа, своей партии.

Всю свою сознательную жизнь, с молодых лет, посвятили Вы делу освобождения рабочего класса и торжества социализма. Еще при царизме, высоко держа знамя Ленинской партии, Вы неутомимо боролись за свержение царизма, за победу революции. Вы провели выдающуюся работу по строительству нашей партии, как до революции, так и после победы диктатуры пролетариата. Вы в качестве члена Петроградского Военно-Революционного Комитета в дни Октябрьской Революции боролись за торжество советской власти. Все годы Социалистической Революции в качестве партийного и советского руководителя, на всех этапах борьбы за победу ленинизма, за уничтожение врагов коммунизма со всей принципиальной последовательностью несли Вы боевое знамя партии Ленина — Сталина.

Ваше пятидесятилетие совпадает с десятилетием Вашего пребывания на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР, десятилетием, насыщенным замечательными событиями как во внутренней жизни нашей великой родины, так и в международных отношениях.

За эти 10 лет советская страна под руководством нашего великого Сталина одержала блестящие победы на всех участках борьбы за социализм. За эти годы в СССР восторжествовали и воплотились в жизнь великие принципы социализма. В течение всех этих лет Вы были и остаетесь ближайшим помощником товарища СТАЛИНА в деле построения в СССР социализма, в деле организации советского социалистического хозяйства, нового социалистического общества, нового социалистического государства рабочих и крестьян.

В своей повседневной государственной работе на посту главы Советского Правительства Вы показываете образец осуществления указаний и директив Партии, воспитывая в руководителях и всех работниках государственного аппарата глубокую преданность делу Ленина — Сталина, чувство ответственности и сознание своего партийного и государственного долга в работе.

В своей работе по организации народного хозяйства, по разработке и осуществлению пятилетних планов, по под'ему социалистической культуры Вы всегда и неизменно показываете и учите, как нужно по-большевистски, по-сталински решать эти вопросы.

Как выдающийся партийный и государственный деятель, Вы неустанно работаете над укреплением советского государства, неуклонно разоблачая попытки врагов народа развинтить и подорвать мощь советского государственного аппарата.

Как выдающийся организатор советской экономики и культуры, Вы отдаете все свои силы на укрепление хозяйственной мощи Советского Союза, на дело под'ема культурного и материального благосостояния трудящихся нашей родины, на сплочение всех народов нашей родины вокруг советской власти и партии Ленина — Сталина.

В качестве главы Советского Правительства и Народного Комиссара иностранных дел, Вы являетесь верным и последовательным проводником ленинско-сталинской внешней политики советского государства, борясь за торжество дела мира в международных отношениях и неуклонно осуществляя заботу об укреплении обороноспособности нашего государства, могущества и славы нашей непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В Вашем лице мы приветствуем главу Советского Правительства, друга и помощника нашего великого учителя и вождя товарища СТАЛИНА.

Да здравствует великая партия ЛЕНИНА — СТАЛИНА!

Да здравствует вождь социалистического государства — великий СТАЛИН!

Да здравствует глава Советского Правительства Вячеслав Михайлович МОЛОТОВ!

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

**ИЗ РЕЧИ ТОВАРИЩА В. М. МОЛОТОВА НА
ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б)
В ДЕКАБРЕ 1930 ГОДА.**

«Сейчас, в виду моего нового назначения, я не могу не сказать несколько слов и о себе, о своей работе.

Я рос в большевистской партии и связан с нею многими годами непрерывной работы. У меня, как у коммуниста, нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина, но для меня, как коммуниста, всегда было и остается главной задачей — усвоение учения Маркса — Ленина и активное участие в деле воплощения в жизнь марксистско-ленинского учения. В течение последних лет мне пришлось, в качестве секретаря Центрального Комитета, проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под непосредственным руководством тов. Сталина. Я горжусь этим.

До сих пор мне приходилось работать, главным образом, в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета».

И. В. СТАЛИН и В. М. МОЛОТОВ. 1937 год.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В. М. МОЛОВОТА в 1912—1917 годах

1907 год. Над страной нависла черная столыпинская реакция.

Самодержавие распускает II Государственную думу. В тот же день охранка арестует социал-демократическую думскую фракцию.

Царское самодержавие в союзе со всеми буржуазными партиями при помощи виселиц, штыков и нагайки ликвидирует революционные завоевания рабочих. Войска и полиция бесноводно подавляют крестьянские восстания. Либеральная буржуазия клеветает на революцию, помогает Столыпину. Меншевики обливают грязью нелегальную РСДРП, провозглашают лозунг ее ликвидации и пытаются организовать «столыпинскую рабочую партию».

Важнейшей задачей большевистской партии становится дальнейшая борьба за сохранение в чистоте марксистско-ленинского учения, за единство партии, за подготовку масс ко второй революции, борьба за то, чтобы изолировать от рабочих масс враждебные пролетариату оппортунистические группы ликвидаторов, в том числе презренную группку Иудушки-Троцкого.

В 1908 году в Париже пятая общероссийская конференция РСДРП по предложению В. И. Ленина приняла резолюцию, в которой призвала партию «к самому энергичному сопротивлению» попыткам меньшевиков «ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа

от программы, тактики и традиций партии» («ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 128. Партиздат. 1936).

Поражение революции 1905 года и удары политической реакции вызвали почти повальное бегство интеллигенции от революции. Контрреволюция наступала и на идеологическом фронте.

В этот тяжелый момент в жизни народа и партии Вячеслав Михайлович Молотов, тогда еще 17-летний юноша, начинает свою партийную работу. Вступив в партию в 1906 году, он с первых шагов своей революционной борьбы отдает все свои творческие силы, всю свою молодую энергию и волю на службу партии и революции. Пламенный марксист-ленинец, он стойко и непримиримо ведет борьбу против классового врага и против его агентуры в рабочем классе — против ликвидаторов справа и «слева», против оппортунистов, капитулянтов и дезорганизаторов всех оттенков. Уже тогда товарищ Молотов выковывает в себе исключительные качества профессионального революционера-большевика.

В Казани товарищ Молотов в 1907—1909 годах организует под большевистским знаменем учащуюся молодежь и создает из передовой ее части группы пропагандистов и агитаторов.

В вологодской ссылке, преодолевая колоссальные трудности, он проводит большую агитационную и организационную партийную работу, одновременно усилению изучая марксизм-ленинизм.

Вооруженный четкими директивами Ленина и опытом боевой партийной работы в вологодской ссылке, где его усилиями была создана большевистская организация железнодорожников, товарищ Молотов приехал в 1911 году в Петербург. Тотчас после приезда он начинает революционную работу среди петербургского пролетариата. Он становится организатором и пропагандистом в Выборгском районе и среди железнодорожников Петербурга. Будучи студентом Политехнического института, товарищ Молотов завязывает широкие связи среди студенчества, активно участвует в создании объединенного социал-демократического студенческого комитета. Этот комитет руководит революционной борьбой студенчества, ставя своей важнейшей задачей широкое обслуживание петербургского и районных комитетов партии пропагандистами. Сам товарищ Молотов ведет несколько рабочих кружков Выборгского района.

Это уже было время, когда по всей стране начался быстрый подъем революционного рабочего движения, одним из проявлений которого была все нараставшая стачечная борьба.

Нагайка, свинец и виселицы не могли надолго удержать в рабстве великий народ. Столыпинская реакция, временно подавившая революционную активность масс, была подорвана мощной волной революционных выступлений пролетариата и крестьянства. В городах началась упорная борьба за 8-часовой рабочий день и за повышение заработной платы. В деревнях снова поднималось аграрное движение. И достаточно было ленинских событий, чтобы зажечь массы революционным огнем, чтобы снова поднять на поверхность общественной жизни России революционную борьбу пролетариата против самодержавия и эксплуататоров.

«Но петнициям, стало быть, суждено разрешить вековую тяжбу между старой и новой Россией... — направляя огонь против ликвидаторов, писал 15 апреля 1912 года в газете «Звезда» товарищ Сталин, — ...многочисленные митинги и забастовки рабочих, поднятые во всех углах России, по поводу Ленской бойни — разве они не говорят лишний раз о том, что рабочие не пойдут по пути петниций?»

Насущными задачами партийной работы в эти годы революционного подъема являлись пропаганда, внедрение в самые широкие массы лозунга о превращении экономических стачек в политические, организация и подготовка масс к новым решающим классовым боям. Эти задачи выдвигали необходимость создания популярной большевистской рабочей газеты, о

чем Ленин дал указание работникам в России.

Работа товарищей Сталина и Молотова по созданию «Правды», а затем по руководству «Звездой» и «Правдой» является воплощением в жизнь ленинского тезиса о том, что «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» (Ленин. Т. IV, стр. 141).

И. В. Сталин и В. М. Молотов энергично выполняют указание Ильича о создании фонда рабочей печати, о сборе среди рабочих денег на газету. Товарищ Молотов один из руководителей кампании по сбору средств «В железный фонд «Правды».

Идея Ленина о создании газеты была осуществлена товарищем Сталиным: 22 апреля (5 мая) 1912 года вышел первый номер ежедневной большевистской газеты «Правда».

«Правда», — писал впоследствии товарищ Сталин, — должна была помочь передовым рабочим сплотить вокруг партийного знамени проснувшиеся к новой борьбе, но политически отсталые, широкие слои русского рабочего класса» («Правда» № 98 от 5 мая 1922 года).

Этому сплочению вокруг знамени большевизма широчайших пролетарских масс товарищ Молотов подчинил всю свою работу в «Правде» в качестве члена и секретаря редакции. Он работал в «Правде» вместе с товарищами Сталиным, Свердловым, Полетаевым. Талантливый партийный журналист, товарищ Молотов печатал в «Правде» статьи под псевдонимами «А. Рябин», «В. Михайлов», «А. Званов», а также без подписи. В них он неизменно проводил через газету директивы и лозунги партии. В своих статьях он давал марксистско-ленинский анализ основных моментов классовой борьбы, широко пропагандировал учение Ленина—Сталина. Он бережно растил рабочих-корреспондентов, статьи, заметки и информации которых отражали борьбу масс, их тягу к объединению, к сплочению вокруг большевистской партии.

В. М. Молотов в «Звезде» и «Правде» своевременно, чутко откликался на важнейшие политические события дня и четко указывал на вытекающие из них задачи революционной борьбы рабочих и крестьян.

В конце марта 1912 года на шахте «Итальянка» произошел взрыв, от которого погибло большое число рабочих. Взрыв на шахте «Итальянка» особенно ярко показал, что капиталистические хищники преступно равнодушны к условиям труда рабочих. Голос гнева и протеста пролетариата раздался на всю Россию.

Самодержавие было наругано возмущением масс. 7 мая царский суд вынес приговор нескольким инженерам и техникам, виновным в катастрофе.

Спустя день после этого приговора товарищ Молотов выступает в «Правде» с резкой обличительной статьей. Он призывает пролетариат не успокаиваться на мелких уступках самодержавия, имеющих целью лишь ослабить революционную активность масс. Говоря о приговоре царского суда, товарищ Молотов подчеркивает, что подобный приговор ничего не даст рабочим.

«...третья часть шахтеров, — пишет товарищ Молотов, — подвержена неминуемому несчастью. А за три года весь состав рабочих торпит увечья. Это уж не медленное изурочивание капиталистической эксплуатацией, а планомерное и беспощадное калечение многих тысяч рабочих, принужденных жить и работать в тяжелых условиях.

Винновники наказаны! Вздохнул ли легче хоть один рабочий после этого приговора? Не остается ли все попрежнему и не стоят ли попрежнему беспомощно тысячи шахтеров перед очередным несчастьем? Где же, как не в своих организованных силах, способных защитить права и интересы рабочих, могут они получить поддержку?» («Правда» № 13 от 8 мая 1912 года).

4 апреля 1912 года на далеких ленинских приисках царское правительство расстреляло бастовавших рабочих. В ответ на это злодеяние по всей России начались массовые политические забастовки и демонстрации.

«...Россия вступила в полосу революционного подъема», — писал Ленин (Т. XV, стр. 533).

Товарищ Сталин выступает 15 апреля 1912 года в газете «Звезда» (№ 30) со статьей, озаглавленной «Новая полоса».

«Вслед за экономическими выступлениями рабочих, — пишет товарищ Сталин, — политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату — протесты, митинги, политические забастовки по поволу ленинских расстрелов».

Исходя из оценки момента Лениным и Сталиным, товарищ Молотов уже в следующем номере «Звезды» призывает пролетарские массы к единению, к организации. Разъясняя смысл событий на ленинских приисках и на шахте «Итальянка», товарищ Молотов пишет:

«...каждый новый удар снова и снова напоминает рабочему классу о необходимости организованной борьбы за элементарные политические и экономические права» («Звезда» № 31 от 17 апреля 1912 года).

Наиболее массовой формой этой организо-

ванной борьбы должны были стать профсоюзы. Ленин еще на заре первой русской революции писал, что профсоюзы «не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации» (Ленин, Т. IV, стр. 450).

Обобщая результаты повсеместных стачек, товарищ Молотов подчеркивает: «Снова и снова забастовки ставят на очередь организацию профессиональных рабочих союзов, как средство отстаивания своих требований и закрепления завоеваний» («Правда» № 20 от 23 мая 1912 года).

В. М. Молотов не только выступает в газете с призывом к организации профсоюзов, но и практически работает над их созданием, укреплением и развитием.

В июне 1912 года в редакции «Правды» собрались вместе с рабочими газеты и редакцией журнала «Вопросы страхования» рабочие районов Петербурга. Советствие обсуждало вопрос, как усилить большевистское руководство профессиональными союзами.

Открывая собрание, товарищ Молотов остановился на характеристике событий, недавно всколыхнувших всю Россию. Расстрел рабочих на Лене и катастрофа на шахте «Итальянка» — лишь наиболее яркие факты повседневного истребления капиталистами трудящихся. Профсоюзы должны быть массовыми, боевыми организациями пролетариата.

Так товарищ Молотов осуществляет задачи, поставленные Владимиром Ильичем, указавшим, что «Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика...» (Ленин, Т. XII, стр. 66). Товарищ Молотов подчеркивает, что необходимо со всей решительностью бороться за массовость профсоюзов, за усиление влияния партии в них и за отстранение от руководства ими ликвидаторов. Под влиянием горячей речи В. М. Молотова, вооружившей партию указаниями Ленина, советствие разработало конкретную программу работы большевиков в профсоюзах. Борьба большевиков за ликвидацию ликвидаторов из профессиональных союзов увенчалась полным успехом. Товарищ Молотов писал в статье «Из практики профессионального движения в Петербурге», помещенной в большевистском журнале «Просвещение»: «...либеральная рабочая политика — ликвидаторство — потеряла все свои позиции в профессиональном движении. Ликвидаторов «снимают с постов», как это произошло, например, у металлистов. Или ставят в ряды «отверженных» (например, у печатников) и т. д.».

В. М. Молотов. Москва. 1912 г. Архив ЦК КПСР.

Имя	Фамилия	Дата рождения	Место рождения	Образование	Служба	Звание	Степень	Степень	Степень
Молотов	Владимир	1890	Саратов	Среднее	Служба	Сержант	Среднее	Среднее	Среднее

1921

В. М. Молотов — студент Политехнического института. 1912 год. Снимок охранного отделения. Музей революции СССР.

В июле 1914 года в письменном докладе ЦК Брюссельскому совещанию (на котором лидеры II интернационала сделали безуспешную попытку под флагом «примирения» заставить большевиков прекратить критику меньшевиков) Ленин заявил: «И в Питере и в Москве профессиональные союзы сданы. Все дело в том, что в этих союзах полнейшее преобладание правителей» (Ленин. Т. XVII, стр. 551). Ленин в том же докладе подчеркивал, что «Правда» в такой мере сплачивает и объединяет пролетариат, что роль ликвидаторов в рабочем движении последовательно сведется на-нет.

«В результате двух с половиной лет упорной борьбы с ликвидаторами за восстановление массовой революционной рабочей партии большевики добились того, что к лету 1914 года за большевистской партией, за «правдивейшей» тактикой по четыре пятых активных рабочих России» («История ВКП(б)», стр. 148).

Исключительно ярко вырисовывается талант В. М. Молотова как большевистского журналиста в остром политическом памфлете «О «девятом» и о «первом месте». Разоблачая реакционного писаку из газеты «Новое время», выступившего с упреком царизму по поводу того, что русские офицеры заняли в международных соревнованиях девятое место, товарищ Молотов писал:

«Если по стрельбе Россия стоит на девятом месте, то разве, с другой стороны, не она стоит на первом месте по количеству истребителей и крестьянских голодовок?..

А тюрьмы, переполненные заключенными? а постоянные преследования евреев и иноверцев? а интендантские хищения? а преследования рабочих организаций и рабочей печати? Разве во всем этом Россия не занимает первого места среди культурных стран?...

И после всего этого стоило говорить, что Россия стоит «на девятом месте»?!» («Правда» № 45 от 21 июня 1912 года).

После ареста товарища Сталина (22 апреля 1912 года) в руках товарища Молотова сосредоточивается руководство столичной большевистской организацией на все время до возвращения товарища Сталина в столицу в сентябре того же года после его побега из ссылки.

Государственная Дума, в которой господствовали реакционные партии черносотенцев, октябристов и кадетов, была оплотом самодержавия. Царское правительство использовало ее для удушения рабочего революционного движения.

Товарищ Молотов разоблачает на страницах «Правды» гнусность и продажность этой опоры царизма.

«Не вы ли 4 года были в полном служении одного господина, — обращается к

«октябристам» товарищ Молотов, — а пятый год своей «работоспособности» отдала также покорно другому господину» («Правда» № 36 от 10 июня 1912 года).

В статье «Кто же «подстрекатели»?» («Правда» № 3 от 25 апреля 1912 года) товарищ Молотов изобличает и другой, еще более реакционный орган царской власти — Государственный Совет. Он едко, зло бичует члена Государственного Совета Дурново, выступившего против законопроекта «Об обеспечении рабочих на случай болезни».

В. М. Молотов не оставил без внимания и третье звено в российской «законодательной» системе — Сенат.

Когда перед выборами в IV Государственную Думу Сенат в ответ на запрос министра внутренних дел «разъяснил», что «евреи, пользующиеся условным правом жительства, правом на участие в выборах в Государственную Думу не пользуются», В. М. Молотов откликнулся в «Правде» на сенатское решение статьей «Новое «разъяснение»:

«Это маленькое добавление к тому, что сенат давно уже делает: снова часть избирателей..., именно та часть, которая... давала в Думу представителей оппозиции, лишена избирательных прав» («Правда» № 40 от 15 июня 1912 года).

Так в немногих словах В. М. Молотов раскрыл политический смысл этого «разъяснения». Царские сенаторы хорошо знали, что на предстоящих выборах трудящиеся евреи будут голосовать за представителей рабочих. Читая статью товарища Молотова, угнетенные народы многонациональной России видели, что партия большевиков борется за их раскрепощение.

Слованные тисками николаевской цензуры, газеты «Правда» и «Звезда» под руководством В. М. Молотова используют малейшую возможность популяризировать ленинские лозунги и встать на защиту голодного, обездоленного крестьянства. Когда в 1912 году царское правительство ассигнует небольшую сумму в пользу голодающих крестьян, товарищ Молотов в «Звезде» (№ 26) указывает, что денежными подаяниями спасти голодающих крестьян от гибели нельзя:

«Искать решения «голодного вопроса», умалчивая о том, что решение его есть решение крестьянского вопроса в целом, могут лишь те, кто не желает или не может решить этого вопроса.

Ибо не миллионы и общественные работы, не кооперативы и народные банки, а только демократизация всего государственного строя в России (разрядка моя; в цензурной большевистской печати слова «демократизация всего государственного строя»

были псевдонимом слова «революция». — П. П.) и наделение крестьян землей без выкупа даст решение крестьянского вопроса вообще и вместе с ним решит «голодный вопрос» («Звезда» № 26 от 5 апреля 1912 года).

В этой же статье В. М. Молотов направляет на верный путь крестьянство в предстоящей избирательной кампании:

«Пусть же на выборах в 4-ю Думу крестьянская демократия скажет сама: оправдывает ли она расчеты правительства, верит ли либеральным разглагольствованиям или же поддерживает требования избирательной платформы «третьего лагеря» (там же).

Неустанно следя за работой «Правды», В. И. Ленин продолжает вести систематическую кампанию за создание и возможно большее укрепление ее материальной базы.

Материальная основа газеты, создаваемая самими рабочими, неоднократно подчеркивал Ленин, является ярким свидетельством глубокой потребности рабочего класса в своей ежедневной газете. С другой стороны, железный фонд печати — воплощение решимости широких масс бороться за свою газету, материальная сила, обеспечивающая «Правде» полную возможность развития.

«С точки зрения почвина, энергии с а м и х рабочих, — пишет в это время в «Правде» В. И. Ленин, — гораздо важнее 100 руб., собранные, скажем, 30-ю группами рабочих, чем 1 000 руб., собранные десятками «сочувствующих». Газета, основанная на п я т а к и, собранные маленькими заводскими и фабричными кружками рабочих, во много раз солиднее, прочнее, серьезнее поставлена (и с точки зрения финансовой, и — что всего важнее — с точки зрения развития рабочей демократии), чем газета, основанная на десятки и сотни рублей, внесенные «сочувствующей интеллигентней» (В. И. Ленин. Т. XVI, стр. 46).

В. М. Молотов — организатор железного фонда большевистской печати, создатель его — неустанно работает над его укреплением.

В общей сумме бесчисленных репрессий, которые царское правительство обрушивало на «Правду» и другие органы революционной рабочей печати, значительная доля арестов, конфискаций и штрафов падает именно на статьи товарища Молотова. За статью Рябина (один из псевдонимов товарища Молотова) «Голодный вопрос» наложен арест («Звезда» № 26(62) 5 апреля 1912 г.), за статью А. Рябина «К организации» наложен арест («Звезда» № 31 (67), 17 апреля 1912 г.), за статью А. Рябина «Евреи и

выборы» петербургский градоначальник распорядился арестовать редактора «Правды» на 3 месяца («Правда» № 73, 24 июля 1912 г.), за статью А. Званова (другой псевдоним товарища Молотова) «Торговля штурмбрюхами» («Правда труда» № 14, 26 сентября 1913 г.) и за статью «Важная поправка» («За правду» № 30, 8 ноября 1913 г.) наложен арест (см. «Большевистская печать в тисках царской цензуры, 1910—1914». Лениздат, 1939, стр. 181, 192, 194).

Представление о страхе, который испытывали охранители устоев самодержавия перед революционизирующим воздействием статей товарища Молотова, дает следующий документ:

Донесение С.-Петербургского Комитета по делам печати

Главному управлению по делам печати.

6 апреля 1912 года.

В № 26 (62) от 5 сего апреля газеты «Звезда» напечатана статья Рябина под заглавием «Голодный вопрос». Статья эта имеет своей целью убедить читателей в том, что вопрос о причинах голода в России стоит в непосредственной связи с крестьянским вопросом вообще и что единственное средство к вполне правильному разрешению его заключается в «наделении крестьян землей без выкупа». Вместе с тем автор призывает «крестьянскую демократию» поддержать на предстоящих выборах в Государственную думу ту партию, которая ставит на своем знамени требование именно такого разрешения означенного вопроса.

Приняв во внимание, что в выражении «наделение крестьян землей без выкупа» разумеется, несомненно, принудительное и безвозмездное отчуждение частновладельческих и великих имений, но принадлежащих крестьянам, земель, с.-петербургский комитет по делам печати усмотрел в содержании названной статьи признаки преступного деяния, караемого п. 2 ст. 129 уг. ул. Ввиду этого комитет постановил: 1) возбудить, на основании приведенной статьи закона, судебное преследование против редактора газеты «Звезда», а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, и 2) наложить на № 26 (62) означенной газеты арест на основании ст. 1213¹⁰ уг. ул. судопр.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания с.-петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам

В. М. Молотов. 1913 год.
Музей революции СССР.

печати, в дополнение к донесению своему от 5 апреля за № 778.

За председательствующего
А. АНДРИЯШЕВ (см. «Большевистская печать в тисках царской цензуры, 1910—1914». Лениздат, 1939, стр. 39—40).

14 (27) ноября 1912 года товарищ Молотов, преследуемый агентами охраны, перешел на нелегальное положение. Но работа в подполье не снизила, а, наоборот, усилила его активность и энергию. Как член Петербургского комитета партии, он, преодолевая трудности нелегального положения, бывал всюду, где требовали того интересы партии.

Товарищ Молотов читал лекции в рабочих кружках Выборгского района, участвовал в кампании по выборам в IV Государственную думу.

После выборов в IV Государственную Думу товарищ Молотов уделял большое внимание работе большевистской фракции Думы. Он помогал депутатам-большевикам готовиться к выступлениям, вместе с ними разрабатывал законопроекты, которые большевистская фракция с агитационной целью вносила в Думу. Товарищ Молотов активно участвовал в выработке законопроекта о восьмичасовом рабочем дне. Деятельность думской большевистской фракции была одним из легальных участков работы нашей партии. Товарищи Сталин и Молотов при помощи думской фракции расширяли связи с рабочими массами и объединяли их вокруг лозунгов большевистской партии.

14 (27) марта 1913 года товарищ Молотов выступил на сессии в Политехническом институте, где предложил объявить забастовку в ответ на введение новых репрессий под флагом «реформ» в Военно-медицинской академии.

1 (14) апреля 1913 года при разгроме полицией объединенного социал-демократического студенческого комитета товарищ Молотов был арестован, а затем выслан. Но он нелегально остается в окрестностях Петербурга и продолжает работать в Петербургской большевистской организации.

В конце 1913 года — новый арест и затем освобождение за недостатком улик и запрещение жить в столице. Снова поселившись под Петербургом, товарищ Молотов продолжает партийную работу, сотрудничает в «Правде», а также в большевистском журнале «Просвещение».

22 апреля (5 мая) 1914 года охранка снова выследила товарища Молотова и вновь выслала его из столицы с запретом проживать в промышленных городах. Однако, поселившись близ Петербурга, он восстановил прерванные связи. В первые дни мировой войны товарищ Молотов снова в Петербурге.

Он возглавляет работу Петербургского комитета и районных организаций. Ученик и преемник товарища Сталина и Сверлова по работе в Петербургской организации, В. М. Молотов с небольшими перерывами, вызывавшимися арестами и высылками, успешно руководит работой этой ведущей организации, проводя ленинскую линию, умело сочетая подпольную и легальную работу в один из самых ответственных исторических этапов в жизни партии и рабочего класса.

* * *

Когда российский империализм, стремясь захватить новые рынки сбыта и задуть массовое революционное движение, ввязался в войну на стороне Англии и Франции, против Германии, В. М. Молотов занял без колебаний большевистскую позицию по вопросу о войне.

Еще за несколько дней до объявления общей мобилизации самодержавие разгромило редакцию «Правды». Однако продолжавшаяся ею во главе со Сталиным и Молотовым работа в 1912—1914 годах сыграла громадную роль в подготовке рабочего класса и его ленинско-сталинской партии к их дальнейшей борьбе в годы войны и в момент второй революции.

«Большевиков» тогда называли «правдистами». С «Правдой» росло целое поколение революционного пролетариата, которое провело потом Октябрьскую социалистическую революцию. За «Правдой» стояли десятки и сотни тысяч рабочих. В годы

революционного подъема (1912—1914) был заложен прочный фундамент массовой большевистской партии, которого не могли разрушить никакие преследования царизма в период империалистической войны» («История ВКП(б)», стр. 148).

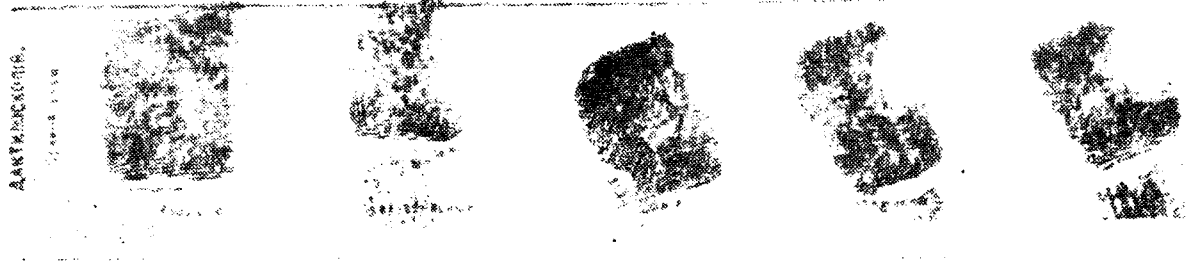
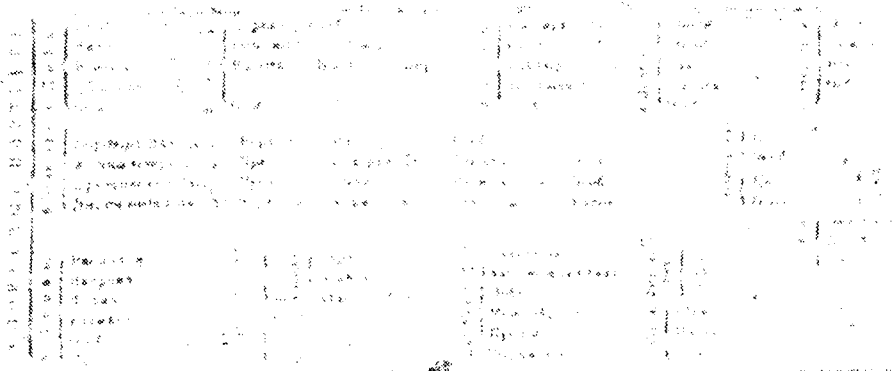
В страну наступили дни черной реакции. В июльские дни 1914 года полиция задерживала на улицах большевистских агитаторов, производила обыски в домах и на заводах, арестовывала рабочих «Правды», выслеживала членов Петербургского комитета, руководителей районных организаций и большевистских депутатов Государственной думы. В эти дни товарищ Молотов собрал уцелевших от ареста членов Выборгского районного комитета партии и поставил на обсуждение выборгцев вопрос об отношении партии к войне.

Начинающаяся война, говорил товарищ Молотов, — война во имя захвата новых земель и покорения чужих народов. В условиях военного положения и произвола властей работа партии станет необычайно трудной. Но и в этой трудной обстановке большевики должны и сумеют вести самую широкую агитацию против войны и против шовинизма, бороться за низвержение самодержавия.

Тяжела была тогдашняя обстановка для революционной работы. Даже товарищу Молотову, при его весьма больших связях с рабочими заводами, потребовалось почти два месяца сверхчеловеческой работы для восстановления Петербургского комитета, для организации надежной связи районов друг с другом и постановки на обсуждение партии вопроса о войне и о тактике большевиков в борьбе против войны.

Совещание членов Выборгского партийного комитета, возглавлявшееся товарищем Молотовым, взяло правильную, большевистскую, последовательно-интернационалистскую установку еще до получения из-за границы исторического ленинского манифеста ЦК «Война и российская социал-демократия». В тектографированной листовке, выпущенной этим совещанием, говорилось, что рабочий класс ни в коем случае не может поддерживать в данной войне царское правительство, что лозунгами рабочих должны быть не только «Долой войну!», но и «Долой самодержавие!» Листовка призывала рабочих к демонстрациям протеста против войны.

В день объявления мобилизации толпы рабочих из-за Невской заставы и из других районов Петрограда во главе с большевиками вышли на улицы с красными флагами и направлись к центру столицы. У Николаевского вокзала произошло столкновение рабочих демонстраций с группой черносотенных манифестантов.

В. М. Молотов. 1915 год. Снимок охранного отделения.

Музей революции СССР.

На демонстрацию протеста против войны вышли рабочие и на Выборгской стороне. Весь Большой Сампсониевский проспект был загроможден бросившими работу рабочими. Около сборных призывных пунктов слышался плач женщин, в толпе то тут, то там раздавались проклятия царизму.

В это тяжелое время, когда царское правительство погнало на фронт более 40% петербургских рабочих и среди них немало большевиков, товарищ Молотов с колоссальной энергией и большевистским упорством боролся за восстановление партийной организации в Петрограде. Шаг за шагом с помощью собранного вокруг себя партийного актива он налаживал потерянные связи с заводами, восстанавливал районные комитеты партии, предлагал им выделить представителей от районов в Петербургский комитет.

Петербургская организация большевиков под руководством товарища Молотова возглавила борьбу петербургских рабочих против

империалистической войны. Ленин писал в газете «Социал-демократ» о работе Петербургского комитета большевиков:

«Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский Комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — прекрасный образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях» (Ленин, т. XVIII, стр. 311).

1 августа Петербургский комитет выпустил листовку под редакцией товарища Молотова с призывом к организации и борьбе против самодержавия, с лозунгами «Долой самодержавную монархию!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует демократическая республика!».

В середине августа Петербургский комитет выпустил второе воззвание против войны, также редактировавшееся товарищем Молотовым, с лозунгами «Долой войну!».

М. В. Д.
ПРИСТАВЪ
1 стана
Верхотенского уезда

Handwritten notes and signatures in the top left margin.

283
Скрябин
Скрябин

В Иркутскому Губернскому Жандармскому управлению

*Всего в количестве 100 экземпляров...
...отпечатано в типографии...
...в Иркутске...*

Приставъ Н. М. Скрябин

Сообщение станового пристава Верхотенского уезда Иркутскому губернскому жандармскому управлению о побеге из ссылки В. М. Молотова. Август, 1916 год.

Музей революции СССР.

«Организуйтесь в политические партии!»,
«Запасайтесь оружием...»

Следуя указаниям Ленина, товарищ Молотов и в этот трудный период сочетал легальную работу с нелегальной. При непосредственном участии товарища Молотова выходил единственный легальный орган партии — журнал «Вопросы страхования».

Когда Ленин из-за границы после начала войны восстановил связи с Петербургской организацией, он немедленно дал указание использовать среди других легальных возможностей журнал «Вопросы страхования» и превратить его в орган политического руководства. Еще до этого Владимир Ильич в своем докладе от имени ЦК РСДРП на Брюссельском совещании, подчеркивав большое значение страхового движения, сообщил, что «Вся рабочая группа всероссийского страхового учреждения состоит из правых, т. е. из рабочих, осудивших и отвергнувших ликвидаторство» (Ленин. Т. XVII, стр. 551), и требовал поддержки центральному органу рабочего страхового представительства — журналу «Вопросы страхования».

Товарищ Сталин, приветствуя (уже во время войны) журнал «Вопросы страхования», говорил, что его задачей является

приложить «все усилия и старания и к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международности проповеди г. Потресовых, Левецких и Плехановых» (Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. ИМЭЛ. Стр. 27).

В. М. Молотов, учитывая то значение, какое придавали страховому движению Ленин и Сталин, стремился влить в страховую работу подлинно большевистское содержание.

В конце марта 1915 года В. М. Молотов, направленный Русским бюро ЦК в Москву, деятельно принялся за восстановление Московского городского и областного комитетов партии, разрушенных арестами.

Вот как об этом сообщает донесение охранного отделения:

«В конце марта 1915 года Скрябин был командирован в Москву Петроградским комитетом РСДРП для восстановления партийной работы в г. Москве... В г. Москве он, при посредстве сестры Ленина — Марии Ильиничны Ульяновой, связался с некоторыми особо активными социал-демократическими работниками. С приездом Скрябина и др., агентура отметила подъем революционного настроения среди представи-

телей местного социал-демократического подполья, причем все настойчивее говорилось о необходимости создания в г. Москве оформленной социал-демократической организации, которая бы способствовала сплочению разрозненных пролетарских масс и руководила бы выступлениями последних» (см. ниже публикуемые документы).

Товарищу Молотову удалось пробыть в Москве только с марта до июня 1915 года, когда он был арестован и сослан в Иркутскую губернию. За короткое время работы в Москве он успел восстановить партийные организации в Лефортовском, Симоньевском и Пресненском районах и укрепить партийную работу всей Московской организации.

Товарищ Молотов бежал из иркутской ссылки в мае 1916 года и вскоре вновь появился в Петрограде. Низовые партийные организации Выборгского района выбрали своего испытанного руководителя в Выборгский районный комитет партии. Выборгский комитет делегировал товарища Молотова в Петербургский комитет партии. В августе того же года товарищ Молотов по директиве западной части ЦК был кооптирован в Русское бюро Центрального Комитета партии. С этого момента и до приезда из ссылки товарища Сталина товарищ Молотов возглавлял работу Бюро Центрального Комитета партии.

* * *

В стране назревала революционная буря. Ее приближение особенно чувствовалось в столице. Несмотря на все усилия охранки не удалось парализовать деятельность Петербургского комитета партии. Уже начиная со второй половины октября 1916 года сводки охранного отделения пестрят сведениями об энергичной работе большевиков среди рабочих и о росте влияния партии среди питерского пролетариата.

Приблизительно с этого же времени Петербургский комитет партии широко развернул работу среди воинских частей петроградского гарнизона и среди моряков Балтийского флота. Особенно крепкая партийная организация существовала у матросов Кронштадта, руководство которой взял на себя товарищ Молотов.

«В Кронштадте большевиками был создан «Главный коллектив кронштадтской военной организации», который находился в тесной связи с Петроградским комитетом партии. Была создана военная организация при Петроградском комитете партии для работы в гарнизоне» («История ВКП(б)», стр. 165).

В октябре 1916 года охранка вновь произвела массовые обыски и аресты в столице. На этот раз она полагала, что ей удалось окончательно разгромить партийную

организацию, о чем хвастливо доносила 30 октября директор департамента полиции министру внутренних дел Протопопову.

Однако охранка переоценила свои успехи: уцелевший от ареста товарищ Молотов вновь энергично принялся за восстановление разгромленного арестами руководства партийной организации, и вскоре Петербургский комитет не только восстановил свою работу, но и значительно расширил ее.

В начале октября Петербургский комитет омпечатал и широко распространял по фабрикам и заводам воззвание, написанное товарищем Молотовым.

«С каждым днем жизнь становится все труднее», — говорилось в воззвании... Война несет с собой не только смерть миллионам и море горя: она вызывает и проловольственный кризис. «Страшный призрак — Царь-Голод... вновь угрожающе надвигается на Европу, и ледяное дыхание его встает ужасом и смертью... Война ведется на истощение...»

В воззвании указывалось, что рабочий класс должен энергично бороться против войны, а борьба с войной есть прежде всего борьба с самодержавием, и что покончить с войной может только победоносная революция (Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. II, № 135. Госполитиздат. 1939).

Пролетариат Петрограда энергично откликнулся на это воззвание большевиков. По выходе воззвания на многих заводах состоялись митинги; на них большевики открыто ставили на обсуждение собравшихся вопрос о революционном выходе из войны.

На заводе Рено, на Выборгской стороне, 17 октября 1916 года рабочие после обсуждения воззвания большевиков приняли решение объявить забастовку протеста против войны. С революционными лозунгами и криками «Долой самодержавие!» и «Долой войну!» они вышли на улицу и направились к другим заводам. После обеда 17 октября у завода Новый Леснер, откуда рабочие вышли на соединение с рабочими завода Рено, произошло столкновение с полицией. Это происходило против казармы 181-го запасного полка, который 26 октября должен был выступить на позиции. Здесь впервые состоялось открытое братание рабочих с солдатами.

Известие о столкновении рабочих с полицией широко разнеслось не только по Выборгскому району, но и по всем районам Петрограда. В течение 3—4 дней забастовки протеста охватили все крупнейшие предприятия столицы.

Охранка ответила на это выступление рабочих новыми обысками и новыми арестами.

стами. Однако охранке не удалось захватить руководящего ядра Петербургского комитета во главе с товарищем Молотовым.

На 26 октября 1916 года был назначен военный суд над 20 моряками Балтийского флота по обвинению их в создании партийной военной организации. Подсудимым угрожала смертная казнь. Товарищ Молотов в качестве члена Русского бюро ЦК настаивал на обсуждении Петербургского комитета вопрос об организации в день суда массового выступления рабочих. Петербургский комитет вынужден был печатную прокламацию с призывом к рабочим протестовать в день суда. На призыв большевиков пролетариат ответил 25—26 октября массовой забастовкой и демонстрацией. Забастовка началась на Выборгской стороне и вскоре перекинулась на остальные районы. Она охватила 130 тысяч человек.

Рабочие устраивали митинги, выносили на них резолюции протеста против суда над матросами и выходили на демонстрации с лозунгами «Долой войну!», «Долой смертную казнь!»

Эти демонстрации произвели настолько сильное впечатление на правительство, что военно-морской суд не осмелился приговорить ни одного из подсудимых к смертной казни и ограничился посылкой революционных матросов на каторжные работы.

В конце декабря охранкой снова были произведены крупные аресты, причем в Новой Деревне была взята нелегальная типография Петербургского комитета. Попытка Комитета использовать легальную типографию для печатания № 4 «Пролетарского голоса» не удалась, так как вследствие доноса предателя рабочие-печатники, которым товарищ Молотов поручил печатать газету, были захвачены охранкой.

Петербургский комитет не мог вследствие провала типографии выпустить к годовщине 9 января воззвание. На заседании Петербургского комитета с участием представителя Бюро ЦК товарища Молотова было решено в день 9 января провести политическую забастовку и устроить уличные демонстрации под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Да здравствует революция!»

Отсутствие листовок не мешало заводским и фабричным коллективам нашей партии подготовить стачку.

Охранка накануне 9 января вновь попыталась разгромить Петербургскую партийную организацию и этим сорвать готовившееся выступление, но это ей не удалось. На многих заводах и фабриках рабочие, придя в обычный час на работу, к работе не приступали, собирались на митинги, на которых агитаторы Петербург-

ского комитета призывали к активной борьбе с царизмом.

Товарищ Молотов привел итоги этой кампании в середине января на расширенном заседании Петербургского комитета с участием активных районных работников. Товарищ Молотов констатировал, что хотя 9 января и не удалось устроить всеобщую уличную демонстрацию, но выступления рабочих в этот день являлись пробой революционных массовых действий на улицах города.

Товарищ Молотов, укрепляя Петербургскую организацию, налаживал правильные взаимоотношения между Бюро ЦК и Петербургским комитетом. Он предложил последнему систематически информировать Бюро о проведении той или иной политической кампании. 12 января Исполнительная комиссия Петербургского комитета направила в Бюро ЦК первый доклад, в котором сообщила предварительные итоги революционных выступлений 9 января. Указав на то, что большевики усилили свое влияние на Обуховском заводе, доклад сообщал: «Успешное проведение 9 января очень подняло дух масс. Настроение на заводах очень бодрое, политически сознательное и открывает широкие революционные возможности».

Этот материал Бюро ЦК поместило в № 1 «Осведомительного листка», который был создан по инициативе товарища Молотова (вышел 22 января 1917 года). В № 1 «Листка» были помещены сообщения о рабочем движении и о работе большевистских организаций Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Шуп, Кохмы, Нижнего-Новгорода, Тулы и Поволжья.

Второй номер «Осведомительного листка» вышел перед самой февральской революцией.

Товарищ Молотов принимал также большое участие в организации выпуска подпольного органа Петербургского комитета «Пролетарский голос», первый номер которого вышел в первой половине февраля 1915 года.

* * *

Явное приближение революции заставило «прогрессивный блок» Государственной думы, представлявший интересы русской буржуазии, перейти в открытую оппозицию к царизму. Буржуазия пыталась этим маневром овладеть начинавшимся народным движением и предотвратить революцию. Как всегда, на помощь буржуазии пришли ликвидаторы: меньшевистская «Рабочая группа» Центрального военно-промышленного комитета пыталась поддержать Государственную думу; ликвидаторы-оборонцы выпустили подпольный листок (без подписи, что было характерно для их политиче-

ской трусости), в котором призывали рабочих Петрограда поддержать Думу 14 февраля, в день ее открытия, шествием рабочих к Думе.

Бюро ЦК обсудило этот вопрос на совместном заседании с Исполнительной комиссией Петербургского комитета. Выступивший с докладом товарищ Молотов подчеркнул, что времена хождения ко дворцам кончились еще 9 января 1905 года и что большевики должны энергично выступить против грандиозной провокации, организуемой ликвидаторами-оборонцами. Бюро ЦК и Петербургский комитет высказались против ликвидаторской затеи, имевшей целью поддержку буржуазии.

18 февраля 1917 года на Путиловском заводе забастовали рабочие одной мастерской. Спустя 4 дня забастовали рабочие крупнейших предприятий Петрограда.

Империалистическая война, легшая тяжчайшим бременем на плечи народа, тяжелее всего отзывалась на женщинах-работницах. Среди них росла и ширилась ненависть к зачинщику трехлетней бойни — царскому самодержавию, к буржуазии и помещикам.

Товарищ Молотов учитывал громадное политическое значение роста недовольства среди работниц. ЦК большевиков обратился к ним с призывом отметить Международный женский день (23 февраля по старому стилю, 8 марта — по новому) широкими массовыми уличными демонстрациями. 23 февраля (8 марта) работницы вышли на улицу. Они хватали набросившихся на них казаков за стремени, напоминали им об их женах, говорили, что они требуют хлеба, прекращения войны. Женщины призывали солдат и казаков не стрелять в бастующих и присоединиться к требованиям революционного народа.

Поздно вечером 23 февраля активные работницы Петербургского комитета приносили на явочную квартиру сведения, что братание рабочих с солдатами, начатое работницами, вовлекает солдат в революцию. Об этом были широко оповещены партийные коллективы, и на другой день партийные агитаторы вновь призывали рабочих к забастовкам, демонстрациям, к братанию с солдатами.

Товарищ Молотов умело руководил организацией братания. 24 февраля рабочие и работницы собирались вокруг казарм, около часовых, приветствовали проходившие мимо воинские части, дружески беседовали с солдатами, стоявшими в оцеплении.

24 февраля забастовка охватила 200 тысяч рабочих. Товарищ Молотов предложил Бюро ЦК дать директиву районам ни в коем случае не ограничивать идущую на бурный подъем стачку каким-

либо сроком, а развивать революционную борьбу шире и глубже.

Утром 25 февраля, когда политическая стачка стала всеобщей, Бюро ЦК на специальном заседании констатировало, что приближается решительный бой с царизмом.

По инициативе В. М. Молотова Бюро ЦК решило выпустить боевую листовку и составить ее поручило товарищу Молотову.

Листовка призывала к открытой борьбе с самодержавием. «Надвинулось время открытой борьбы... — говорилось в ней. — Спасение в немедленной и повсеместной борьбе... Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы... Впереди борьба, но нас ждет верная победа! Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует Социалистический Интернационал!» (Листовки петербургских большевиков, т. II, листовка № 150).

Поздно вечером было вновь созвано заседание Бюро ЦК на хорошо законспирированной квартире известного рабочего-большевика Д. А. Павлова. Члены Бюро сообщили о положении дел в районах. Они говорили, что стачка подняла активность и энтузиазм широких рабочих масс до невиданных размеров, что стачка приняла всеобщий характер, настроение рабочих боевое; они уверены в победе; общий голод бастующих; не останавливаться на полпути, надо дело довести до конца, шора покомчить с царизмом.

Рабочие налаживали связь с солдатскими казармами. Большевики Выборгского района проникали в казармы расквартированных в районе запасных полков и батальона самокатчиков.

26 февраля было нерабочим днем (воскресенье). Наутро должен был собраться Петербургский комитет партии для обсуждения вопроса о восстании. Но в ночь на 26-е охранка произвела массовые аресты большевиков. Петербургский комитет был разгромлен.

Товарищу Молотову случайно удалось избежать ареста.

Непосредственное руководство Петербургской организацией перешло к Бюро ЦК во главе с товарищем Молотовым, которому случайно удалось избежать ареста.

«Руководство практической работой большевистской партии осуществлялось в это время находившимся в Петрограде Бюро Центрального Комитета нашей партии во главе с тов. Молотовым» («История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 169).

В. М. Молотов. 1917 год.
Музей революции СССР.

Товарищ Молотов немедленно принялся за восстановление Петербургского комитета. Ему помогли рабочие заводов Выборгского района, с которыми он был связан длительной совместной партийной работой. Избежавшие ареста члены Выборгского комитета партии руководили революционным движением масс. Таким образом, аресты не вызвали дезорганизации в работе большевиков. Аресты уже не могли задержать восстания.

27 февраля 1917 года восставшие полки вооружили рабочих. Рабочие и солдаты соединились в боевые отряды.

Получив оружие, народ потребовал освобождения из тюрем своих вождей. Боевые отряды восставших на грузовиках мчались к тюрьмам, полицейским участкам и разрушали заставки царизма.

Появление на улицах грузовиков с вооруженными рабочими и солдатами подняло революционную энергию масс. Улицы очищались от полицейских, казаки скрывались, народ расправлялся с укрывавшимися на чердаках городскими с иудеями.

В каждом районе восставшие шли к казармам, требуя от солдат участия в освобождении народа. Офицеры запирали ворота казарм, выставляли караулы из «надежных» солдат. Но солдаты, возбужденные призывами рабочих, устранили офицеров, сметали охрану и открывали ворота. Вскоре к восставшим присоединились и

солдаты мастерских бронзового дивизиона. Они вывели на поддержку революции бронемашину.

В самом оне восстания, как только быстрый переход войск на сторону рабочих решил судьбу самодержавия и обеспечил победу революции, товарищ Молотов составил манифест Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии «Къ всем гражданам России». Манифест от имени ЦК большевиков возвещал о падении самодержавия:

«...Твердыни русского царизма пали... Столица в руках восставшего народа».

Манифест призывал народ продолжать вооруженную борьбу против царизма и создать Временное революционное правительство, которое осуществит ближайшие задачи революции: заключение мира, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель, передачу их народу и введение 8-часового рабочего дня.

Еще до восстания Вольевского, Саперного, Литовского, Павловского и других гвардейских полков, утром 27 февраля, по инициативе товарища Молотова на собрания районного комитета и рабочих Выборгского района была образована инициативная группа по выборам Совета рабочих депутатов. Эта группа вынуждена печатное воззвание:

«Товарищи, настал желанный час! Народ берет власть в свои руки, революция началась, не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня же Временное революционное правительство.

Только организация может укрепить нашу силу. Прежде всего выберите депутатов, пусть они свяжутся между собой, пусть под защитой оружия создается Совет Депутатов.

Крепкой связью вы присоедините к себе остальных солдат, идите к казармам, зовите остальных. Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб. Захватывайте все здания, которые могут послужить опорой для нашей борьбы.

Товарищи солдаты и рабочие!

Выбирайте депутатов, связывайтесь между собой в организации для победы над самодержавием!

ОРГАНИЗУЮЩИЙСЯ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ».

Этот документ с очевидностью опровергает утверждения меньшевиков и других врагов большевизма о том, что революция в Петербурге происходила без участия большевиков и будто Совет рабочих депутатов возник 27 февраля по инициативе социал-оборонцев.

В ту же ночь, с 27 на 28 февраля, партийный актив, руководивший восста-

нием, собрался в доме городского самоуправления. Под руководством товарища Молотова был создан первый открытый Петербургский комитет большевистской партии.

В Таврическом дворце, в помещении Государственной думы, уже вырабатывались планы улучшения революции. Октябрьсты, кадеты, все буржуазные партии из кожи лезли вон, чтобы захватить в свои руки власть, счастья монархию и господство буржуазии.

Меньшевики и эсеры, пользуясь тем, что в первые дни революции большевистские вожди и тысячи активистов партии Ленина — Сталина еще не успели вернуться из ссылки и эмиграции, захватывали депутатские места в Совете и перебрасывали мостик от Совета рабочих депутатов к создававшемуся комитетом Государственной думы Временному помещичье-буржуазному правительству.

Большевики во главе с товарищем Молотовым немедленно связались с солдатскими делегациями, непрерывно двигавшимися к Таврическому дворцу, где заседал Петроградский совет рабочих депутатов. В большом Циркулярном зале Таврического дворца большевики в горячих, страстных речах убеждали солдат укрепить боевой союз рабочих и солдат, который уже покончил с царизмом. Они предлагали солдатам требовать, чтобы в Совет рабочих депутатов были введены и солдатские депутаты.

Все солдатские делегации передали своим частям это предложение. Солдаты с радостью его приветствовали. Всю ночь на улицах у костров и в казармах происходили выборы делегатов в Совет от полков. Утром 28 февраля, как было условлено с представителями большевиков, делегаты явились в Таврический дворец и потребовали введения представителей солдат в Совет. Среди членов меньшевистско-эсеровского президиума Совета произошло замешательство. Поддержанные большевиками, солдатские делегаты ворвались в зал Совета и, бурно приветствуемые революционными рабочими, настояли на том, чтобы в Совет рабочих депутатов были немедленно введены делегаты, избранные войсками.

Солдатские делегаты тут же поставили вопрос о смещении офицеров и добились издания от имени Петроградского совета знаменитого «приказа № 1». По этому приказу, во всех частях избирались солдатские комитеты, устанавливалось равенство в правах солдат со всеми гражданами, отменялось обязательное отдание чести вне службы. Все оружие передавалось в распоряжение солдатских комитетов, воинские части в своих политических выступлениях

подчинялись только своим комитетам и Совету рабочих и солдатских депутатов.

В Исполнительный комитет Петроградского совета вошел от большевиков товарищ Молотов.

Так образовался первый в стране объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов.

В ту же ночь, с 27 на 28 февраля, товарищ Молотов приступил к восстановлению разгромленной в первые дни войны «Правды», и уже в первые дни революции она снова начала выходить.

Утром 3 марта товарищ Молотов от имени Русского бюро ЦК РСДРП(б) сделал доклад на заседании ЦК с участием актива. В докладе подчеркивалась необходимость развертывания революции, пока не будут выполнены требования рабочих и крестьян: прекратить войну, передать землю крестьянам, ввести 8-часовой рабочий день. Товарищ Молотов призывал всемерно поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов как орган развертывающейся революции.

Товарищ Молотов обосновал позицию ленинско-сталинской партии по отношению к Временному правительству: к этому правительству как к помещичье-буржуазному партия не могла питать никакого доверия и не должна была оказывать ему никакой поддержки.

В этот же день, вечером, на расширенном заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов была оглашена декларация большевистской фракции. В основу этой декларации были положены тезисы доклада товарища Молотова.

12 марта 1917 года в Петроград из далекой сибирской ссылки возвратился Носиф Виссарионович Сталин.

14 марта в «Правде» появилась первая после февральской революции статья товарища Сталина — «О Советах Рабочих и Солдатских Депутатов». Эта статья определила политическую линию партии в ответственный исторический момент, когда сравнительно быстрая победа над самодержавием ослепила сознание масс вредными, оборонческими иллюзиями, недооценкой опасности контрреволюции и наивным доверием к буржуазному Временному правительству. «Для того, чтобы разбить старую власть, достаточно было временного союза восставших рабочих и солдат», — писал товарищ Сталин. — Ибо ясно само собой, что сила Русской Революции — в союзе рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели.

Но для того, чтобы сохранить добытые права и развернуть дальше революцию — для этого одного лишь временного союза рабочих и солдат отнюдь недостаточно.

Для этого необходимо союз этот сделать созвучным и прочным, длительным и устойчивым, достаточно устойчивым для того, чтобы противостоять провокаторским вылазкам контрреволюции. Ибо ясно для всех, что залог окончательной победы Русской Революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом...

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа — вот в каком направлении должны работать революционные Социал-Демократы».

Товарищ Сталин спланирует большевиков на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

С момента возвращения из ссылки товарища Сталина товарищ Молотов под непосредственным руководством Иосифа Виссарионовича расширяет и углубляет свою боевую партийную работу.

«Сталин, Молотов и другие вместе с большинством партии отстаивали политику недоверия империалистическому Временному правительству, выступали против меньшевистско-эсеровского оборончества и против полуменьшевистской позиции условной поддержки Временного правительства, которую занимали Каменев и другие оппортунисты» (Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. ИМЭЛ. Стр. 28).

Вместе с товарищем Сталиным борется товарищ Молотов против неустойчивых элементов в партии. В Петербургской организации большевиков товарищ Молотов в борьбе против всякого рода уклонистов создает монолитное ленинское ядро, расширяет связи партии с профсоюзами, укрепляет их, борется за переход профсоюза печатников, находившегося под влиянием меньшевиков, на сторону большевиков.

Товарищи Сталин и Молотов в это время упорно готовили руководящие кадры из передовых рабочих и солдат, которые смогли бы возглавить широчайшие массы рабочего класса и солдат и подвести их к переходу на новый этап борьбы.

21 марта в «Правде» появилось первое из «Писем из далека» В. И. Ленина — «Первый этап первой революции».

«Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней» (Л е н и н. Т. XX, стр. 13).

3 (16) апреля Ленин вернулся в Россию.

На другой день после приезда Ленин выступил с «Апрельскими тезисами», которые знаменовали собой новый этап в истории большевистской партии.

«Новое в тезисах состояло в том, что они давали теоретически обоснованный, конкретный план приступа к переходу к социалистической революции» («История ВКП(б)», стр. 177).

* * *

Боевая партийная работа товарища В. М. Молотова в годы революционного подъема, в годы войны, в период февральской революции сыграла исключительно большую роль в подготовке победы над самодержавием и в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищ Молотов уже в эти годы своей революционной борьбы, великолепно ориентируясь в сложнейшей обстановке, в резких ее изменениях и сдвигах, владеет искусством осуществлять крутые тактические повороты в работе партии. Пенсия-каемая любовь к народу, преданность партии, верность великому учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, пролетарский интернационализм, полнотью большевистский революционный размах, четкость в проведении линии партии — эти качества революционера-большевика проявились уже в этот период революционной деятельности товарища Молотова.

Замечательный мастер большевистской агитации и пропаганды и талантливый организатор масс, товарищ Молотов уже тогда был крупнейшим партийным руководителем. В 1921 году X съезд партии избрал товарища Молотова в члены ЦК. Владимир Ильич Ленин выдвинул его на высокий пост секретаря ЦК партии. Товарищ Молотов неизменно на протяжении всех лет существования диктатуры пролетариата в нашей стране занимает одно из первых мест среди вождей партии и государства.

Черты подлинного пролетарского революционера, активного строителя партии нового типа, борца ленинско-сталинского стиля отличали товарища Молотова уже в ранний период его революционной борьбы. Эти черты особенно ярко проявились в наши дни, когда товарищ Молотов, ближайший соратник великого Сталина, стоя у руля первого в мире советского государства, мастерски осуществляет непосредственное руководство внутренней и внешней ленинско-сталинской политикой Советского Союза на новом, величайшей ответственности историческом этапе.

В. М. МОЛОТОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ССЫЛКЕ (16 ИЮНЯ 1909 ГОДА — 16 ИЮНЯ 1911 ГОДА)

После подавления революции 1905 года в России царское самодержавие праздновало победу и спешило свести счеты со своими врагами. Оно «стало усиленно громить политические и экономические организации пролетариата. Катержные тюрьмы, крепости и места ссылки переполнились революционерами. Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал во-всю» (История ВКП(б), стр. 93—94). Кровь пролетариата и трудящегося масс обогрела улицы и площади крупнейших промышленных городов, залила поднявшиеся на борьбу с вековым бесправием села и деревни.

Партия большевиков работала над сохранением и укреплением подпольной организации, готовила массы к новому под'ему революционного движения.

Годы реакции еще более закаляли нашу большевистскую партию, породили сотни героев, готовых отдать свою жизнь за счастье народа.

Товарищ Молотов получил свое первое боевое крещение в дни русской революции 1905 года. Пролетариат Казани был его первым учителем.

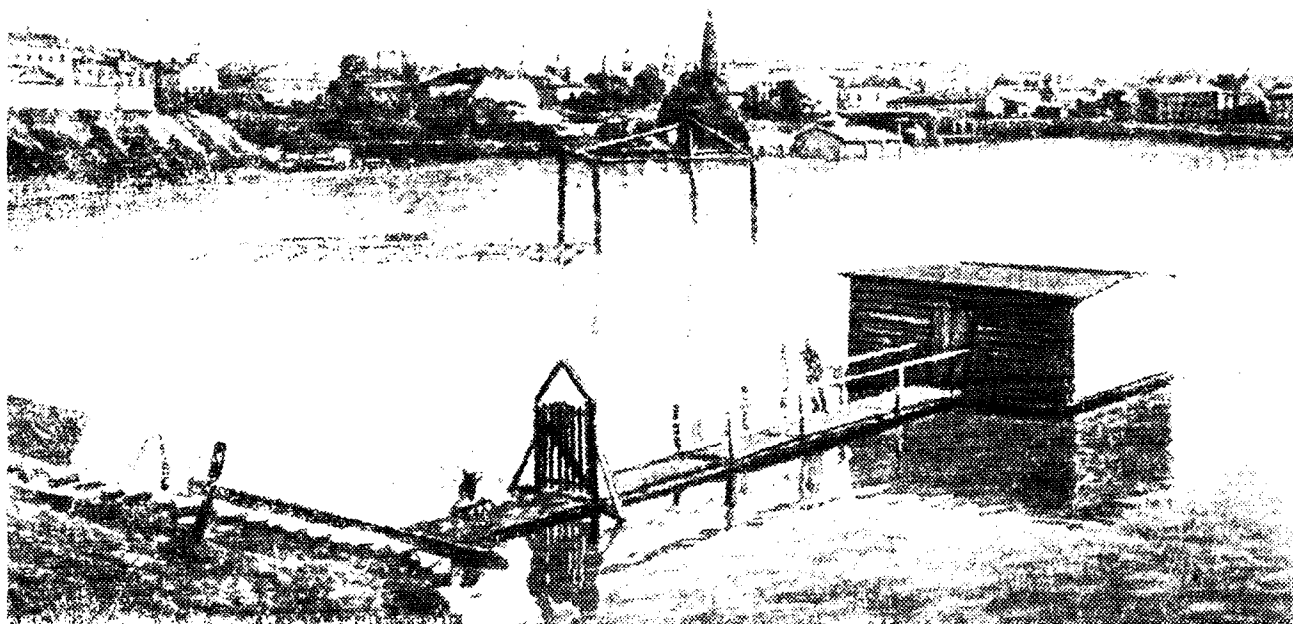
Годы реакции застали его в революционных кружках Казанского реального училища. Тов. Молотов изучал теорию марксизма, организовывал молодежь под знаменем большевиков.

Бипучая деятельность В. М. Молотова в революционных кружках Казани была оборвана царскими индейками. 21 марта 1909 года на его квартиру явились жандармы, нагло обшарили ящики стола, карманы пальто, ранец реалиста...

26 марта тов. Молотов был арестован. В министеру внутренних дел полетели из охранки депешки о противоравительственной деятельности Молотова.

«Высочайшим» повелением «по рассмотрении, в особом совещании, образованном согласно ст. 34-й положения о государственной охране, обстоятельств дела о мешанине тор. Нолнйска В. М. Скрябине» постановлено его, «как изобличенного в принадлежности к революционной организации, подчинить гласному надзору полиции на 2 года в Вологодской губ., считая срок с 16-го люля 1909 г.». (Отношение казанского полицеймейстера Вологодскому губернатору).

В душных и темных вагонах Казанской железной дороги он в сопровождении жан-

Город Казань. Окраина. Дореволюционный снимок.

В. М. Молотов. 1909 год.
Музей революции СССР.

дармов проехал Москву; в Ярославле почевал в пересыльной тюрьме. Дальше шла тряска в переполненных доотказа вагонах узкоколейки до Вологды и, наконец, остановка в вологодской пересыльной тюрьме. Маршрут за № 7170 из Казани в Вологду длился семь мучительных дней, со 2 по 8 июля 1909 года.

На другой день по прибытии в Вологду тов. Молотову в полицейском участке объявили «правила» поднадзорного существования и взяли с него подписку о том, что он никогда из Вологды отлучаться не будет.

Арестантское звание сменилось званием «поднадзорного» с жизнью «на свободе» в лазаретном городке, без знакомых...

Бывший вице-губернатор Тульской губернии А. Н. Хвостов, за тульские погромы в 1905 году назначенный губернатором Вологодской губернии, из кожи лез, чтобы угодить департаменту полиции в деле уничтожения «красношников». Для таких ссыльных, как тов. Молотов, губернатор имел в своем распоряжении глухие уездные города: заброшенные среди болот и лесов Тотму, Пикольск, Вельск, Яренск, Исть-Сысольск, Устюг, Сольвычегодск. В них легче было без лишнего шума свести счеты с врагами самодержавия.

27 июля тов. Молотову вручили проходное свидетельство за № 1015 для следования из Вологды в город Тотму, Вологодской губернии, назначенный ему местом жительства.

Пять дней второго этапа — и 1 августа 1909 года Тотма «гостеприимно» встретила нового «поднадзорного». Средств существования у тов. Молотова не было. В письме к брату Владимиру Михайловичу 6 августа тов. Молотов писал: «Обещанных 20-ти рублей не получил... От казны выдано 1 рубль пособия». В этом же письме тов. Молотов сообщал о том, что настроен бодрее, много работы, просил выслать скорее адреса товарищей.

«Правилами» о поднадзорных безусловно воспрещались: 1) отлучки с местожительства, 2) служба в казенных и общественных учреждениях, 3) учительская деятельность (частные уроки) и т. д. и т. п. Разрешены были: физический труд, служба частная, письменные и торговые занятия.

Это звучало проницей, так как в Тотме получить такого рода работу было очень трудно, вернее, невозможно.

Материальная нужда в Тотме не смогла сломить упорства, настойчивости и воли тов. Молотова. Он окунулся в революционную работу, вкладывая в нее весь энтузиазм, все силы молодого революционера.

Тов. Молотов, находясь в Тотме, неустанно работал над повышением своего теоретического уровня, изучал «Капитал» Маркса, читал нелегальную большевистскую литературу и вел работу среди ссыльных. За 19 дней жизни в Вологде тов. Молотов сумел связаться со ссыльными и местными большевиками и теперь в Тотме поддерживал эти связи. Через них он получал из Вологды нелегальную литературу для распространения по уезду.

Повиному, революционная деятельность тов. Молотова в Тотме стала известной местным властям и вологодскому губернатору, так как 4 октября 1909 года губернатор предписал тотемскому исправнику немедленно отправить эгалным порядком В. М. Скрябина в Сольвычегодск для дальнейшего отбывания срока под надзором полиции.

Сольвычегодск считался среди ссыльных «каторгой» ссылки. Во главе уезда стоял тупоумный, но свирепый исправник Цивилев, верный слуга царя и охраны, который системой интрижки, непрерывных издевательств, грубых обысков превращал жизнь ссыльных в ад. Обычно губернатор переводил ссыльных в Сольвычегодск на «исправление» за малейшие проступки.

15 октября тов. Молотов двинулся с очередным этапом ссыльных в далекий путь по воде. 17 дней он провел на грязном шароходнике, который своим медленным движением по мелководной реке скорее напоминал баржу чем шароход.

31 октября Вячеслав Михайлович приехал в резиденцию исправника Цивилева — в Сольвычегодск. Цивилев, считавший себя «царем и богом» в Сольвычегодске, ознакомил тов. Молотова с законами своего «государства». К общим правилам о подзоровных были прибавлены правила собственного изобретения ревнивого исправника; ссыльным воспрещалось: 1) появляться после 10-ти часов вечера на улицах; 2) входить в городской сад и появляться на пристани; 3) вести знакомство с местными гражданами, участвовать в любительских спектаклях и появляться на них; 4) собираться больше чем по пяти человек.

Тов. Молотов не выполнял предписаний Цивилева. Как закаленный революционер и опытный конспиратор, он находил возможности работать и в этих нечеловеческих условиях. Пять месяцев жизни в Сольвычегодске помогли тов. Молотову еще лучше усвоить навыки конспиративной, нелегальной работы. Тов. Молотов работал со ссыльными, продолжал изучать нелегальную литературу, которая доставлялась в Сольвычегодск новыми ссыльными или почтой. Сложнее было с организацией нелегальных собраний в этом маленьком городишке, где население было терроризовано сворой околоточных надзирателей и стражников.

Существовало «обязательное» постановление вологодского губернатора о запрещении для ссыльных «всякого рода сходниц, собраний, манифестаций». За нарушение арест на три суток с заключением в тюрьму или в полицейский участок.

Сольвычегодский исправник к этому добавлял по собственному произволу всевозможные издевательства: арестованных лишал горячей пищи, прогулок, заключал их в карцер, затаргивал передачи, отбирал койки и одеяла.

В вологодском архивном отделе НКВД имеются документы, которые свидетельствуют о том, как коротал тов. Молотов долгие ночи в Сольвычегодске. Наряду с большой революционной работой и изучением политической литературы он с огромным упорством готовится к сдаче экзаменов экстерном за 7-й класс реального училища.

Тов. Молотов настойчиво добивался разрешения держать экзамен при вологодском реальном училище; 7 декабря 1909 года он получил разрешение от вологодского губернатора, а 20 февраля 1910 года — от министерства просвещения. Губернатор сообщил об этом сольвычегодскому исправнику, а попечитель петербургского учебного округа — директору вологодского реального училища.

Вологодская пересыльная тюрьма, в которой находились В. М. Молотов в июле 1909 года и И. В. Сталин в 1909—1911 годах. Музей революции СССР.

Весной 1910 года тов. Молотов узнал условия испытаний за 7-й класс вологодского реального училища и отправил свои документы директору реального училища; 5 марта он написал для администрации училища свое жизнеописание¹.

23 марта 1910 года сольвычегодский исправник снабдил тов. Молотова проходным свидетельством до Вологды и, как «рачительный хозяин», просил вологодского полицмейстера «учредить надзор за поведением В. М. Скрыбина в Вологде и сообщить мне».

При всей прищипчивости к тов. Молотову как к политическому ссыльному директор, и. об. инспектора и преподаватели вынуждены были поставить ему отличные отметки почти по всем предметам.

Два месяца испытаний пролетели для тов. Молотова очень быстро. Мысль его работала над тем, как продлить срок пребывания в Вологде в тесном общении с вологодскими большевиками и рабочими. Тов. Молотов заявил о необходимости держать дополнительный экзамен при вологодской мужской гимназии по латинскому языку и добился сначала отсрочки отъезда из Вологды до 15 июня, затем разрешения остаться для держания экзамена по латинскому языку в августе месяце. Наконец пришло долгожданное уведомление сольвычегодскому «держиморде» Цивилеву о том, что «В. М. Скрыбину разрешено остаться в Вологде до конца срока высылки, под надзор полиции»².

¹ См. в этом номере «Исторического журнала» отдел «Материалы и документы».

² Отношение вологодского губернатора сольвычегодскому исправнику от 28 июля 1910 года за № 3903.

Уведомление вологодского губернатора вел. полицмейстеру от 28 июля 1910 года за № 3904 и от 3 августа 1910 года за № 3993.

Дом в г. Тотеме, в котором жил в ссылке В. М. Молотов в 1909 году.

Музей революции СССР.

До конца срока ссылки оставался год... За это время тов. Молотов развернул большевистскую пропаганду среди рабочих Вологды (здесь имелись железнодорожные мастерские, а также 30—40 мелких предприятий по обработке дерева, бумаги, по производству кирпича и стекла, кожевенные и химические заводы). Центром внимания тов. Молотова были железнодорожные мастерские, так как в них было сосредоточено свыше 4 тысяч рабочих. Железнодорожный район привлекал внимание не только большевиков, но и меньшевиков и эсеров, пытавшихся завербовать на свою сторону рабочих. Поэтому тов. Молотов неустанно разоблачал оппортунистов всех мастей. Он получал из-за границы листовки ленинского «Социал-демократа», брошюры и другую нелегальную литературу. Тов. Молотов читал и разъяснял ее рабочим, воспитывая из них верных ленинцев, большевистских агитаторов.

Вместе с вологодскими большевиками тов. Молотов принялся за сколачивание партийной организации среди железнодорожников. В его квартиру запросто приходили рабочие из железнодорожных мастерских за литературой, получали здесь инструкции и указания.

Весной 1911 года тов. Молотов организовал загородную массовку, в которой участвовало много рабочих. На массовке обсуждали вопросы тактики по отношению к ликвидаторам. Тов. Молотов разоблачал русских меньшевиков как предателей революции. Здесь же большевики Вологды объединились в партийную организацию РСДРП(б) и избрали комитет. Намечены были практические мероприятия по проведению приближающегося праздника 1 Мая.

Решено было во что бы то ни стало выступить прокламацию.

Вдохновенные строки прокламации, написанной товарищем Молотовым, гласили:

«Товарищи рабочие!

1-го мая рабочие всех стран забастовками, тысячными демонстрациями и митингами празднуют пролетарский праздник. 1-го мая рабочий класс считает свои силы и вновь объявляет готовность дружно бороться за восьми-часовой рабочий день, за всеобщий мир и за полное освобождение от власти капитала — за социализм.

Тяжелые годы пришлось пережить нам, товарищи! Безработица и преследования отняли все старые завоевания. Капиталисты не видят очюра и не стесняются не только удлинить рабочий день, сбавить расценки и ввести штрафы, но не останавливаются даже и перед кулачной расправой. (Например, в электрическом цехе вологодских мастерских мастер Бонданов так сбросил рабочего, что отшиб его легкое. Рабочий уже две недели в больнице и до сих пор еще не способен к труду).

Пенясытная шайка дворян и капиталистов спокойно хозяйничает в народном кармане. Под несмолкаемые протесты и обвинения социал-демократической фракции они по семейному награждают в III Гос. Думе народных душителей, а рабочему классу плетут петля и ставят капканы, называя их реформами. Для педовольных тюрьмы и виселицы никогда не пустуют и сотни наших товарищей терпят все унижения и пытки в лапах озверевших царских палачей... Но можно ли убить пролетариат? Можно ли задуть в нем способность к организации и борьбе?

Нет, они необходимы рабочему классу, как воздух...

Товарищи вологодские рабочие и работники, поднимем и мы свой голос. Долой уныние и спячку! Пусть первое мая будет праздником пробуждения от тяжелого сна прошлых лет!.. Только дружным усилием можно сбросить ярмо самодержавия и расчистить путь к новой борьбе за полную свободу — за социализм!

Да здравствует Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!

Довольно разрозненности! Да здравствует первое мая — праздник борющегося пролетариата всех стран!

Вологодская группа РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ».

Прокламация эта была размножена на гектографе, который достали рабочие. Печатали ее на квартире тов. Молотова. Темной ночью Молотов с товарищами расклеили на заборах, столбах и деревьях прокламация и разбросали их по улицам.

Первомайская прокламация имела огромное значение, так как она явилась формой общения большевиков с широкими слоями рабочих и трудящихся Вологды.

Охранники рыскали дни и ночи по улицам Вологды, вынюхивая автора прокламации, организатора рабочих.

22 июля начальнику петербургского районного охранного отделения были со-

общены агентурные данные из Вологды: «Разбросанные в ночь на 1-е минувшего мая, первомайские прокламации были составлены... Скрибиным Вячеславом..., но где и на каком гектографе они были отпечатаны, не установлено».

В донесении сообщалось, что ссыльные «затаялись целью организовать в Вологде социал-демократическую фракцию, для чего стремились завязать сношения среди железнодорожных служащих и местных жителей. Самым деятельным из них является Скрибин, по предложению которого 11-го июня вечером в кустарниках за городом была назначена сходка.

Скрибин желал сделать доклад о современном положении с.-д. партии вообще, а также и о необходимости организовать в Вологде с.-д. фракцию и привлечь к ней возможно большее число членов из сознательных людей».

В поисках вещественных, более веских доказательств охранка произвела обыск на квартире тов. Молотова 15 июня 1911 года. Он не дал достаточных материалов для предъявления обвинений и ареста. Скрыпя сердце вологодский полицеймейстер 16 июня 1911 года был вынужден вынести постановление об окончании срока ссылки и снятии гласного надзора полиции с В. М. Молотова.

Задерживаться после этого в Вологде было рискованно, ибо обыск накануне сня-

Город Сольвычегодск. Дореволюционный снимок.

Музей революции СССР.

В. М. Молотов. 1910 год.

Музей революции СССР.

тия гласного надзора не предвещал ничего доброго.

В отчете начальника вологодского губернского жандармского управления за июнь 1911 года в примечании читаем: «Скрябин Вячеслав Михайлович 27-го июня из города Вологды выбыл в город Казань и возбуждена о нем переписка по охране»¹.

Так называемый гласный надзор уступил место негласному надзору, надзору «филеров» охранки.

¹ Дело № 114 за 1911 год вологодского губернского жандармского управления с отчетами наружного наблюдения и сводками данных по таковому по Рос. Соц. Дем. Раб. партии, листы 31, 32.

22-летний, полный силы и революционного огня, Вячеслав Михайлович выехал из Вологды, чтобы больше в нее не возвращаться. В кармане он увозил характеристику отлученного вологодского политехнического училища, необходимую для поступления в высшее учебное заведение: «Поведения был хорошего, суду и следствию не привлекался, ни в каких предосудительных поступках не замечался, в самовольных отлучках не был и по обязательным постановлениям ко взъяскам не привлекался...»

Вологодская ссылка кончилась. Начался новый период революционной деятельности товарища Молотова — период работы в Петербургской организации партии большевиков.

ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. МОЛОВОТА

Вячеслав Михайлович Молотов—верный соратник и ученик Ленина и Сталина, один из крупнейших строителей и руководителей большевистской партии и советского государства. Жизнь тов. Молотова неразрывно связана с жизнью нашей партии, с самыми славными и героическими страницами ее истории.

В годы первой русской революции тов. Молотов—организатор революционных кружков в Казани. В годы столыпинской реакции он организатор большевистских сил и революционной работы в Вологде. В 1911—1912 годах тов. Молотов выдвинулся в ряды руководящих работников партии, активно работал в «Звезде» и вместе с товарищем Сталиным подготавливал выпуск первого номера «Правды». Под непосредственным руководством Ленина и Сталина работал тов. Молотов в «Правде» в 1912—1913 годах. В годы империалистической войны, когда товарищ Сталин находился в ссылке, тов. Молотов, по директивам Ленина и Сталина, руководил всей работой Русского бюро ЦК. В дни февральской революции тов. Молотов руководил гигантской работой столичной организации; с первых дней создания Петроградского Совета вошел в состав большевистской фракции его Политического Комитета и вплоть до возвращения Ленина из эмиграции и товарища Сталина из ссылки возглавлял борьбу всей партии за дальнейшее развертывание революции. В дни Октябрьской революции Вячеслав Михайлович—один из руководителей вооруженного восстания в Петрограде, а после ее победы—председатель Совета народного хозяйства Северного района. В годы гражданской войны тов. Молотов—ближайший помощник Ленина и Сталина, один из тех работников большевистской партии, которые возглавили политическое воспитание Красной Армии и обеспечили ее победы. В 1920—1921 году тов. Молотов—руководитель коммунистической партии Украины, а с 1921 года кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК РКП(б). Известна огромная работа, проведенная тов. Молотовым под руководством Ленина и Сталина на Украине, в Ленинграде, в Москве и других местах по разгрому врагов большевизма: троцкистов, бухаринцев, эльзовцев и прочей контрреволюционной нечисти.

После XIV съезда ВКП(б) тов. Молотов был избран в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Вместе с другими членами ЦК он обеспечил

быструю ликвидацию остатков зиновьевской «новой оппозиции» в Ленинграде. В 1928 году, избранный секретарем Московского комитета ВКП(б), тов. Молотов руководил очищением Московской партийной организации от углановщины. В 1930 году партия выдвинула тов. Молотова на пост председателя Совета Народных Комиссаров—главы советского правительства. Ближайший помощник товарища Сталина, верный сын большевистской партии, тов. Молотов заслуженно пользуется всеобщей любовью партии и трудящихся Советской страны.

Публикуемые ниже материалы о революционной деятельности тов. Молотова, хранящиеся в Музее революции СССР, представляют большой интерес для всех, изучающих историю большевистской партии.

Жизнеописание Вячеслава Михайловича Скрябина (Молотова) было написано им в Сольвычегодске, куда он был отправлен этапным порядком из Тотьмы в октябре 1909 года по приказу начальника Вологодской губернии. Написано оно было тов. Молотовым в связи с необходимостью оформить документы для сдачи экзаменов экстерном за курс реального училища. В Казани тов. Молотов экзамены сдать не успел, так как был арестован как раз накануне выпускных экзаменов (в апреле 1909 года). Тов. Молотов сдал экзамены экстерном в вологодском Александровском реальном училище.

Письмо Вячеслава Михайловича В. И. Ленину в Краков относится к тому времени, когда тов. Молотов был секретарем редакции «Правды». Из этого письма видно, какое живое и непосредственное участие принимал Владимир Ильич в работе «Правды». В письме сообщается о гнусной кампании против «Правды», поднятой меньшевиками-ликвидаторами под демагогическим лозунгом «единства» рабочего класса. В фразе о «некоторых черемехах», произнесенных «внутри редакции» содержится намек на то, что прибывший в Петербург после побега из ссылки товарищ Сталин взял на себя руководство «Правдой».

Донесение охранного отделения от 15 марта 1913 года сообщает о революционной работе тов. Молотова среди петербургского студенчества. Как известно, после обыска, произведенного 14 ноября 1912 г. у него на квартире, тов. Молотов вынужден был уйти в подполье. 1 апреля 1914 года, через несколько дней после описанной в жандармском документе ссуды, тов. Молотов был арестован.

Похвальный лист В. М. Молотова — ученика 1-го класса Полинского городского училища, 1899 год.

Музей революции СССР.

Похвальный лист В. М. Молотова — ученика 2-го класса Казанского реального училища, 1904 год.

Музей революции СССР.

В. М. Молотов на борту агитпарохода «Красная звезда» на Волге, 1919 год. Музей революции СССР.

Листовка к третьей годовщине ленинских событий была написана и издана под руководством тов. Молотова в апреле 1915 года Лефортовской группой большевиков.

Второй документ охранного отделения о революционной работе В. М. Молотова приводится в выдержках. Он составлен, очевидно, в 1916 году, когда тов. Молотов, бежав из Иркутской ссылки, перешел на нелегальное положение и по директивам Ленина и Сталина руководил работой Русского бюро ЦК.

Удостоверение В. М. Молотова, снимок которого помещен ниже, было написано Владимиром Ильичем в связи с командировкой на пароходе «Красная звезда» по Волге и Каме группы партийных работников для создания и укрепления партийных и советских организаций в освобожденных от Колчака районах Поволжья. Вместе с тов. Молотовым отправилась и тов. Крупская.

Статья тов. Молотова «Из прошлого «Правды», печатаемая с небольшими сокращениями, была впервые опубликована в день 10-летия «Правды» — 5 мая 1922 года.

АВТОБИОГРАФИЯ В. М. МОЛОТОВА (1910 г.)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЯЧЕСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА СКРЯБИНА МЕЩАНИНА г. НОЛИНСКА ВЯТСКОЙ ГУБ.

Местом моего рождения был г. Нолинск Вятской губернии. В этом городе я и жил первые одиннадцать лет моей жизни. Отец мой занимал (и до сих пор занимает) место конторщика в одном небольшом магазине. На руках матери находилась большая семья. Кроме меня в семье еще было пять братьев и одна сестра. Когда мне исполнилось восемь лет, я поступил в городское училище, в котором учился мой старший брат. В этом училище я учился неполные четыре года, так как в конце четвертого года меня и одного еще брата отправили в Казань, где мы оба поступили в Реальное училище. Это было в 1901 году.

Первый год в Казани же жила и моя мать, но затем ей пришлось жить опять в г. Нолинске, а мы двое поселились у родственницы и жили у ней почти шесть лет.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль

27. V 1919 г.
№

Удостоверение

Подать сего - можно
мнѣ убѣжденной старой партийной
работник, тов. Молотов, упр.
помощник В. У. И. К. на туре-
разурно-инструкторско и пароходъ
"Красная Волна"
" Прошу всѣ власти и учре-
ждения оказывать ему всѣ возможное
содействие, и при возможности не
переводить военная сообщений, да-
вать ему прямой провод

Из ст. В. У. И. К. (Ленин).

Удостоверение В. М. Молотова, выданное ему В. И. Лениным. 1919 год.

Музей революции СССР.

Нельзя сказать, чтобы детство и последующие шесть лет жизни в Казани были богаты впечатлениями. Но уже седьмой год учения в Казанском реальном... круто изменил мою жизнь. В середине седьмого учебного года (когда я уже был в 7-м к.) я вышел из Реального училища.

И в том же году меня выслали под гласный надзор в Вологодскую губернию, где я и живу в настоящее время в г. Сольвычегодске.

Вячеслав Михайлов Скрыбин.

1910 г. 5 марта.

ИЗ ПИСЬМА В. М. МОЛОТОВА

В. И. ЛЕНИНУ.

С. Петербург, 1 ноября 1912 г. «Мих...», в Краков, Вл. Ульянову, ул. Любомырского, 47.

Уважаемый товарищ. До нас попроще-му доходят вести о том, что вы жалуетесь на недостаток сведений отсюда. За последнее время я гораздо чаще посылаю вам письма и меня удивляет то, что сюда сообщают. Видно, не все письма доходят до вас; не есть ли тому доказательство хотя бы в следующем: 1) вы спрашиваете о положении дел в «Луче» — тогда как я недавно писал вам кратко об этом, 2) мы просили вас прислать как можно скорее книгу Лигвинова-Фалинского, и до сих пор ее не имеем. Думаем, что последнее напоминание о книге вы примете к сведению... Недавно я писал вам еще о том, что для нас крайне важно выяснить отношение к варшавскому депутату Ягелло. Желательно, чтобы вы не замедлили с ответом и дополнили уже присланную вами статью о выборах в Варшаве. Внутри редакции, как вам, вероятно, известно, произошли некоторые перемены в желательном для вас смысле. В общем, нет коренных перемен, произошло некоторое пополнение редакции, а также некоторая перетасовка, а может быть, и более правильное распределение функций редакции, выпуска и непосредственно «редакция статей». На ближайшее время предстоит подписочная кампания и пришлось в контору устроить тоже особого человека (добавочно). О тираже «Правды» я писал: вот уже около месяца, тираж, который до того времени падал, остановился на одной цифре: 22 тыс., по праздникам 24 тысячи. За последние два месяца в «Правде» пошли убытки. Так, за прошлый месяц их было около полторы тысячи, в этот месяц еще не знаем, тогда как первые два месяца давали по несколько сот рублей прибыли. Наше желание сократить штаты и другие расходы пока неосуществимо. В Петербурге опять горячее время: рабочих, как говорят они сами, «держат нельзя, — бастуют». Местами идет кампания против «Правды»... «Луч» экс-

платирует в свою пользу лозунг «единство». Сообщите, на какой адрес, по которому можно послать кое-какой материал.

С товарищ. приветом

Секретарь Мих....

ДОНЕСЕНИЕ ОХРАНКИ О ВЫСТУПЛЕНИИ В. М. МОЛОТОВА НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СХОДКЕ.

Копия
Секретно.

Заниска

Отделения по охранению
общественной безопасности
и порядка в столице.

15 марта 1913 года

№ 6831

13 сего марта, в С. Петербургском политехническом Институте распространялись прокламации за подписью: «группа коммунистов», с призывом на сходку 14 марта в 2 часа дня. 14 марта с утра по главному зданию были разбросаны прокламации за подписью «социал-демократической группы», в которых говорится, что правительство, стараясь отнять то, что было завоевано в 1905 году, теперь приступило к Военно-Медицинской Академии. В заключение предлагается такая резолюция: «Мы, студенты С.П.Б. Политехнич. Инстит., присоединяясь к другим высшим учебным заведениям, объявляем забастовку 15 марта и протестуем против обращения Воен. Мед. Акад. в казармы, а студентов-медиков — в нижних чинов, и выражаем сочувствие товарищам-медикам, столь мужественно защищающим свои права». Помимо означенных прокламаций были разбросаны также в небольшом количестве прокламации «группы политехников и лесников», с призывом единодушно провести однодневную забастовку 15 марта, как протест против злодеяния правительства (копия представляется). Сего числа, около 2-х ч. дня, студенты стали собираться близ главной лестницы, а в 2 ч. дня студент Вячеслав Михайлов СКРЯБИН открыл сходку речью, явившейся повторением вышеупомянутой социал-демократической прокламации, и предложил резолюцию, каковая была принята подавляющим большинством. Затем Скрыбин от своего имени предложил начать забастовку сегодня-же, что было так же принято. После сего толпа студентов начала ходить взад и вперед по коридору с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ» и других революционных песен, — что продолжалось до 2 час. 30 мин., после чего студенты стали расходиться. На сходке присутствовало до 1200 человек. Социал-демократическая группа предполагает выпустить свою про-

кламацию вторым изданием, ибо сегодня не все успели с ней ознакомиться.

На Высших Женских (Бестужевских) курсах решено вопрос о «юбилейных» стипендиях вынести голосованием, для чего Центральным Органом предложено слушательницам опускать в особую кружку свои заявления, на них будут даваться ответы, а затем будет созвана новая сходка.

14-сего марта из сочувствия к студентам-медикам не состоялись лекции на Сельскохозяйственных курсах (Каменный остров) и на первых Петербургских частных политехнических курсах (Б. Ружейная, 6).

О вышеизложенном докладываю Вашему Превосходительству.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия прокламации.

Полковник: (подпись)

Его Превосходительству господину
Директору Департамента.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

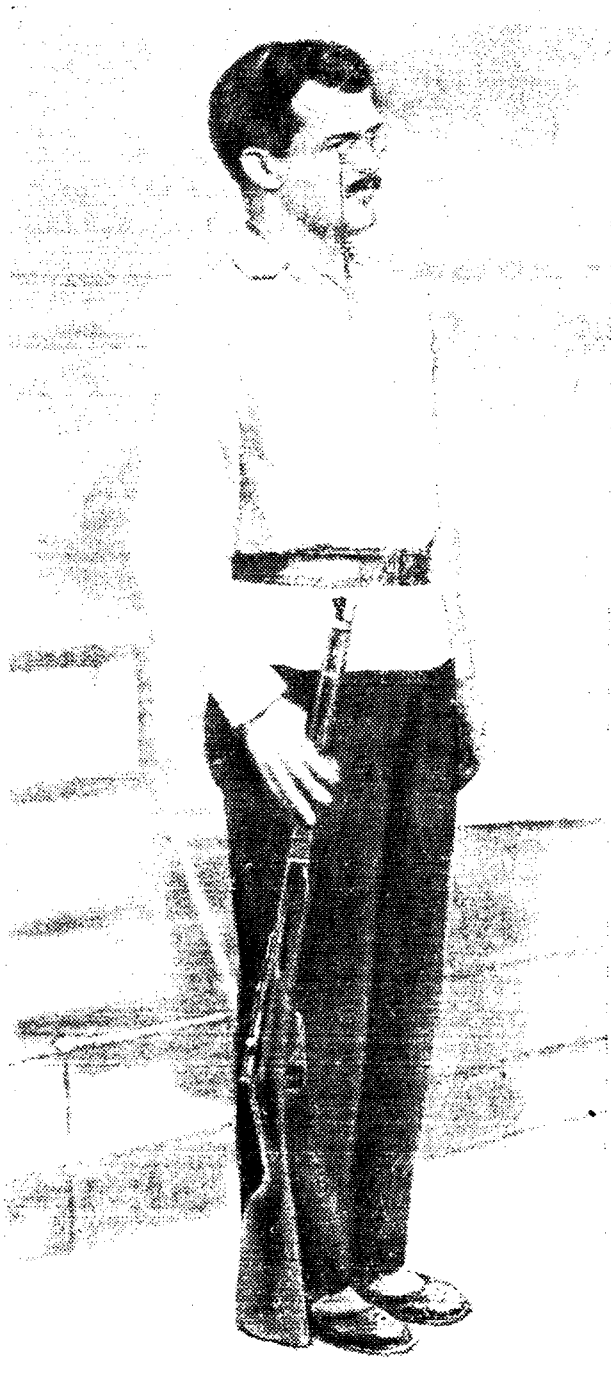
Товарищи! Прошло 3 года как на Ленских золотых приисках было расстреляно 500 рабочих за мирную экономическую забастовку. Но даже теперь, когда гибнут тысячи и тысячи рабочих в рядах армии, пролетариат не может забыть этих жертв. 4-ое апреля 1912 года, как и 9-ое января 1905 года, останутся неизгладимо в памяти рабочих.

Поэтому рабочие не могут присоединиться к хору либеральных и продажных газет, которые с начала войны не перестают кричать, что Россия — одна, что все классы общества примирились с правительством и между собой. Эти крики — ложь и клевета на рабочих.

Новым уроком нам служит расправа с рабочими социал-демократическими депутатами Гос. Думы. Всего 2 месяца назад 5 представителей рабочего класса приговорены судом к вечной ссылке в Сибирь.

Да и сама война, навязанная народу ради завоевательных интересов господствующих классов, есть тяжчайшее преступление царского правительства против народа. О каком-же единении с царем может быть речь? Такого объединения нет и не может быть!

В действительности же, объединились буржуазные классы с правительством для того, чтобы сохранить покорность народа их корыстным интересам, а также для того, чтобы скрыть правду о войне. Но мы — рабочие — должны помешать этому.

В. М. Молотов проходит военное обучение на агитпароходе «Красная звезда». 1919 год.

Музей революции СССР.

Объединению верхов рабочие должны противоставить объединение своих сил, создать нелегальные с. дем. группы, поддерживать вольную рабочую печать, укрепить Российскую Социал-Демократическую партию.

Головщина же Ленской бойни еще и еще раз напомнит нам о нашей обязанности денка бороться с произволом царизма.

Товарищи! Помните, что мы не должны оставить без протеста чудовищных преступлений царизма!...

Долой самодержавие. Да здравствует Демократическая Республика!

Да здравствует мир и братство народов!

Организованная группа Социал-Демокр.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ Начальника Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія, Скрыбинъ, определенный социаль-демократъ большевикъ, исполнялъ порученія Денина, съ коимъ находился въ перепискѣ, велъ партійную работу въ Выборгскомъ районѣ, принималъ участие въ созданіи социаль-демократическаго кружка среди служащихъ Николаевской желѣзной дороги, состоялъ членомъ социаль-демократической фракціи студентовъ-политехниковъ и 14 марта 1913 г. на сходкѣ въ Политехническомъ Институтѣ выступалъ съ предложеніемъ объявить забастовку въ видѣ протеста противъ реформъ, введенныхъ въ Военно-Медицинской академіи. Въ 1912 и 1913 г. г. онъ состоялъ секретаремъ рабочей газеты "Правда". Въ концѣ марта 1915 года

Часть документа о В. М. Молотове. Донесение жандармского управления.

Музей революции СССР.

ИЗ ЖАНДАРМСКАГО ДОНЕСЕНИЯ О В. М. МОЛОВОЕ.

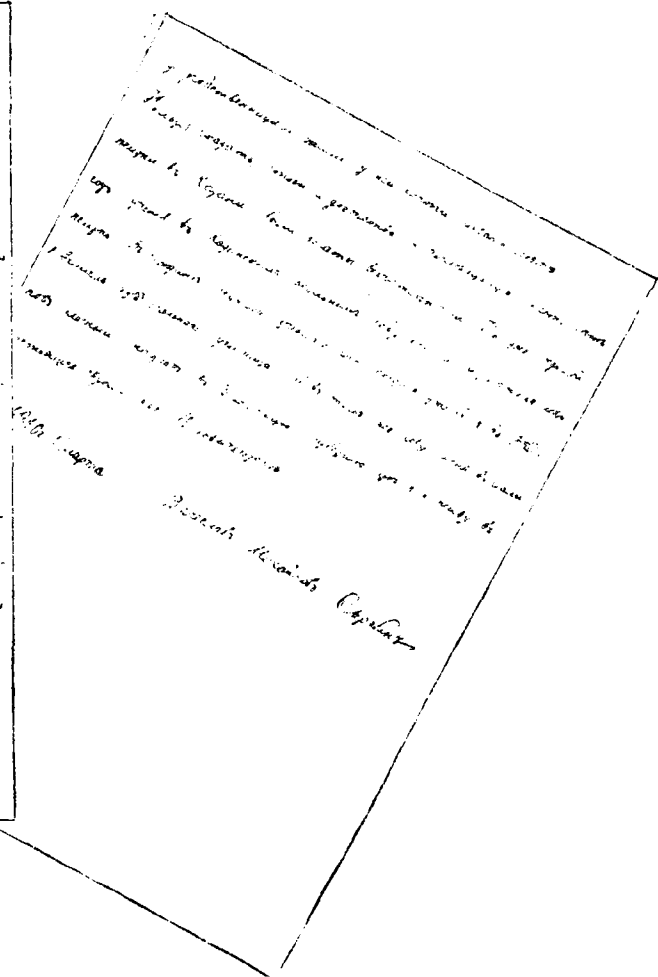
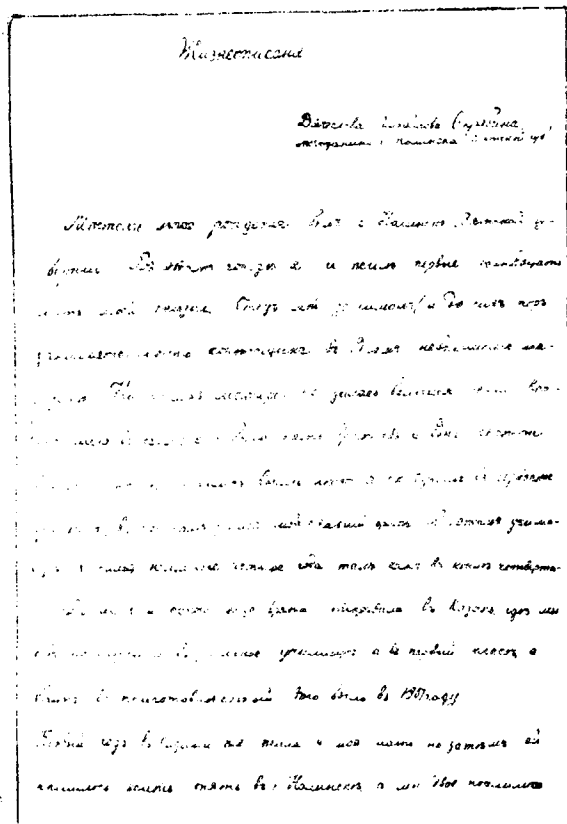
...б) «Скрыбин Вячеслав Михайлов, студент Петроградскаго Политехническаго Института, из мещан г. Подольска, Вятской губернии, на основании 34 ст. Положенія о государственной охранѣ, административно высланъ Г. Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ в Иркутскую губернію под гласный надзоръ полиціи на три года, считая срокъ с 30 июля 1915 года, как заподозренный въ принадлежности къ Московской организаціи Россійской Соціал-Демократической Рабочей Партіи.

В 1909 г. Скрыбин привлекался при Казанскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи по делу об организаціи революціонной группы въ Казанской Духовной семинаріи и, въ разрѣшеніе сего дела, былъ высланъ под гласный надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію на два года, считая срокъ с 16 июня 1909 года. Кроме того, ему, по представленію Казанскаго Губернатора, было воспрещено жительство въ Казанской и столичныхъ губерніяхъ въ теченіе двухъ лѣтъ, считая срокъ с 25 апреля 1910 года.

14 ноября 1912 года въ ликвидацію видныхъ деятелей большевистскаго Петроградскаго комитета РСДРП, организовавшаго политическую забастовку на фабрикахъ и заводахъ въ день открытія 4 Государственной Думы, въ квартирѣ Скрыбина произведенъ былъ обыскъ, послѣ чего Скрыбин, боясь ареста, перешелъ на нелегальное положеніе и проживалъ въ Петроградѣ... онъ 1-го апреля 1913 года былъ арестованъ при ликвидаціи членовъ «Объединеннаго социаль-демократическаго студенческаго комитета» и, распоряженіемъ Петроградскаго Градоначальника, подвергнутъ былъ аресту при полиціи на три мѣсяца, с воспрещеніемъ, по отбытіи нака-

занія, жительства въ гор. Петроградѣ. Кроме того, Скрыбинъ разыскивался циркуляромъ Департамента полиціи от 26 октября 1913 г. за № 87035/258, стр. 27901, какъ привлеченный при Петроградскомъ Губернскомъ Жандармскомъ управленіи къ дѣзнанію въ качествѣ обвиняемаго по делу о Петроградскомъ комитетѣ РСДРП и, согласно сему циркуляру, 7 декабря 1914 года былъ обысканъ, арестованъ и переданъ въ распоряженіе начальника названнаго управленія, коимъ затѣмъ 17 того же декабря изъ подстражи былъ освобожденъ подъ особый надзоръ полиціи (чемъ окончилось это дѣло—свѣдѣній не имѣется). 22 апреля 1914 года Скрыбинъ былъ обысканъ и арестованъ при ликвидаціи социаль-демократической группы Петроградскаго Политехническаго Института и, въ разрѣшеніе сего, былъ высланъ въ мае изъ Петрограда, с воспрещеніемъ ему жительства въ столицѣ, на основаніи п. 4 ст. 16 Положенія объ усиленной охранѣ.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ Начальника Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія, Скрыбинъ, определенный социаль-демократъ большевикъ, исполнялъ порученія Денина, съ коимъ находился въ перепискѣ, велъ партійную работу въ Выборгскомъ районѣ, принималъ участие въ созданіи социаль-демократическаго кружка среди служащихъ Николаевской желѣзной дороги, состоялъ членомъ социаль-демократической фракціи студентовъ-политехниковъ и 14 марта 1913 года на сходкѣ въ Политехническомъ Институтѣ выступалъ съ предложеніемъ объявить забастовку въ видѣ протеста противъ реформъ, введенныхъ въ Военно-Медицинской академіи. Въ 1912 и 1913 гг. онъ состоялъ секретаремъ рабочей газеты «Правда». Въ концѣ марта 1915 года Скрыбинъ былъ командированъ въ Москву Петроградскимъ комитетомъ Р. С. Д. Р. П. для восстановленія партійной работы въ г. Мо-

Рукопись В. М. Молотова. Жизнеописание. 1910 год.

Музей революции СССР.

стве и в области Центрального военно-промышленного комитета. В г. Москве он, при посредстве сестры Ленина — Марии Ильиничны Ульяновой, связался с некоторыми особо активными социал-демократическими работниками. С приездом Скрябина и др., агентура отметила подъем революционного настроения среди представителей местного социал-демократического подполья, причем все настойчивее говорилось о необходимости создания в г. Москве оформленной социал-демократической организации, которая-бы способствовала сплочению разрозненных пролетарских масс и руководила-бы выступлениями последних. Для этого Скрябин сорганизовал в Лефортовском районе марксистскую группу, которой и была выпущена от имени «организованной группы социал-демократов» гектографированная листовка о «Ленинских событиях». Затем, некоторым наиболее видным представителям подполья удалось сорганизовать в г. Москве, из первоначально созданной Скрябиным в Лефортовском районе, пять социал-демократических групп, которые, однако, до середины мая 1915 года не были связаны друг с другом.

В мае 1915 г. группы связались и представители их стали стремиться к объединению в одну общую организацию с об-

щегородским Московским комитетом во главе, для чего, стараниями Скрябина, были устроены групповые собрания, на которых и было выражено пожелание для вырешения вопроса об объединении, а также и связанных с таковыми некоторыми вопросов, созвать общегородскую конференцию из представителей групп. Душой созыва был Скрябин. На устроенном 1 июня 1915 г. в Сокольническом лесу собрании окончательно было решено собрать конференцию на 7-ое июня в лесу «Пзмайловского зверинца», на которой избрать «Московский комитет» и подвергнуть обсуждению следующие вопросы: 1) «Война и ее последствия»; 2) «Экономическая жизнь России» и 3) «Позиция социал-демократии при ликвидации войны», по которым и вынести соответствующие резолюции. Кроме того, на этой конференции предлагалось обсудить текст заготовленной листовки, по поводу происшедших в г. Москве 28—29 мая событий, выразившихся в разгроме магазинов и имущества, принадлежавшего лицам немецкого происхождения. Скрябин был известен в г. Москве в социал-демократическом подполье под кличками: «Вячеслав», «Всеволод» и «Андрей Петрович». Будучи в ссылке в селе Манзурке, Верхотурского уезда, Иркутской губернии, Скрябин в январе 1916 года писал письма в Киев... и

в Москву—в редакцию газеты «Русские ведомости» о присылке денег для помощи проходящим на север Иркутской губернии через с. Манзурку партиям политических ссыльных».

«ИЗ ПРОШЛОГО «ПРАВДЫ»

Из статьи товарища Молотова к десятилетнему юбилею «Правды» («Правда», 5 мая 1922 года)

Конец 1910 года был началом нового подъема рабочего движения в России. Тогда и возникла легальная большевистская газета «Звезда», а через полтора года и «Правда».

После нескольких лет дикого разгула царизма это была первая весть нового революционного подъема. Наша партия как раз в период «Звезды» и «Правды» вступила в новую полосу своего развития. Годы 1911—1912 были временем не только укрепления, но и создания нашей партии, как самостоятельной большевистской партии, окончательно выбросившей за борт меньшевистских попутчиков. В этих условиях своя легальная газета имела огромное значение.

Против многих ожиданий, она удержалась месяцы, потом год, а после и больше. В штрафах за крамольные статьи, в арестах сотрудников и редакторов, в обысках — у газеты не было недостатка. Николаевские репрессии были бесчисленны. Но большевистскую газету они не смогли задвинуть. Менялись редактора, менялись и названия газеты, но в том или в другом виде «Звезда» появлялась снова.

С середины 1911 года стало все больше не хватать еженедельной «Звезды». Потребность на «Звезду» росла. Газета стала выходить 2, а после и 3 раза в неделю.

Однако, и это было не то. Нужна была ежедневная рабочая газета.

«Звезда», открывая по этому вопросу агитацию на своих страницах, прежде всего, письмами своих многочисленных читателей-рабочих, посылавших большое количество ежедневно групповых писем-воззваний, за поддержку ежедневной рабочей газеты, сумела встать во главе живой потребности широких масс пролетариата. Посылались не только сотни писем, но вместе с ними сотни и тысячи пожертвований рабочих на новую, ежедневную рабочую газету.

К весне 1912 года был подготовлен выход такой газеты. Помню, как много у нас, участников создания этой газеты, было опасений за эту газету!

Решено было «Звезду» оставить, как орган руководящий. «Правду» создавали как

популярную и боевую рабочую газету. Вот это-то и было самое трудное. Дадут ли вести газету для широкой рабочей массы, пишущую просто и понятно о преступлениях царизма, об эксплуатации и издевательствах капитализма и купца над рабочим и приказчиком?

Если — то и дело «прихлопывали» и штрафовали «Звезду», писавшую все же, думали многие из нас, более или менее «искусственным» языком под царскую цензуру, то как же писать в «Правде»? Другой вопрос — средства. Как никак для ежедневной газеты средства нужно было иметь на наш тогдашний карман не пустяковые. Сборы на «Правду» были многочисленны и все росли, но в сумме они давали все же не все, что нужно, имея ввиду трудности тогдашнего положения.

А где найти редакторов, которые бы формально несли ответственность за газету и «отенживали» всякие штрафы, которые приходилось предвидеть в новой газете? Впоследствии мы из этого положения нашли, сравнительно, простой выход, так как у нас всегда было несколько редакторов рабочих, добровольными редакторами и отбывавших в полицейской части положенные им месяцы (2—3) за неплату штрафа.

Вопрос с сотрудниками для ежедневной газеты был также не так прост. Рабочих сотрудников и у «Звезды», и у «Правды», было всегда много. Но страшно не хватало опытных журналистов-большевиков, способных вести газету.

Много было и других затруднений. Все-го не перечислить и не припомнить. Однако, для рабочей газеты не было препятствий непреодолимых.

Памятные дни после ленинского расстрела были могучим толчком к грандиозному подъему рабочего движения. На гребне этого движения возникла «Правда».

В этот момент вокруг «Звезды» как-будто слышался гул рабочего возмущения против царизма. Стачки в Петербурге, стачки по всей России перекатывались какими-то волнами, все выроставшими, втягивавшими все большие сотни тысяч рабочих. «Звезда» твердо и беззаветно шла вместе с поднимавшимся рабочим классом, в передовых рядах которого уже слышалось все громче прямые призывы к восстанию.

Некоторые моменты из этой полосы работы в «Звезде» особенно ярко остались в моей памяти. Мне пришлось в это время несколько недель работать по ночам и утрам в типографии на пролаже газеты газетчикам и представителям рабочих с заводов, с раннего утра приходившим за газетой.

Обыкновенно газета, перед отправкой газетных страниц в печатные машины, не-

В 1912-14 годах, когда
 возникла „Правда“, она
 была боевым знаменем
 большевизма
 Тогда большевиков на
 звали „правдоистами“
 С „Правдой“ было целое
 поколение революционного
 пролетариата, которое, уверен, и
 совершило октябрьскую революцию
 на славу, радость и победу
 пролетариата. Да здравствует „Правда“!
 В. Молотов (Скрябин)

Рукопись В. М. Молотова. Приветствие «Правде». 1922 год.

Музей революции СССР.

несколько раз и несколькими лицами из
 членов редакции «цензурировалась». В не-
 сколько приемов выбрасывали ночные
 редактора отдельные, резкие отрывки
 статей и рабочих корреспонденций, что-
 бы только уберечь газету от штра-
 фа, конфискации или закрытия. Ка-
 беркали все статьи, примеривали каждое
 слово, чтобы оно не выдало с головой га-
 зету, приспособлялись и так и этак, смяг-
 чая острые углы фраз. Это была мучитель-
 ная работа урезывания слова, загашива-
 ния боевой мысли под угрозой цензурного
 сапога. Цензурировали мы тогда все статьи,
 заметки и корреспонденции, цензурировали
 сами себя, проверяли, кажется, по десять
 раз друг друга. У некоторых товарищей,
 помню, у Николая Гурьевича Полетаева в
 частности, развился особенный, так ска-
 зать, нюх к тому, как пройти через про-
 клятую цензуру. Слово «революционный»
 заменяли чаще всего словом «неурезан-
 ный». Искали не «большевик» и не «со-
 циал-демократ», а «последовательный де-
 мократ» и т. д.

Выработался какой-то условный язык, и
 наши читатели-рабочие привыкли к нему.

Приходилось мириться с этим. Волей не-
 волей мы занимались этим тяжелым де-
 лом палачей своего слова. Но и за неяс-
 ными, иногда изуродованными цензурой
 словами, кишела всегда революционная
 мысль и воля революционного авангарда
 пролетариата. И вот в одно из своих де-
 журств на продаже газеты я разворачиваю
 «Звезду» — свеженький номер, только что
 взятый из машины. Это было в ленинские
 дни. Газета наполнена кровавой Леной. Из
 стертых, пологанных под цензуру строк,
 брызжет огонь революционного протеста.
 Проматриваю бегом страницы и паты-
 каюсь, наконец, на одну рабочую коррес-
 понденцию в отделе «рабочее движение»,
 читаю: «довольно жрать, пора встать с
 оружием в руках» и т. д. Вот так цен-
 зурировали. Оказывается, просмотрели.
 Вырвалось-таки наружу вольное слово про-
 летарского возмущения. И так много раз,
 каждый день в редакции, а ночью в типо-
 графии, мы старательно вымарывали эти
 искренние, задушевные слова из статей и
 заметок. И все таки прорывалось.

Вижу, что дело неладно. Срываюсь с
 места, разыскиваю Полетаева. Останавли-

ваем машину. Уже несколько тысяч отпечатано. Уже большинство из отпечатанного отослано с газетчиками на продажу к заводам. Ну, хорошо, что еще не послали пролагающихся в цензуру номеров.

Немного облегло. Делаем распоряжения. Из машины вынимается стереотип, вынимаем это драгоценное место. И машина снова работает. Сметются в типографии рабочие. Мы еще остаемся настороже. В цензуру посылаются «очищенные» номера. Ничего, прошло. Крамольные номера до цензуры не дошли. Дальше идет все гладко. А вот другой случай. По тогдашним законам редакция должна была направлять первые номера из-под машины в цензуру и только после отправки в цензуру можно было продавать газету и выносить ее на улицу. Имелось в виду, что цензор, получая первые номера газеты, бегом просмотрев, сразу же приотставит на первых экземплярах печатающие «вредных» изданий.

Стали печатать сперва большое количество «Звезды» (а потом «Правды»), не выпуская сразу напечатанного из типографии.

А когда напечатана уже добрая половина, посылаем цензору его как «первые» экземпляры и тогда грузим подготовленное на извозчика и увозим все остальное. Закон соблюден, и газета в другом, далеком от цензора месте. Являющийся в типографию для конфискации номера цензор или пристав (по его поручению) забирает небольшое количество последних экземпляров. Но тут была придумана еще одна хитрость.

В денские дни спрос на «Звезду» страшно возрос. Чтобы доставить пораньше газету на заводы, она печаталась для быстрой работы на двух машинах.

Помню вваливается в типографию пристав — конфисковать газету. Забирает по обыкновению мало.

У нас уже главное отправлено из типографии. Но приставу, видимо, об этом номере газеты были даны особенно строгие инструкции от начальства. Спрашивает, на какой машине печатаем «Звезду». Указываем одну машину, он требует вынуть стереотипы, сам бьет по ним налкой и разбивает на куски. Сделав свое дело, уходит с видом исполнившего свой долг верного служаки. Однако, на этот раз мы действуем в «союзе» с управляющим и рабочими типографии. Вслед за вышедшим со двора приставом ставим караул на улице, во дворе и в самой типографии.

Цель — уведомить типографию при новом появлении полиции. И когда охрана установлена, пускается в ход вторая машина, где все осталось в порядке. Так неожиданно прекрасная ротационная машина превращается на несколько часов как

бы в нелегальную технику, выпускающую уже «арестованную» «Звезду». А затем осторожно, с оглядкой, вывозим нашу нелегальницу из-под носа торчащих со всех сторон днем и ночью у типографии шпионов. При полном произволе царских властей, при расставленных кругом западнях и ловушках наша газета находила щели, через которые проникала в рабочую гущу. У «Звезды» в это время было уже достаточно для этого друзей, беззастенчиво преданных ей рабочих, она пользовалась глубоким влиянием и могучей поддержкой с каждым днем поднимавшегося после тяжелых лет столыпинщины пролетариата.

В эти дни, в дни денских стачек и волнений рабочих по всей России, появилась «Правда»...

...В самой «Правде» работала небольшая группа работников, ...поглощенная всецело разнообразными обязанностями по изданию и редактированию газеты. Вокруг газеты выросли сотни новых сотрудников — рабочих и рабочих фабрик и заводов, приказчиков и низших служащих различных учреждений. Ежедневно приходила куча писем рабочих. Писали же они зачастую каракулями, в начале не совсем складно; однако, рабочие корреспонденты видели, что с неправдами их заметки «Правда» всегда печатала в большом количестве.

На «Правду» и ее работников сыпались репрессии. Мало кто из активных работников «Правды» выдерживал больше нескольких месяцев. Их арестовывали, высылали и т. д. Но кто может считать, сколько пережили сотрудники «Правды» — рабочие, ~~рабочие~~ промышленные служащие и т. п... Ведь многие и многие заметки и корреспонденции рабочих в «Правде», хотя и редко подписывались своим или полным именем пишущего, невольно открывали корреспондента хозяину. А уж добравшись до такого «писакки», хозяин или мастер не только дает волю всяким неслестным выражениям (помню, в одной корреспонденции об одном таком мастере было сказано так: «уж так-то у нас мастер выражается, так выражается, что даже паркета не запачкает»), но редко оставлял его на заводе или мастерской. Все это спаяло еще больше «Правду» с рабочими-передовиками, а через них со всей рабочей массой.

Мы странно чутко следили за подпиской на нашу «Правду». Мы знали, какое это в то время имело громадное значение не только для газеты, но и для самой партии. Является подиличник с нового завода, и мы знали, что это значит в заводе организуется ячейка нашей партии. Вокруг «Правды» при одном рабочем всегда создавалась группа. «Правда» давала им ежедневные инструкции в статьях по политическим вопросам. В корреспонденциях с заводов и

фабрик шла информация о жизни и борьбе рабочих. В них вскрывались язвы капиталистической эксплуатации. В них в каждом слове и примере — был живой призыв к объединению и борьбе. В «Правду» шло бесконечное количество приветствий от рабочих и забитых служащих. Почти с каждым приветствием рабочие направляли и какую-нибудь сумму денег (десятки рублей, рубли, а то и копейки), обыкновенно соразмерную между группой рабочих. Реже шли отдельные пожертвования. Чаше, почти всегда, групповые, а иногда и от целой мастерской и завода. Это была драгоценная и могучая связь и объединение рабочих. Стачки на одном заводе вызывали стачку сочувствия, стачку солидарности в других. Но особенно велика была роль «Правды» в развертывавшемся тогда стачечном движении. Стачки проходили всюду, во всех отраслях промышленности, но впереди шли металлисты. Стачки росли и числом, и количеством участников, и длительностью. Экономическая стачка переходила в политическую. Большевики, испрошенные мольщиками (ликвидаторы) партии, кричали о «стаечном азарте». Обвиняли «Правду» в том, что она разжигает у рабочих «стаечный азарт». Эти политические слепцы не видели, что стачки в этот момент были главной могучей формой революционного движения пролетариата.

Что делала «Правда»?..

«Правда» не останавливалась перед тем, чтобы в периоды подъема стачечного движения превращаться, так сказать, в стачечный листок. Ежедневно в такие моменты, как фронтовые сводки, «Правда» печатала отчеты об идущих стачках. Хроника стачечной борьбы в это время была нулем газеты. И именно поэтому «Правда» была душой борющихся рабочих. Именно поэтому «Правда» сыграла исключительную роль в подготовке революции...

Так вместе с поднимавшимся рабочим классом закладывалась после нескольких лет тюремного режима в стране, фундамент для могучего расцвета нашей партии.

Вместе с «Правдой» стали появляться новые печатные органы (обыкновенно, у профессиональных) союзов, которые шли под тем же знаменем «Правды».

Массовые организации рабочих и торгово-промышленных служащих, профессиональные союзы почти все встали под знамя «Правды».

У «Правды» был свой конкурент за влияние на рабочих — меньшевистская (ликвидаторская, как тогда говорили) газета «Луч». Мы печатались в одной и той же типографии...

В чем были наши разногласия: разногласия между «Правдой» и «Лучом», меж-

ду «правдистами» и ликвидаторами «лучистами»...

Кратко вот в чем.

Мы были «за три кита», «за неурезанные лозунги», как приходилось в открытой печати обыкновенно именовать три основных наших требования-лозунга: 8-ми часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли и демократическая республика, т. е. свержение царизма.

«Луч» был за свободу коалиций, «за частичные лозунги», т. е. выдвигал на первое место не свержение царизма-самодержавия, а получение уступочек, получение частичной свободы у царизма для союзов, собраний, слова и печати. Мы не отказывались от всяких, хотя бы и самых малых уступочек царизма рабочим, но их использовали для основной цели, к которой и призывали — свергнуть самодержавие и царя, долой помещика, лучшей жизнью и права рабочих.

Отсюда вытекало второе коренное разногласие «Правды» с «Лучом». «Правда», как и вся партия большевиков, говорила: пользуйся всякой отдушиной легальности при царизме; но пока есть царизм, наша партия должна иметь опору и руководителя в нелегальной (подпольной) партийной организации, где партия должна сплотить самую стойкую, самую сознательную и организованную свою силу. Через эту организацию партия руководит всей (в том числе и открытой) работой партии.

«Луч» стоял за легальность во что-бы то ни стало. «Луч» считал подпольную организацию партии не только ненужной, но и вредной, изображая ее как оторванную от рабочих масс кучку людей, навязывающих свою волю рабочим организациям. Вывод отсюда был — уничтожь, ликвидируй (вот откуда они назывались ликвидаторами), все внимание обрати на открытые легальные рабочие организации — союзы, культурно-просветительные общества, легальные газеты и т. п.

Мы оставили руководство за сплоченной, при царизме неизбежно подпольной, партийной организацией, которая и должна была использовать каждую легальную открытую возможность. Они (ликвидаторы) обливали грязью «вредное подполье», «на брюхе вылезая в легальность» при царизме.

И тут вырастал третий боевой вопрос разногласий.

С 1912 г. наша партия окончательно и навсегда порвала с меньшевизмом, заклеив их бегство из подполья и призвав партию очиститься от этих подкрапывающихся под друзей изменников пролетариата.

«Луч» (ликвидаторы) попытались нас прославить раскольниками, а себя — великими борборниками «единства» пролетариата.

И это сорвалось. Рабочие инстинктивно тянулись и тянутся к единству, зная, что в этом их сила. Но какое единство? На это чем дальше, тем больше ответ выяснялся для всего авангарда революционного пролетариата. Единство под знаменем «Правды», большевиков и их неурезанных лозунгов — росло. «Правда» шла революционным путем, укрепляла и строила революционную партию; «Правда» действительно объединила на этом лучшие силы целого поколения пролетариата, которое было руководящей силой пролетарской революции в октябре 1917 г.

Мне пришлось быть секретарем «Правды» в течение первых 6 месяцев... Потом я был вынужден скрыться, перейти на нелегальное положение и после ареста снова работать в «Правде» уже осенью 1913 г. до нового ареста (тогда я взял в «Правде» отел профессионального движения и работал в союзах). Но эти первые месяцы наверно навсегда останутся одним из лучших моментов моей партийной работы.

Тогда в мою комнату секретаря редакции вливается поток людей и событий такой бодрой революционной силы и смелости, которые бывают только в такие знаменательные времена, как эпоха работы «Правды».

Вот сваливается рабочий с стройки на Лиговке, держа в руках огромные, криво обдранные куски обоев, на которых карандашные большие каракули описывают требования забастовавших рабочих на стройке. — Товарищ, помести, чтобы завтра в «Правде» все наши прочитали. Нельзя не поместить — вести со стачечного фронта, и притом с нового, как будто далекого участка.

Вот опять трое рабочих металлистов с «Сименса и Гальске», где уже два месяца тянется стачка, за которой смотрит и которую поддерживает весь интеллигентный пролетариат. Тут же эта тройка мне хорошо известных по ежедневным посещениям товарищей, фактически руководящий стачечный центр, обсуждает полупонятом в стороне стратегию и тактику стачки. Они,

обсудив свое положение, сейчас же оставят заметку, как держаться и на что есть надежда у сименсов. Мы и сами с ними обсуждаем каждый их шаг. — Завтра — в газету нужно, говорят они твердо. — Ладно, товарищи, будет сделано. И знаем, что завтра на митинге забастовщиков в Гавани «Правда» будет жадно читаться у нескольких тысяч сименсов.

А вот и новый сотрудник газеты, робко передающий небольшую заметку о мастере, ненавистном в мастерской всем рабочим. Просит посмотреть, что нужно изменить, поправить и напечатать. Спрашивает еще, нельзя ли не печатать его фамилию. Соглашаемся. Уходит, знаю, что принесет еще и еще. А за ним и другие...

Приходили к секретарю редакции и другие посетители. Нет, нет да и навешивается какой-нибудь подозрительный лжентльмен с белыми глазами в шпиковском пальто. Расспрашивают о возможности завязать связь якобы их организации или об условиях сотрудничества. Видишь, что цель у него — посмотреть, что находится в комнате и запомнить твоё лицо.

Редко, но бывали случаи, когда являлся представитель какой-нибудь капиталистической фирмы с более чем явными намеками прекратить о них писать, а то мы пожалуемся, а то мы суем лобьемся и т. д. Угроз этих нам ничего было бояться. Мы видели, как само царское правительство, при всей своей ненависти и злобе, прижужжено было терпеть «Правду», за которой стояли тысячи и тысячи рабочих-трузей...

Обыкновенно только на рассвете (я имела в виду при этом главным образом весну, лето и осень 1912 г.) мы расходились по домам только на несколько часов. Возвращаясь утром в редакцию, редко упустив случай спросить по пути у газетчика — есть ли «Правда». И когда знакомый газетчик вытаскивает «Правду» у себя из какого-то далекого места — знаешь, что это номера конфискованной «Правды», которая все-таки живет.

В. МОЛотов.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗГРОМА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СЕВЕРЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1

В планах вооруженной интервенции империалистов Антанты против Советской России после упрочения власти Советов Север нашей страны занимал особое место в связи с его относительной близостью к пролетарским центрам — Петрограду и Москве. Незамёрзая порт Мурманск, связанный морскими путями с Англией и Францией, был очень удобен для концентрации там военных сил и снаряжения.

Ллойд-Джордж писал в своих воспоминаниях, что «союзники могли проникнуть в Россию двумя путями: либо через Арктику в Мурманск и Архангельск, либо через Владивосток — в Сибирь» (Давид Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. VI, стр. 82).

Реализуя свои захватнические планы, империалисты Антанты под предлогом «помощи» России против Германии начали свои преступные действия в Мурманске. Они рассчитывали велед за захватом Мурманска развить своё наступление и соединиться с белогвардейскими бандами, наступавшими с востока.

Появление интервентов на Севере было облегчено предательством тогдашнего руководства Мурманского совета во главе с Юрьевым (Алексеевым), деятельность которого направлялась изменником Троцким. 2 марта 1918 года на основе директивы Троцкого о «принятии всякого содействия союзных миссий» мурманские заправилы заключили с представителями Антанты так называемое «Словесное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края». Это «Соглашение» отдавало фактическую власть в крае в руки иностранной военной интервенции.

Когда исполнительный комитет Олонецкого совдепа запросил Троцкого о подозрительной деятельности Мурманского совдепа, предатель ответил: «Мурманский Совет правильно ссылается на моё разрешение. По прямому проводу не могу входить в принципиальную полемику...»

В связи с заключением указанного выше «Словесного соглашения» товарищи Ленин и Сталин разговаривали по прямому проводу с председателем Мурманского

совета Юрьевым, который в то время еще не был разоблачен как прямой агент англо-французских интервентов.

Вот текст этого разговора:

«У аппарата Сталин. — Отвечайте сперва на два вопроса. Потом дам ответ.

Вопрос первый: Договор, заключенный вами с англо-французами, представляет из себя письменный договор с соблюдением формальностей или устный?

Алексеев. — Это словесное соглашение, зафиксированное дословно.

Сталин. — Вопрос второй: Какими силами ваш совдеп располагает без Англии и Франции?

Алексеев. — Имеем 100 человек и дорожную охрану, которая формируется, а также могут быть мобилизованы до 200 моряков военного флота, обслуживающего суда мурманской флотилии.

Сталин. — Еще вопрос: продовольствие дано англичанами даром или в обмен?

Алексеев. — В счет кредита из Главного Управления заграничных заказов, так же как и уголь.

Сталин. — Еще ответьте на один вопрос. Англичане никогда не помогают зря, как и французы. Скажите: какое обязательство пришлось взять Совдепу за военную помощь со стороны англичан и французов?

Алексеев. — Помощь оказывалась и оказывается Мурману и Мурманскому пути потому, что им так же, как и России, необходимо сохранить и развить этот край и путь, ибо в настоящее время это единственный путь сообщения России с Англией, Францией, Америкой. Сохраняя Мурман, они делают это не ради краевых интересов, но ради своих интересов в России. Никаких обязательств поэтому от нас не требуется и не требовалось. Вот текст словесного соглашения...

Сталин. — Примите наш ответ: нам кажется, что вы немножечко печальны, теперь необходимо вышутаться. Наличие своих войск в Мурманском районе покажет Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации. Если вы добьетесь письменного подтверждения за-

явления англичан и французоз против возможной оккупации, это будет первым шагом к скорой ликвидации того запутанного положения, которое создалось, по нашему мнению, помимо вашей воли. Ленин. Сталин.

Александров — ссылается на телеграмму Троцкого.

Сталин. — Телеграмма Троцкого теперь ни к чему, она не поправит дела...» («Правда» от 21 февраля 1935 года).

Этот разговор свидетельствует о ленинско-сталинском предвидении в этом вопросе, об отношении вождей революции к предательской линии Троцкого и его ставленников.

Английский «неофициальный» представитель в Москве и одновременно разведчик и шпион Локкарт имел все основания писать американскому полковнику Робинсу, что Троцкий «вещески облегчил сотрудничество с союзниками в Мурманске», а в отношении военных грузов в Архангельске разрешил «удержать те склады, которые необходимы нам самим» («Russian-American Relations, March 1917—1920», стр. 202—203. Письмо от 5 мая 1918 года).

9 марта в Мурманске был высажен с английского крейсера «Глори» десант в составе 200 солдат с двумя орудиями. 14 марта в Мурманск прибыл английский крейсер «Бокрейн», а 18 марта — французский крейсер «Адмирал Об».

12 марта 1918 года английский министр иностранных дел Бальфур, сообщая о том, что французское правительство отправляет военное судно в Мурманск, предлагал послу Англии в США повлиять на правительство США, дабы оно последовало французскому примеру (см. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». 1918. Т. II, стр. 471.) Ленин говорил, что и английские и американские империалисты «давно стараются устранить Россию, и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурманна...» (Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 268).

Закрепив свои позиции в Мурманске, интервенты приступили к накоплению там своих сил и к постепенной оккупации края. Военным агентам Антанты и контрреволюционным белогвардейским организациям в течение апреля и мая 1918 г. удалось здесь сконцентрировать свыше 5 тыс. человек. В их числе были французы, англичане, сербы, русские белогвардейцы и другие. Белогвардеец Пугачев указывал, что «первая организация, с которой я получил связь (через генерала Суворова), была организация генерала Геруа, занимавшегося переброской офицерства на Мурман, через Петрозаводск и через Финляндию. Офицеры перебрасывались в распоряжение английского генерала Пуля на счет английско-

го правительства» (В. Пугачев «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917—1921 гг.)». Ч. 1-я, стр. 17. 1922.)

Приводимые факты подтверждают вывод, сделанный в «Кратком курсе истории ВКП(б)», что уже в первой половине 1918 года сложились две определенные силы, готовые пойти на свержение советской власти: иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России.

Вместе с Англией и Францией активное участие в интервенции на Северо приняли и США.

27 мая 1918 года в Мурманск прибыл американский крейсер «Олимпия».

1 июня на совещании у президента Вильсона было решено сообщить английскому послу в Вашингтоне о намерении правительства США послать в Мурманск войска, но только в том случае, если маршал Фош «сочтет возможным выделить группу войск из американских эшелонов, направляющихся во Францию» («Foreign Relations». Т. II, стр. 484. Меморандум Лансинга от 3 июля 1918 года).

3 июня Верховный военный совет «союзников» в Париже постановил высадить в Мурманске и Архангельске десант американских, английских, французских и итальянских войск, а также не выводить чехословацких войск из России (там же, стр. 212).

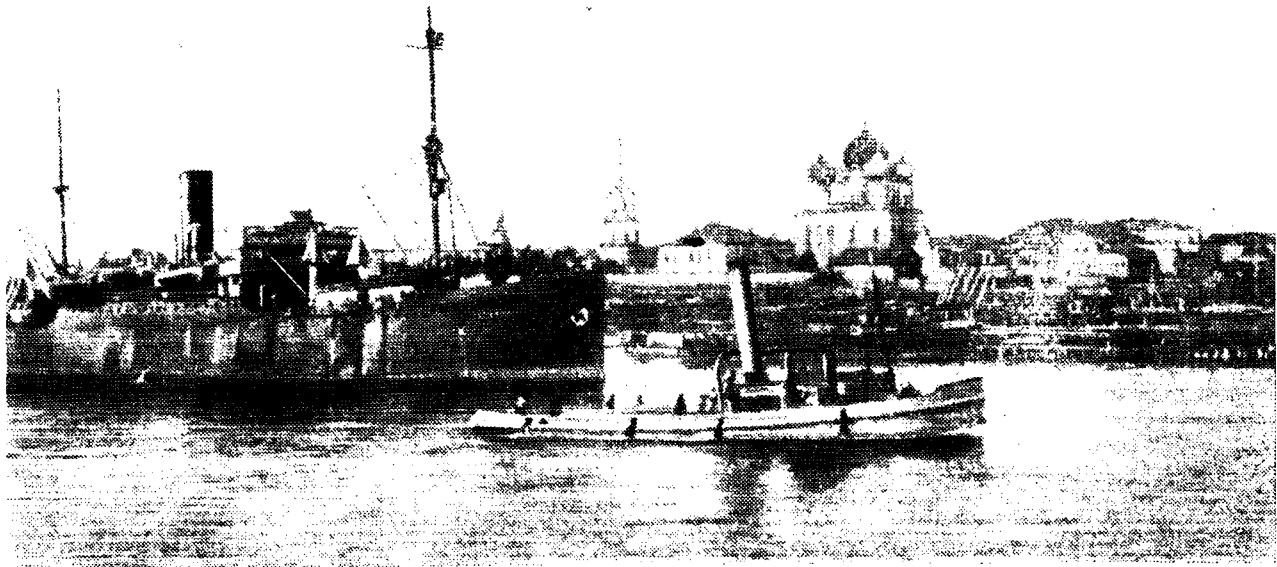
14 июня НКВД отправил ноту Англии, Франции и США с требованием очистить Мурман и советские территориальные воды. В связи с этим НКВД телеграфировал архангельскому губисполкому: «Мы потребовали ухода английских, французских и американских судов из наших портов. Возможные враждебные действия англичан и их союзников в связи с чехословацким движением».

Надо быть готовым к отпору...» (цит. по сборнику Архангельского истпарта «Октябрьская революция и гражданская война на Севере» № 4 за 1927 год, стр. 277).

Инструктируя американского консула в Архангельске Кола, Франсис предписал ему в ответе на ноту НКВД указать, что военные корабли Антанты необходимы им якобы для охраны торговых грузов от германских подводных лодок («Foreign Relations». Т. II, стр. 503. Телеграмма от 26 июня 1918 года).

В Мурманске, особенно в течение июня — июля 1918 года, продолжали высаживаться иностранные войска. 17 июня в Мурманск прибыл на крейсере «Атлантик» сам генерал Пуль. Любопытные данные сообщает в своих воспоминаниях английский генерал Мейнард, назначенный в июне 1918 года «командующим экспедиционными силами в Мурманском районе», о том,

Пароход с первым эшелоном английских интервентов подходит к пристани в Архангельске. 1918 год. Музей революции СССР.

как Пуля обращался с генералом Звезгинцевым¹ и капитаном 2-го ранга Веселаго².

«Отношение Пуля к Звезгинцеву и Веселаго доставляло нам, новоприбывшим, большое развлечение... Он обращался с ними, как директор школы мог бы обращаться со своими старшими учениками. Давая им понять, что они должны сознавать свою ответственность и действовать для блага школы, он тем не менее заставлял их поступать так, чтобы действия, предпринятые ими, не могли идти вразрез с его заранее обдуманными планами» (Маунгад «The Murmansk Venture», стр. 38).

В планы Антанты входил не только захват Мурманска, но и Архангельска. В Архангельск еще задолго до прибытия интервентов стекались представители белогвардейских организаций, проникавшие туда при содействии английской контрразведки в Петрограде и путем поступления на службу в советские войска и учреждения.

По свидетельству Игнатьева, через Вологду шла переброска белогвардейских офицеров в распоряжение английского офицера Томсона, имевшего тесный контакт с английской миссией (под именем Томсона действовал капитан 2-го ранга Чаплин). Агентом Антанты в Архангельске были также состоявшие на советской службе командующий войсками бывший полковник

Потапов и командующий флотом бывший адмирал Викорст.

25 июня Мурманский совет получил телеграмму за подписью Ленина, в которой был дан анализ начавшейся на Севере интервенции: «Английский десант не может рассматриваться иначе, как враждебный против Республики. Его прямая цель — пройти на соединение с чехословаками и, в случае удачи, с японцами, чтобы низвергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Нами предписано выдвинуть для обороны Мурманской железной дороги от вторжения пашильников необходимые войска...» (цит. по журналу «Карело-Мурманский край» № 10—11 за 1927 год, стр. 14).

Разъясняя характер советской политики, Ленин указывал во время переговоров по прямому проводу с Мурманском в июне 1918 года:

«Если вам до сих пор неудобно понять Советскую политику, равно враждебную англичанам и немцам, то пеняйте на себя...

С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа...» (см. «Правду» от 21 февраля 1935 года, см. также ЦАОР, фонд 130, л. 228, л. 28).

Предательская политика руководителей Мурманского совета привела в конце концов к полному разрыву с нейтральной советской властью и переходу их на сторону иностранных империалистов.

2 июля Юрьев был объявлен врагом народа за переход его на сторону англо-французских империалистов.

В начале июля англичане захватили Кемь. 3 июля отряд войск интервентов разогнал местный Совет и расстрелял трех членов кемского исполкома. Англичане чув-

¹ Н. И. Звезгинцев в апреле 1918 года был утвержден Троцким в качестве военного руководителя на Мурмане.

² Г. М. Веселаго был правой рукой Юрьева и фактическим организатором и вдохновителем контрреволюционного переворота на Мурмане.

ствовали себя в Кемь полными хозяевами. Командантом был назначен английский полковник Лаунгтонсон. Англичане задержали несколько пароходов, на которых были подняты английские и царские флаги. В Кемь, Сороке и Кандалакше орудовали сербско-словацкие отряды, принуждавшие местное население «добровольно» вступать в английскую армию (подробности о событиях в Кемь см. в «Известиях Архангельского совета» от 24 июля 1918 года).

Делегация Архангельского совета, побывав в середине июля в Кемь, установила, что интервенты произвели систематическое изъятие всех советски настроенных людей и уничтожали все советские организации. «На железной дороге арестовывались все без исключения члены железнодорожных комитетов, стоявшие на платформе Советской власти. Система терроризирования рабочих царит по всей окупированной зоне» (см. «Известия Архангельского совета» от 24 июля 1918 года). Когда указанная делегация ехала обратно, то на Соловецких островах обнаружила английские войска: отряд морской пехоты и батальон сухопутных войск.

В одной из своих речей В. П. Ленин говорил по поводу поведения интервентов на Мурмане:

«Враги Советской России обкружают нас тесным железным кольцом. Высоко развешающиеся знамя русской социальной революции не даст покоя международным империалистам, и они пошли войной на Советскую власть, на власть рабочих и крестьян.

Вы помните, товарищи, как в начале революции французы и англичане не переставали твердить, что они «союзники» свободной России. И вот ныне эти «союзники» сказались. Путем обмана и лжи они заняли Мурман, затем взяли Кемь и начали расстреливать наших товарищей, советских работников» (В. П. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 169.)

Говоря о начавшейся интервенции, Ленин подчеркивал, что выступление интервентов на Севере находилось в тесной связи с выступлением и в других районах: «Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой» (В. П. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 156).

17 июля государственный департамент США выпустил меморандум, в котором лицомерно утверждал, что единственной законной целью, для осуществления которой могут быть применены американские и «союзнические» войска как во Владивостоке, так и в Мурманске или Архангель-

ске, является якобы «охрана военных складов, которые впоследствии могут пригодиться русским войскам» («Foreign Relations», Т. II, стр. 287—290. См. также Грэве «Американская авантюра в Сибири», стр. 6—10. 1932).

Антанта помышляла о скорейшем захвате Архангельска.

Будущий глава белогвардейского правительства — «Верховного управления Северной областью» — «социалист» Чайковский выдвинулся в конце июля в Архангельске с представителями Антанты, которые говорили ему о близости десанта.

За несколько дней до переворота в Архангельск приехал член ЦК партии эсеров Лихач, принявший участие в создании белогвардейского правительства. Переговоры с представителями Антанты вели в Архангельске также эсеры Маслов и Дедусенко (см. «Обвинительное заключение по делу правых эсеров», стр. 73 и 75. 1922).

25 июля послы Антанты спешно выехали из Вологды и отправились в Архангельск. Утром 2 августа там был произведен белогвардейский переворот. Вслед затем контрреволюционное правительство «пригласило» долгожданных «союзников», находившихся неподалеку от Архангельска на военных кораблях (31 июля англичанами была занята Онега).

Фрэнсис указывает, что «антибольшевистский переворот произошел за четыре часа до прибытия этих войск. Генерал Пуль запросил правительство в Архангельске: вы разрешаете нам высадиться? Большевицское правительство согласно инструкциям из Москвы должно было оказать сопротивление десанту. Ответ же нового правительства был такой: «Высаживайтесь быстрее» (Francis «Russia from the American Embassy», стр. 264—265. 1931).

Надо сказать, что все мероприятия местной советской власти: объявленная мобилизация, работа по укреплению архангельского района, установка батарей на острове Мудьюге, ожидавшееся прибытие подкреплений из центра в виде отрядов, орудий, мин и т. д. — все это было известно интервентам в результате предательства ставленников Троцкого — военных специалистов Потанова, Викорета и др.

В воззвании к трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии, опубликованном за подписью председателя Совпаркома В. И. Ульянова (Ленина), говорилось:

«Англо-французские бандиты уже расстреливают советских работников на захваченной ими Мурманской железной дороге. На Урале они уничтожают рабочие советы, расстреливают их представителей руками чехословацких отрядов, содержи-

Вступление английских интервентов в Архангельск. 1918 год.

Музей революции СССР.

мых на деньги французского народа, руководимых французскими офицерами. По приказу ваших правительств, они отрезают русский народ от хлеба, дабы принудить рабочих и крестьян накинуть на себя заново петлю парижской и лондонской бирж. Теперешнее открытое нападение франко-английского капитала на рабочих России завершает только уже в восемь месяцев введенную и одозмную борьбу против Советской России...» («Известия» № 162 от 1 августа 1918 года).

2

2 августа 1918 года в Архангельске было образовано белогвардейское правительство — «Верховное управление северной областью». В состав этого правительства входили главным образом эсеры во главе с Н. В. Чайковским. Активно поддерживали белогвардейское правительство также местные кадеты и меньшевики. Один «старый социал-демократ» откровенно писал в газете «Северный луч» о своем желании глубоко и искренно поблагодарить англичан за то, что «с их приходом каждый из нас яснее и отчетливее почувствовал прежде всего себя русским...» (цит. по сборнику «Интервенция на севере в документах», стр. 41. 1933).

Первым делом это правительство отменило декреты советской власти. Англичане

заялись здесь открытым разбоем и колониальным грабежом. За время своего господства интервенты вывезли через северные порты на миллионы рублей золотом различного рода сырья и товаров: леса, льна, смолы, марганцевой руды и др.

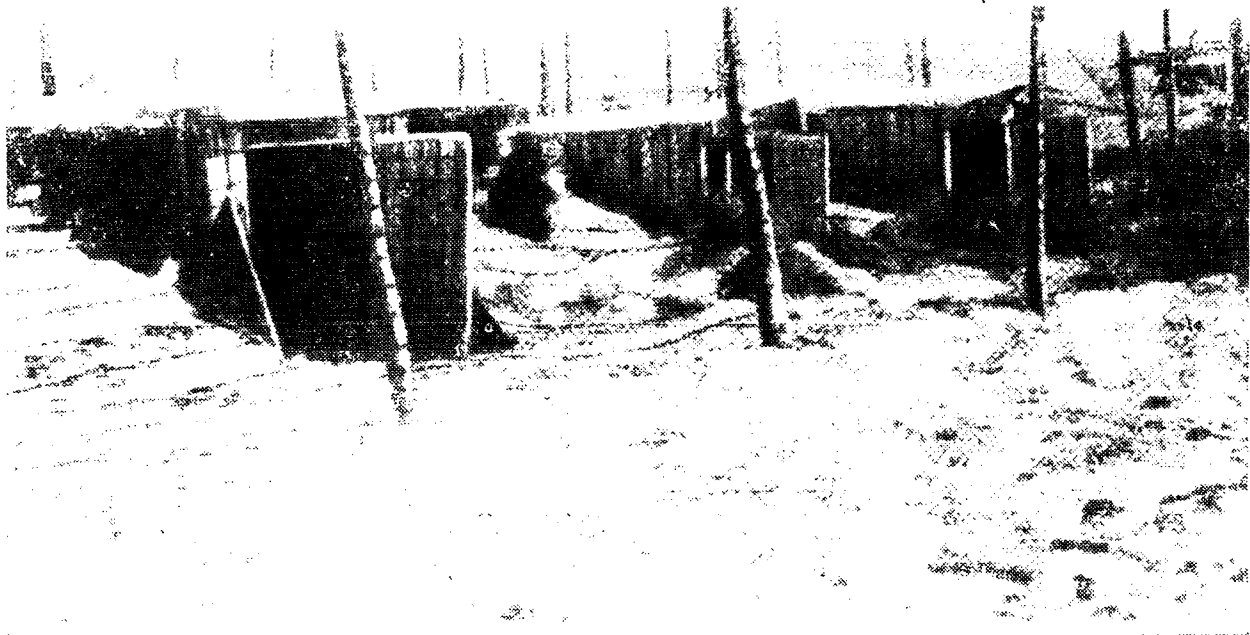
Интервенты захватили в свои руки весь северный флот, заменили русские команды иностранными. Англичанами были захвачены крейсер «Асколь», ледоколы «Святогор» и «Михаил Селянинович», несколько миноносцев, посыльных судов и свыше десяти тральщиков.

7 августа 1918 года французский офицер Доноп был назначен военным губернатором Архангельска. Доноп установил цензуру даже для правительственных изданий.

При проведении на Севере «финансовой реформы» англичане захватили в свои руки также и финансы.

По требованию интервентов на Севере были введены военно-полевые суды. Началось преследование коммунистов и всех заподозренных в сочувствии советской власти. Генерал Пуль в своем письме к Чайковскому от 13 сентября предлагал ему срочно провести в законодательном порядке решение о включении в состав особого суда, кроме офицеров белой армии, также трех членов — представителей английской, французской и американской армий.

Фактически в руках интервентов находились и места заключения на Севере. Так например военный губернатор Архангель-

Карцеры в концентрационном лагере, созданном английскими оккупантами. Северный фронт. 1919 год.

Музей революции СССР.

ска Дюноп предписал начальнику архангельской тюрьмы не освобождать ни одного заключенного без приказа за его подписью.

Тюрьмы Севера навсегда остались в памяти трудящихся.

Один из заключенных рассказывает о своем пребывании на острове Мудьюге, названном «островом смерти»: «Никаких красок не хватит описать то, что делалось на этом острове... Однажды ночью в барак, где находилось 700 арестованных, ворвался конвой. Конвойники забрали Георгия Иванова, председателя Шенкурского уездного исполкома, и Лохова, рабочего Балтийского завода. Их повели на северную оконечность острова и по дороге три раза устраивали пинцетировку расстрела. Затем обоих посадили в земляной погреб, залитый водой, и продолжали шесть суток.

На «острове смерти» была организована «медицинская помощь», но таким образом, что в лазарете в течение одной ночи 18 человек отморозили себе ноги. Масса арестованных умерла. Умирающих заставляли самих рыть себе могилы, что они, естественно, не могли делать. Поэтому трупы умерших от цытги, тифа и истощения сваливали в ров» (цит. по «Правде» от 21 февраля 1935 года).

В «Записках заключенного» П. Рассказова приводятся примеры того, что творили интервенты и белогвардейцы на Севере.

По данным, приводимым автором, только за год, с августа 1918 года по сен-

тябрь 1919 года, через одну лишь архангельскую губернскую тюрьму прошло около 10% всего населения, приблизительно 30 тысяч человек. Из них около 4 тысяч было расстреляно, свыше 300 человек умерло от голода, более 600 — сослано на каторгу. Указанные факты вполне подтверждают слова автора записок, что интервенты «своей зверской расправой с рабочими и крестьянами покрыли себя позором, равного которому не знает современная история...» (сборник «Интервенция на советском севере, 1918—1920 г.г.», стр. 17. Архангельск. 1939).

3

Командовавший белогвардейскими войсками на Севере генерал Марушевский вынужден был признать, что англичане, оккупировав Север, держали себя там так, «как будто они находились в завоеванной, а вовсе не в дружественной стране...» (В. В. Марушевский «Белые в Архангельске», стр. 157. 1930).

Для усиления своей диктатуры интервенты выдвинули в начале 1919 г. на пост главнокомандующего вооруженными силами северного фронта другого своего ставленника — генерала Миллера, тесно связанного с Колчаком. Однако сам Миллер признавал, что фактически командование войсками белых в Северной области и их снабжение целиком находились в руках английского командования.

Допрос военнопленного красноармейца английскими интервентами. 1918—1919 годы.

Музей революции СССР.

Предприняв интервенцию на Север, англичане твердо решили провести в жизнь свои планы соединения северной и восточной контрреволюции. 30 ноября 1918 года английскому представителю в Архангельске было сообщено, что английское правительство намерено продолжать занимать Мурманск и Архангельск так же, как и продолжать сибирскую экспедицию.

Для осуществления своих целей интервенты послали на Север значительное количество своих войск: англичан, французов, американцев, канадцев, итальянцев, сербов, чехословаков и др.

По английским официальным данным, на Север прибыло:

	б р и т а н с к и х	с о ю з н ы х
Офицеров	2 491	562
Солдат	26 485	12 902
	28 976	13 464
	Всего	42 440

(цит. по книге И. Мицга «Английская интервенция и северная контрреволюция», стр. 161. 1931).

Помимо посылки войск интервенты организовали на Северной Двине специальную речную флотилию, как из захваченных ими судов, так и специально присланных из Англии. Тут были канонерские лодки, мониторы, быстроходные катера-пестребители, гидроаэронавы и др.

Белогвардейские формирования на Севере были полностью подчинены командованию интервентов.

Начиная с 1918 года английские империалисты приложили немало усилий для того, чтобы вовлечь также и Финляндию в борьбу с Советской Россией. По указанию генерала Мейнарда, был, например, организован специальный карельский батальон для борьбы с большевиками.

В апреле 1919 года белофинны, провозгласившие бредовый лозунг о «великой Финляндии», предприняли при поддержке англо-французских империалистов поход на Олонец и Петрозаводск.

Во время наступления генерала Юденича на Петроград осенью 1919 года, генерал Марушевский ездил специально из Архангельска в Гельсингфорс для переговоров с бывшим царским генералом, командующим белофинскими войсками Маннергеймом. Колчак и Юденич вели переписку с Маннергеймом о совместном нападении русских и финских белогвардейцев на Петроград.

24 октября 1919 года английская консервативная газета «Таймс», выступавшая с постоянными нападками на Советскую Россию, поместила передовицу о необходимости нападения Финляндии на Советскую Россию. Левин говорил по этому поводу: «я сам читал эту передовицу, — которая умоляет, приказывает Финляндии, требует: помогите Юденичу, на вас смотрит весь

мир, вы спасете свободу, цивилизацию, культуру во всем мире — идите против большевиков. Это говорила Англия Финляндии, Англия, у которой вся Финляндия в кармане, которая в долгу, как в шелку, которая не смеет пикнуть, потому что она не имеет без Англии ни пшеницы хлеба...» (В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 53).

Однако более трезвые круги финляндской буржуазии понимали, что Советская Россия не угрожает независимости Финляндии, в то время как белогвардейские генералы и Антанты являются ее врагами. Этим объясняется то, что, не смея прямо отказать Антанте, Финляндия оттягивала, ждала, писала ноты до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин не были раздавлены.

4

На северном фронте борьба велась в основном по трем направлениям: на Мурманском, железнодорожном (Вологда — Архангельск) и северодвинском (Котлас — Вятка). К осени 1918 года белым удалось продвинуться на Мурманском направлении на 40 километров к югу от Сороки, по направлению к Мельвешей горе. На архангельском и северодвинском направлениях фронт проходил в основном через следующие пункты: Чекусово (на реке Онеге), станция Обозерская — Среда-Мехреньгская — Малый Березничек (на реке Ваге), Тулга (на Северной Двине) и через Труфаново (на реке Шинеге).

Ленин и Сталин уделяли большое внимание северному фронту. 8 августа 1918 года Ленин подписал следующую резолюцию на тексте докладной записки руководителей северного фронта, где содержался перечень военного снаряжения и боеприпасов для нужд фронта: «Немедленно дать просимое; сегодня же отправить из Москвы; дать мне тотчас имена шести генералов (бывших), (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят» («Правда» от 23 февраля 1938 года).

Сразу же после занятия Архангельска англичане повели наступление на котласском направлении.

Ленин, придавая огромное значение занятию Котласа, предлагал организовать ее во что бы то ни стало, используя для этой цели также и авиацию (см. его телеграмму от 12 августа 1918 года. Соч. Т. XXIX, стр. 492).

Вскоре после занятия Архангельска Ленин потребовал использовать для борьбы с интервентами и белогвардейцами па-

ходившиеся в Вологде два авиаотряда. В своем разговоре по телефону с представителями Реввоенсовета Ленин указывал: «К Архангельску подошла английская эскадра. Северу угрожает интервенция. Нельзя ли послать самолеты, если наш флот и береговая оборона не могут ничего сделать?»

В связи с отсутствием аэродромов Ленин указал, что в Архангельской губернии есть деревни и поля, которые можно использовать как аэродромы (см. подробнее в сборнике «Пять лет строительства и борьбы воздушного флота», стр. 28. 1926, а также статью П. Волкова «Ленин — Сталин и авиация» в «Историко-марксисте» № 1 за 1939 год, стр. 60).

Большая роль в борьбе с интервентами и белогвардейцами на Севере принадлежала Северодвинской и Онежской флотилиям.

Северодвинская флотилия помешала интервентам продвинуться к Котласу. Успешно были использованы буксирные пароходы, большую роль по вооружению которых сыграли моряки Северного флота, а также посланные сюда моряки-балтийцы. Большую роль по организации первых отрядов Красной Армии на северном фронте, в частности по созданию Северодвинской флотилии, сыграл бывший заместитель председателя Архангельского совета Павлин Виноградов. Он погиб в борьбе с интервентами на северодвинском фронте 8 сентября 1918 года.

В годы гражданской войны северный фронт не являлся основным фронтом, однако в связи с планами интервентов соединиться с Колчаком в северо-восточном направлении этот фронт приобрел важное значение. Необходимо было приостановить продвижение противника, намеревавшегося соединиться с силами Колчака, наступавшего с Урала, чтобы двинуться затем на Москву.

24 декабря 1918 года колчаковская армия заняла Пермь. ЦК партии и Ленин командировали на восточный фронт партийно-следственную комиссию в составе товарищей Сталина и Дзержинского. Благодаря их быстрой и решительной деятельности удалось добиться перелома на фронте 3-й армии (см. подробнее «Исторический журнал» № 12 за 1939 год, статью Соффинова «Сталин и Дзержинский на восточном фронте»). Товарищ Сталин во время пребывания проездом в Вологде, а затем во время пребывания в Вятке встречался с представителями командования Северного флота и Архангельского губисполкома и дал им целый ряд директив по организации наступления в северодвинском направлении, а также по организации транспорта и снабжения армии северного фронта.

Член Архангельского губисполкома Олупин сообщал из Вятки, что он «заручился мандатом товарищей Дзержинского и Сталина на организацию транспорта» и что «благодаря присутствию в Вятке Сталина и Дзержинского, ...получил все необходимое...» (см. об этом в книге В. Р. Ферри «Северные парторганизации в гражданской войне», стр. 52. Архангельск. 1939).

В январе 1919 года 6-я Красная армия получила приказ отбросить противника, оперирующего по течению рек: Пинега, Мезень, Печора, — и возобновить активные действия в архангельском направлении.

В результате всех этих мероприятий Красная Армия несмотря на 38-градусный мороз заняла 25 января 1919 года Шенкурск. Здесь потерпели поражение и отступили в панике американские войска. Красная Армия захватила 15 орудий и большое количество военного снаряжения и продовольствия.

В состав 6-й Красной армии, организованной в сентябре 1918 года, входило большое количество пинерских и других рабочих, а также моряков-балтийцев, посланных Лениным и Сталиным на северный фронт для укрепления рядов Красной Армии.

Огромную роль сыграли также местные формирования и партизанские отряды. Местные парторганизации отправили на фронт значительную и лучшую часть своих членов. Так например на северодвинской губернской партконференции в январе 1919 года представитель Усть-Сысольского уезда доложил, что в уезде была организована и отправлена на фронт одна коммунистическая рота и что на смену ей готовится вторая.

В марте 1919 года Онежский уездный комитет постановил: «Немедленно приступить к организации партизанского отряда и выделить три человека организаторами отряда».

В мае 1919 года Каргопольский уком РКП(б) вынес постановление о мобилизации на фронт одной пятой членов РКП(б) и сочувствующих.

Мобилизация производилась не только для северного фронта, но и для восточного, южного и других фронтов. Так например Сухонский комитет РКП(б) постановил мобилизовать 35% партийной и 120% комсомольской организаций на борьбу против Колчака.

Характерное заявление подал, например, крестьянин Анчикин:

«Я, нижеподписавшийся, член с.-х. коммуны «Прогресс» Семен Вас. Анчикин, учитывая серьезное положение на фронтах Федеративной Советской Республики и лишившись своего единственного сына, уби-

того на Северном фронте, хочу заменить его на фронте. Настоящим прошу партию коммунистов большевиков принять меня в члены партии или коллектив сочувствующих и отправить меня на фронт» (В. Р. Ферри. Цит. работа, стр. 74).

Подобных примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Большую роль в борьбе за власть Советов на Севере сыграли партийные организации, находившиеся в подполье. Подпольные большевистские группы существовали в разных районах Архангельска еще в конце 1918 года. В январе 1919 года они объединились и был избран партийный комитет. Была организована подпольная типография, выпускались прокламации.

В сообщении военно-судебного отделения штаба командующего русскими вооруженными силами Северной области (24 июня 1919 года) приводились следующие данные об архангельской подпольной организации. Указанная организация имела свой комитет, конспиративные квартиры, вела агитацию в пользу советской власти, находилась в сношениях с Красной Армией и готовила организацию в Архангельске вооруженного выступления. Охранке благодаря провокаторам удалось, однако, раскрыть эту подпольную организацию. Десять человек были расстреляны, а трое приговорены к каторжным работам.

Весной 1919 года Антанта предприняла свой первый поход против Советской республики, причем основная роль предназначалась в это время Колчаку. Товарищ Сталин указывал, что этот поход был комбинационным, ибо он предполагал совместное нападение не только Колчака, Деникина, Польшки и Юденича, но и смешанных англо-русских отрядов в Архангельске и Туркестане.

Англичане сделали все для того, чтобы помочь Колчаку соединиться с армией интервентов и белогвардейцев на Севере. В своем выступлении в парламенте 29 июля 1919 года Черчилль заявил, что «с согласия и одобрения кабинета и правительства и действуя на основании точных указаний генерального штаба, мы были готовы протянуть руку адмиралу Колчаку, чтобы помочь ему добраться до севера, соединиться с местными русскими военными силами и, выяснив существовавшее положение вещей, влячески содействовать успешному окончанию всего предприятия» (В. Черчилль «Мировой кризис», стр. 162. М. 1932).

Однако планы интервентов были разрушены.

Большую роль в этом сыграло разложение в войсках интервентов и белогвардейцев. На сторону Красной Армии переходили не только целые части белой армии, но

и английские, французские, американские и другие солдаты. Сам Черчилль в цитируемой выше речи признал, что «за время долгого заключения на этом побережье, среди солдат не раз вспыхивали волнения».

Еще в ноябре 1918 года солдаты одного из американских полков начали брататься с бойцами 159-го полка Красной Армии. Во время обмена газетами и папиросами американцы заявляли: «Хорош большевик — мой тоже большевик». Командование интервентских войск поспешило заменить этот полк другой частью.

11 декабря 1918 года вспыхнуло восстание в Архангелогородском полку. Попытка восставших захватить в складах оружие окончилась, однако, неудачей. При помощи английских и американских войск, подвергших восставших обстрелу из пулеметов и бомбометов, полк был разоружен. Часть восставших была расстреляна.

В январе 1919 года на станции Калдалакша, Мурманской железной дороги, взбунтовались солдаты иностранных оккупационных войск. В начале февраля английские солдаты подожгли склад с военными материалами в Мурманске. В марте американские солдаты отказались выступить из Архангельска на фронт (подробнее см. в статье Г. Рейхберга и Р. Ольши «Разложение оккупационных войск Антанты в годы гражданской войны (1918—1920)» в «Историческом журнале» № 9 за 1939 год). Одновременно на Мурмане французские артиллеристы отказались обстреливать Красную Армию. Указанная часть была затем полностью арестована.

Генерал Мейнард привел в своих мемуарах многочисленные примеры восстаний среди солдат оккупационных отрядов и отказов вести борьбу с Красной Армией.

Мейнард вынужден был признать, что большевистская пропаганда в рядах белой армии стала широко распространяться и подрывать в солдатах волю к борьбе, что попытки открыть большевистских пропагандистов оказались тщетными.

Еще в конце марта 1919 года начальник оперативной части английского генерального штаба Рэджлиф подал в военное министерство докладную записку по вопросу о необходимости скорейшей эвакуации английских войск ввиду начавшегося среди них разложения (См. Army. The Evacuation of North Russia. 1919, стр. 25—26. Лондон. 1920). Черчилль указывает, что в марте 1919 года военный кабинет решил эвакуировать Архангельск и Мурманск до наступления зимы. 30 апреля об этом был поставлен в известность Колчак (см. подробнее у В. Черчилля.

Цит. соч., стр. 161). Не вполне «уютно» чувствовали себя интервенты на севере! В конце июля 1919 года английское правительство официально заявило о полной эвакуации Северной области.

В июле 1919 года началось восстание в 5-м Северном полку. Восстание это было поддержано местным населением. Восставшим удалось захватить и разоружить в Чекуеве штаб полка и занять город Онегу. Полк в полном составе вошел в состав Красной Армии. Почти одновременно произошла также попытка восстания в одной из рот 6-го Северного полка. Восставшим удалось частично перейти на сторону Красной Армии.

На мурманском направлении в конце 1919 года один батальон 1-го Северного полка также перешел на сторону Красной Армии, перебив предварительно своих офицеров.

Генерал Миллер в одном из своих воззваний вынужден был признать, что «ял большевистского разложения проник в умы нашей армии, и она, неподкрепленная тылом, потеряла свою стойкость, оставляя позиции без всякого натиска со стороны большевиков. Начались мятежи, части стали переходить к противнику» (цит. по сборнику «Интервенция на севере в документах», стр. 84).

Английские рабочие в свою очередь у себя в стране неоднократно выступали с требованием прекращения интервенции вообще и, в частности, на Севере. Ленин подчеркнул в своей речи перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт (24 октября 1919 года): «На Северном фронте, где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великомерно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было невероятно трудно бороться, — там, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно. Англичанам пришлось вывезти назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и что даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы, они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских

белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения» (В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 495).

5

В связи с разложением среди войск интервентов и белогвардейцев и разгромом первого и второго походов Антанты англичане, так же как и другие интервенты, приняли окончательное решение об эвакуации своих войск с Севера.

Перед своим уходом англичане сделали попытку перейти в контрнаступление, дабы помочь этим белой армии. Успехи интервентов и белых в августе и сентябре 1919 года имели, однако, лишь чисто местное значение, все их попытки перейти в решительное наступление окончились неудачей.

27 сентября 1919 года англичане поспешили покинуть Архангельск, а 12 октября — Мурманск, несмотря на то что белогвардейцы буквально умоляли интервентов повременить с эвакуацией.

Перед своим уходом интервенты постарались как можно больше вывезти из архангельского порта. Английское командование вывезло все имеющееся имущество, — признавалось в одном из белогвардейских военных обзоров за первую половину октября 1919 года. Чего нельзя было вывезти, англичанами было уничтожено.

«В связи с уходом английских войск положение в крае становится чрезвычайно серьезным. Правительство не пользуется никаким доверием, вооруженной силой почти не осталось» (сборник «Последние дни Колчаковщины», стр. 101 за 1926 год).

В начале февраля 1920 года 6-я Красная армия перешла в решительное наступление. Одновременно восстал 3-й Северный полк белых, открывший 8 февраля участок фронта советским войскам. 6-й и 7-й Северные полки вместе с артиллерией перешли на сторону Красной Армии.

Восстания начались также среди белогвардейских частей мурманского фронта. 21 февраля части 154-го полка Красной Армии освободили Архангельск. В 20-х числах началось восстание рабочих в тылу у белых — в Мурманске и Сороке. Белогвардейская военщина во главе с генералом Миллером бежала на ледоколе «Миши» из Архангельска. Красная Армия захватила несколько танков, сотни автомобилей, скла-

ды военного снаряжения и продовольствия и т. д.

Возвращаясь из Северной России, полковник Шервуд Келли писал на страницах «Дейли экспресс», что архангельское правительство существовало только благодаря поддержке со стороны иностранных штыков (W. Coates «Armed intervention in Russia, 1918—1922», стр. 28. Лондон. 1935).

14 марта части Красной Армии вступили в Мурманск. Север был освобожден от иностранной интервенции и контрреволюции...

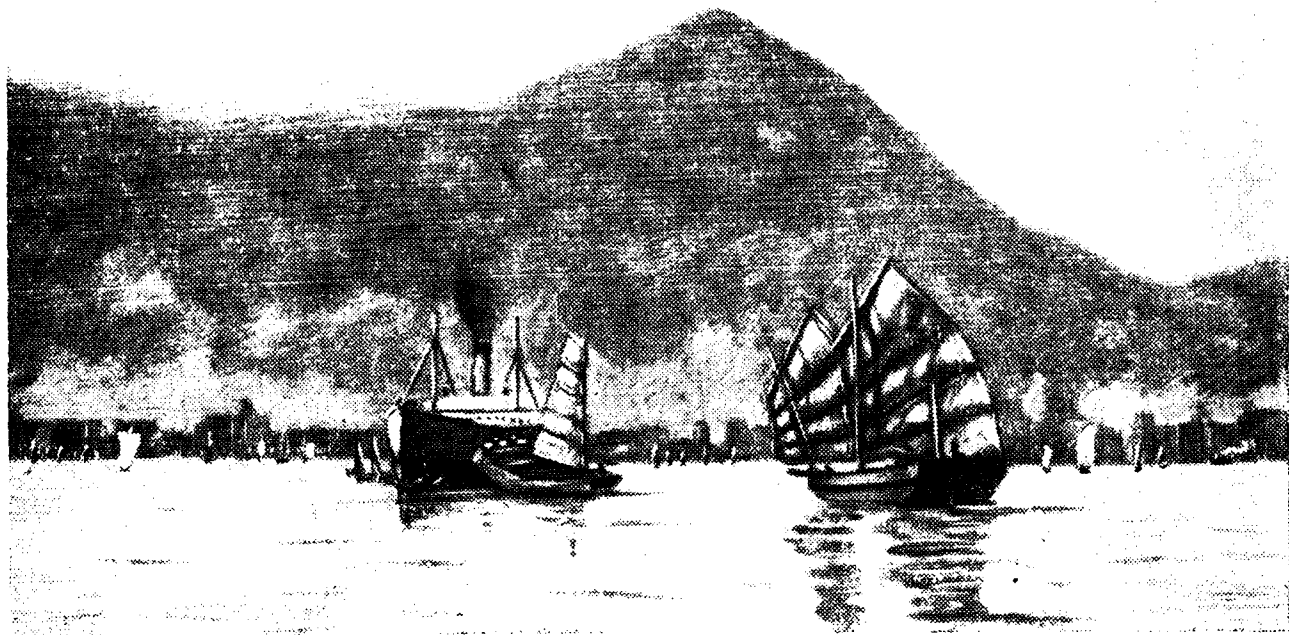
Товарищ Сталин писал, что период интервенции, период гражданской войны, когда английские капиталисты оккупировали север России, район Архангельска и Мурманска, когда английские, американские, японские и французские капиталисты оккупировали Сибирь и юг России, был периодом «величайшей проверки силы и устойчивости партии коммунистов в широких массах рабочих и крестьян. И что же? Разве не известно, что в результате гражданской войны оккупанты были выброшены вон из России, а контрреволюционные генералы были перебиты Красной армией. Вот тут-то и оказалось, что судьбы войны решаются, в последнем счете, не техникой, которой обильно снабжали Колчака и Деникина враги СССР, а правильной политикой, сочувствием и поддержкой миллионных масс населения. Случайно ли, что партия большевиков оказалась тогда победительницей? Конечно, не случайно» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 177. 10-е изд.).

Большевистская партия, как указывает «Краткий курс истории ВКП(б)», подняла рабочих и крестьян Советской России — в том числе и на Севере — на отечественную войну против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины.

В результате Советской республики и ее Красной Армии удалось разбить всех ставленников Антанты, отбить иностранную военную интервенцию и изгнать ее войска из пределов Советской страны.

С окончанием гражданской войны Советский Север стал форпостом социализма на берегах Белого моря и Ледовитого океана.

Северные границы блистательно охраняются Красной Армией и Северным Красным Военно-Морским Флотом — детищами великого советского народа, руководимого товарищем Сталиным.

К. Ю щак

АНГЛИЯ И ЯПОНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1

Первая попытка Англии установить торговые и политические взаимоотношения с Китаем относится к концу XVI века. В 1596 году английская королева Елизавета отправила в Китай три корабля под руководством купцов Ричарда Алленс и Томаса Бромфильда. Эта экспедиция, имевшая при себе письмо английской королевы к китайскому императору, пропала без вести.

Когда европейцы впервые появились в Китае, им сначала было разрешено торговать во всех портах страны. Однако захватническая политика европейских завоевателей в Индии, на Филиппинах, в Индонезии и других странах, а также произвол, грабеж и насилие иноземцев над местным населением привели к тому, что в середине XVIII века правительство Китая ограничило сферу торговли с иностранцами только Кантоном. В 1755 году императорским указом Кантон был утвержден единственным городом, где разрешалась торговля с иностранцами.

К началу XVIII века почти вся торговля европейских стран с Китаем оказалась в руках английской Ост-Индской компании, которая начала свою деятельность в Кантоне в 1704 году. Со стороны Китая моно-

польным правом на торговлю с Ост-Индской компанией пользовалась купеческая корпорация, называвшаяся «Кохонг».

Вначале посредником в торговле выступал только 1 китайский купец, а затем число их возросло до 14. За право монопольной торговли купеческая корпорация «Кохонг» платила ежегодно китайскому правительству по 250 тысяч долларов — сумма по тем временам огромная. Китайские купцы, входившие в «Кохонг», сами устанавливали цены на чай, шёлк и другие товары; они же назначали цену товарам, привозимым из-за границы. «Кохонг» был целиком ответственен перед китайской администрацией за поведение иностранных купцов.

Главное место среди товаров, ввозимых английскими купцами в Китай, занимали тогда неочищенный хлопок, ткани и опиум.

Опиум ввозился в Кантон из Бенгалии и Бехара в огромном количестве, и его употребление губительно отражалось на здоровье китайского народа.

Несмотря на многочисленные запреты со стороны китайских властей опиум — этот сильнейший разрушительный яд — широким потоком притекал в страну через посредство английских купцов.

Ввоз опиума не только подрывал здоровье народа, но и пагубно отражался на финансовом положении страны, вызывая утечку серебра за границу.

«До 1830 г., пока торговые весы постоянно склонялись в пользу китайцев, — писал Маркс, — шел непрерывный ввоз в Китай серебра из Индии, Британии и Соединенных Штатов. Но с 1833 г. и в особенности с 1840 г. вывоз серебра из Китая в Индию принял такие размеры, что он стал грозить Небесной империи истощением. Этим и вызваны были строгие декреты императора против торговли опиумом, повлекшие за собою еще более сильное сопротивление его мерам» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 312).

Торговля опиумом была далеко не единственной причиной резкого обострения взаимоотношений между Англией и Китаем в 30-х годах прошлого века. В первой половине XIX века Англия переживала период исключительно быстрого развития капитализма, последовавшего за промышленным переворотом в конце XVIII века.

Быстрое развитие капитализма в Англии привело к расширению английской заморской торговли. За период 1807—1811 годов Англия экспортировала в Китай товаров на сумму около 1 миллиона фунтов стерлингов. В начале XIX века экспорт английских товаров в Китай равнялся английскому экспорту в Британскую Индию, в то время как в начале XVIII века Индия покупала английских товаров в двадцать раз больше чем Китай. (A. Sargent «Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy», p. 49. Oxford. 1907).

Важнейшими статьями английского вывоза в Китай в начале XIX века, кроме опиума, были шерстяные и хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, свинец, железо и олово. Из Китая импортировался чай, шовк-сырец и некоторые сорта хлопчатобумажных тканей.

Торговля с Китаем приносила большие барыши английским купцам и правительству (с 1815 года ежегодная прибыль равнялась 1 миллиону фунтов стерлингов); в 1833 году доходы английского правительства от торговли китайским чаем достигли 3½ миллиона фунтов стерлингов — сумма по тем временам огромная.

В 20-х годах XIX века роль Ост-Индской компании в торговле с Китаем постепенно падает за счет увеличения роли купцов, не входивших в эту монополистическую организацию. Об этом свидетельствуют следующие цифры торгового оборота с Китаем за 1833—1834 г. (в американских долларах): общие обороты английской торговли в Кантоне — 44 300 тысяч. Из них на долю Ост-Индской компании — 12 300 тысяч, на долю частных лиц — 32 миллиона.

В этих условиях монополия Ост-Индской компании не только не способствовала расширению английской торговли с Китаем, но и служила известной помехой. В силу этих причин правительство Англии ликвидировало в 1834 году монополию Ост-Индской компании, что повлекло за собой усиление английского проникновения в Китай. Теперь английские купцы уже не довольствовались торговлей в одном только Кантоне: они требовали открытия всех китайских портов.

«Ввоз английских хлопчатобумажных тканей, — писал Маркс, — и в небольших размерах — английских шерстяных материй, который прежде был ничтожен, быстро поднялся с 1833 г., когда монополия торговли с Китаем перешла от Ост-Индской компании к частным торговцам, и в гораздо больших размерах с 1840 г., когда другие страны, и в особенности наша страна, также стали принимать участие в торговле с Китаем. Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее потрясение во всей стране» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 312).

Китай пытался оказать сопротивление притязаниям английских захватчиков. Тогда Англия, воспользовавшись решением китайского правительства о запрещении ввоза опиума, начала в 1839 году войну против Китая. Война 1839 года не была, конечно, случайностью: Англия давно готовилась к ней. Об этом, в частности, свидетельствует инструкция английского премьер-министра Пальмерстона уполномоченному британского правительства в Кантоне лорду Нэптеру. В этой инструкции говорилось, между прочим, о необходимости произвести разведку берегов Китая на случай войны. Таким образом, запрещение китайскими властями ввоза опиума было лишь поводом для нападения Англии на беззащитный Китай.

При помощи своего флота англичане добились легкой победы над безоружными китайцами и принудили их подписать в 1842 году так называемый Нанкинский договор. Значение этого договора в истории Китая исключительно велико. Нанкинский договор положил начало целой серии неравноправных договоров, навязанных английскими и другими захватчиками Китаю. Он послужил исходным пунктом для экономического закабаления и раздела Китая на сферы влияния между крупнейшими капиталистическими государствами мира.

Панкинский договор открыл для иностранной торговли порты: Кантон, Амой, Фучжоу, Шинбо и Шанхай. Были установлены очень низкие пошлины на иностранные товары, причем пересмотр пошлин мог производиться только с согласия Англии. Тем самым Китай потерял свою таможенную независимость. Англия получила также Гонконг и 21 миллион долларов контрибуции.

В 1843 году составлялось дополнительное «соглашение», по которому англичане, а за ними и прочие иностранцы стали пользоваться правом экстерриториальности. Право наибольшего благоприятствования автоматически распространяло на все страны то преимущества, которые предоставлялись Китаю какой-либо одной стране. Англия, таким образом, пробила в китайской стене брешь, куда устремились и другие страны. Вскоре договоры, аналогичные Панкинскому, были заключены Китаем с США, Францией, Швецией, Норвегией и другими государствами.

После открытия 5 важнейших портов в 1843 году иностранцы добились у Китая так называемых концессий, где они жили, устраивали склады товаров, промышленные предприятия, конторы и банки. В Кантоне такой англо-французской концессией является район Шамыня, в Амоэ — остров Гулансу. В Тяньцзине одно время было до 10 отдельных концессий, в Ханьжоу — 5 и т. д. Эти концессии управлялись своими собственными муниципалитетами, выбираемыми из числа иностранцев. Концессии имели свой суд, полицию, войска, налоговый аппарат, т. е. представляли государство в государстве. Живущие на территории концессий иностранцы и китайские подданные не платили Китаю налогов.

В Шанхае концессией сначала владели только англичане. Затем здесь возникли американская и французская концессии. В 1863 году английская и американская концессии слились, образовав так называемый международный селтльмент. В 1853 году здесь проживало 200—300 иностранцев и 500 китайцев. Через год число китайцев возросло до 20 тысяч. Торговые обороты Шанхайского порта также быстро возрастали. Ввоз в Шанхай в 1844 году составлял 8 тысяч тонн, в 1852 году — 78 тысяч, в 1855 году — 157 тысяч тонн. Вывоз в 1846 году — 7 миллионов долларов, в 1853 году — 23 миллиона долларов. Так было положено начало обширным английским интересам в Китае.

После заключения Панкинского договора и открытия новых портов для иностранной торговли нажим капиталистических

держав, и прежде всего Англии, на Китай не только не ослабел, но и значительно усилился.

Англия требовала дальнейших экономических и политических уступок от Китая. Не прекращался и ввоз опиума. С 1840 по 1858 год ввоз опиума в Китай увеличился на 300% по сравнению с годами, предшествовавшими первой опиумной войне. Борьба китайского правительства с ввозом опиума снова послужила предлогом для вторичного нападения Англии на Китай в 1856 году. На этот раз войну Китаю объявила не только Англия, но и Франция. Вторая опиумная война (1856—1860) сопровождалась неслыханными жестокостями со стороны английских колонизаторов. Маркс писал: «В этой войне английская солдатчина совершала ужасные жестокости исключительно ради забавы; ее страсти не освящал религиозный фанатизм, не обостряла ненависть против патленного завоевателя, не вызывало упорное сопротивление героического врага. Насилование женщин, насаживание детей на штыки, сжигание людей целыми деревнями — факты, зарегистрированные не мандаринами, а британскими же офицерами, — совершались тогда исключительно ради раскутного озорства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 239).

Английские и французские колонизаторы проникли в Северный Китай, взяли в 1860 году столицу страны — Пекин — и разграбили ее. В результате второй опиумной войны Англия и Франция получили новую контрибуцию с Китая в 12 миллионов золотых рублей. По Тяньцзиньскому договору, Китай вынужден был предоставить англичанам и другим право свободного проживания, торговли и промышленной деятельности на всей территории Китая. Китайское правительство подтвердило экстерриториальное «право» иностранцев и разрешило свободу навигации английских кораблей по реке Янцзы. Тем самым англичане получили доступ к экваториальной богатейшего района Китая. Тяньцзиньский договор узаконил также торговлю опиумом и открыл для иностранной торговли новые 9 портов, в том числе и Тяньцзинь. С тех пор Тяньцзинь наравне с Гонконгом и Шанхаем стал оплотом колониального грабежа и закабаления Китая английскими и французскими капиталистами.

60—80-е годы были периодом необычайно быстрого расширения колониальных владений Англии. «Для Англии, — писал Ленин, — период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значительного

Вид иностранной концессии в Шанхае.

на последнее двадцатилетие XIX века» (В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 133).

Усиление политического влияния Англии в Китае в 60—80-х годах не сопровождалось, однако, быстрым ростом английской торговли.

Начиная с 1876 года не только не наблюдается увеличения английской торговли с Китаем, но имеет место некоторое ее сокращение. Причиной тому был феодальный гнет и разорение широких масс Китая в результате непомерных налогов и поборов со стороны алчных чиновников маньчжурской династии. Относительное же увеличение английской торговли по сравнению с предыдущим периодом (1834—1864 годы) объясняется не ростом покупательной способности населения Китая, а территориальным расширением иностранной торговли в результате открытия новых портов и областей Китая. Не удивительно, что английский буржуазный исследователь А. Сарджент приходит к следующему выводу: «С точки зрения удовлетворения насущных потребностей масс, мы в 1884 году так же далеки от завоевания китайского рынка, как и в 1834 году» (A. Sargent «Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy», p. 224. Oxford, 1907).

Низкая покупательная способность разоряемого китайского крестьянства ставила почти непреодолимые препятствия для дальнейшего увеличения иностранной тор-

говли с Китаем. Этим отчасти объясняется постоянное стремление английских капиталистов к непрерывному расширению территориальной сферы иностранной торговли в Китае путем открытия новых портов и областей.

О том, какими насильственными методами английские капиталисты добивались этих успехов, свидетельствует следующее донесение в Лондон ассоциации британских предпринимателей в Шанхае: «Давление должно постоянно применяться по отношению к Китаю, если мы хотим достигнуть каких-либо результатов в области расширения иностранной торговли и интересов. Как бы мы ни старались скрыть это, наше положение в Китае было создано насилем — голой физической силой, — и всякая трезвая политика, направленная на поддержание и улучшение этого положения, должна попрежнему основываться на насилии в тех или иных его формах: скрытой или ярко выраженной» (A. Michie «The Englishmen in China», Vol. II, p. 321. New-York, 1900).

Если в Китае Англия проводила политику, основанную на открытом насилии, то в отношении Японии, вступившей в 70-х годах на путь быстрого капиталистического развития, она придерживалась иной политики, в особенности начиная с 80-х годов. Англичане предоставляли Японии крупные займы, принимали непосредственное участие в организации ее про-

мышленности и создании отдельных отраслей государственного аппарата.

Опасаясь соперничества царской России на Ближнем и Дальнем Востоке, Англия уже в тот период имела в виду использовать современем Японию против России. Этим отчасти и объясняется необычайно активное участие Англии в создании вооруженных сил Японии.

Накануне русско-японской войны почти весь военно-морской флот Японии был построен на английских верфях. В своих мемуарах крупнейший государственный деятель Японии граф Окума следующим образом характеризовал роль Англии в создании японского военно-морского флота: «Мы многим обязаны иностранным специалистам за организацию и последующее развитие нашего военного флота; особенно мы должны быть признательны английскому правительству за предоставление им в распоряжение Японии большого количества способных морских офицеров в качестве преподавателей в военно-морском училище в Токио. То, чем сейчас располагает японский флот, является прямым результатом помощи и обучения со стороны английских офицеров» (Осита «History of the Fifty Years», p. 198. Tokyo. 1907).

2

С наступлением эпохи империализма на первый план стали выдвигаться вывоз

капитала, получение концессий и создание промышленности на месте.

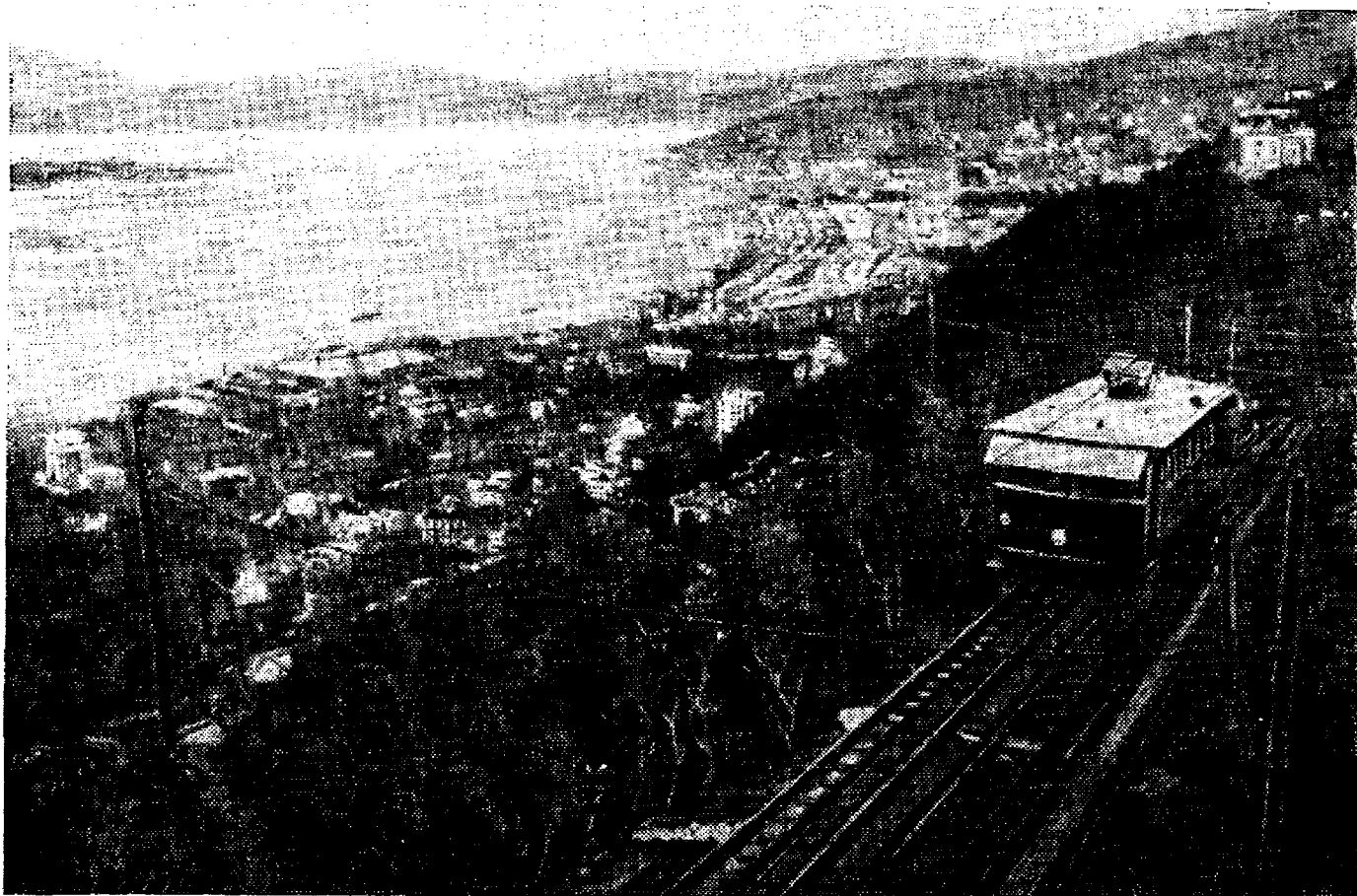
Падение экспорта английских хлопчатобумажных тканей и пряжи в Китай в 90-х годах прошлого века объясняется именно тем, что по мере перехода капитализма в свою последнюю стадию — империализм — главное место в английском экспорте стали занимать не хлопчатобумажные ткани, а вывоз капиталов, железнодорожного и фабричного оборудования и захват концессий в Китае в целях создания промышленности на месте.

Если в 1875 году Англия вывезла в Китай 35 тысяч тонн чугуна и стали, то в 1900 году эта цифра возросла до 77 тысяч тонн.

Что касается экспорта капиталов, то здесь картина еще более показательна: Китаю были навязаны в конце XIX века многочисленные кабальные займы на сотни миллионов рублей. Видную роль в предоставлении иностранных займов играли английские банки и, в частности, Шанхай-Гонконгский банк, основанный в 1867 году. Наряду с этим расширялись и английские концессии в Китае (в Тяньцзинь, Амое, Фучжоу, Ханькоу).

Тем не менее в последней четверти XIX века Англия постепенно теряет свои монопольные позиции в Китае под натиском более молодых капиталистических стран — США и Германии.

Характеризуя этот процесс, Ленин писал: «Неравномерность и скачкообразность

Гонконг — цитадель британского империализма на Дальнем Востоке.

в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, ввела свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, и при других странах, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства» (В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 120).

Однако в начале XX века наиболее опасным конкурентом Англии на Дальнем Востоке были еще не США, а сравнительно отсталая в экономическом отношении царская Россия, где, как и в Японии, «монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китая и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» (В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 309—310).

В 1900 году царская Россия под предлогом подавления боксерского восстания ввела свои войска в Манчжурию и не проявляла ни малейшего желания уйти оттуда. Еще ранее, в 1898 году, Россия захватила Порт-Артур и Дальний на Ялунгском полуострове.

Активность царской дипломатии в Корее и Северном Китае, постройка КВЖД и быстрый рост русских капиталовложений в Китае сильно обострили взаимоотношения между Россией с одной стороны и Англией и Японией — с другой.

Еще в 1880 году англичане составляли 50% всех иностранцев, проживавших в Китае, а в 1899 году они уже составляют только 32%. Зато непрерывно рос удельный вес России, Японии, Германии.

«В своих захватах на Дальнем Востоке империализм столкнулся с другим империализмом — Японией, которая быстро превратилась в империалистическую страну и тоже стремилась к захватам на азиатском материке, в первую очередь за счет Китая. Япония, так же, как и царская Россия, стремилась забрать себе Корею и Манчжурию. Япония уже тогда мечтала о захвате Сахалина и Дальнего Востока» («История ВКП(б)», стр. 52).

Используя противоречия между царской Россией и Японией, Англия стремилась втянуть последнюю в войну с Россией.

С этой целью в 1898 году английский министр по делам колоний Джозеф Чемберлен обратился к японскому послу в Лон-

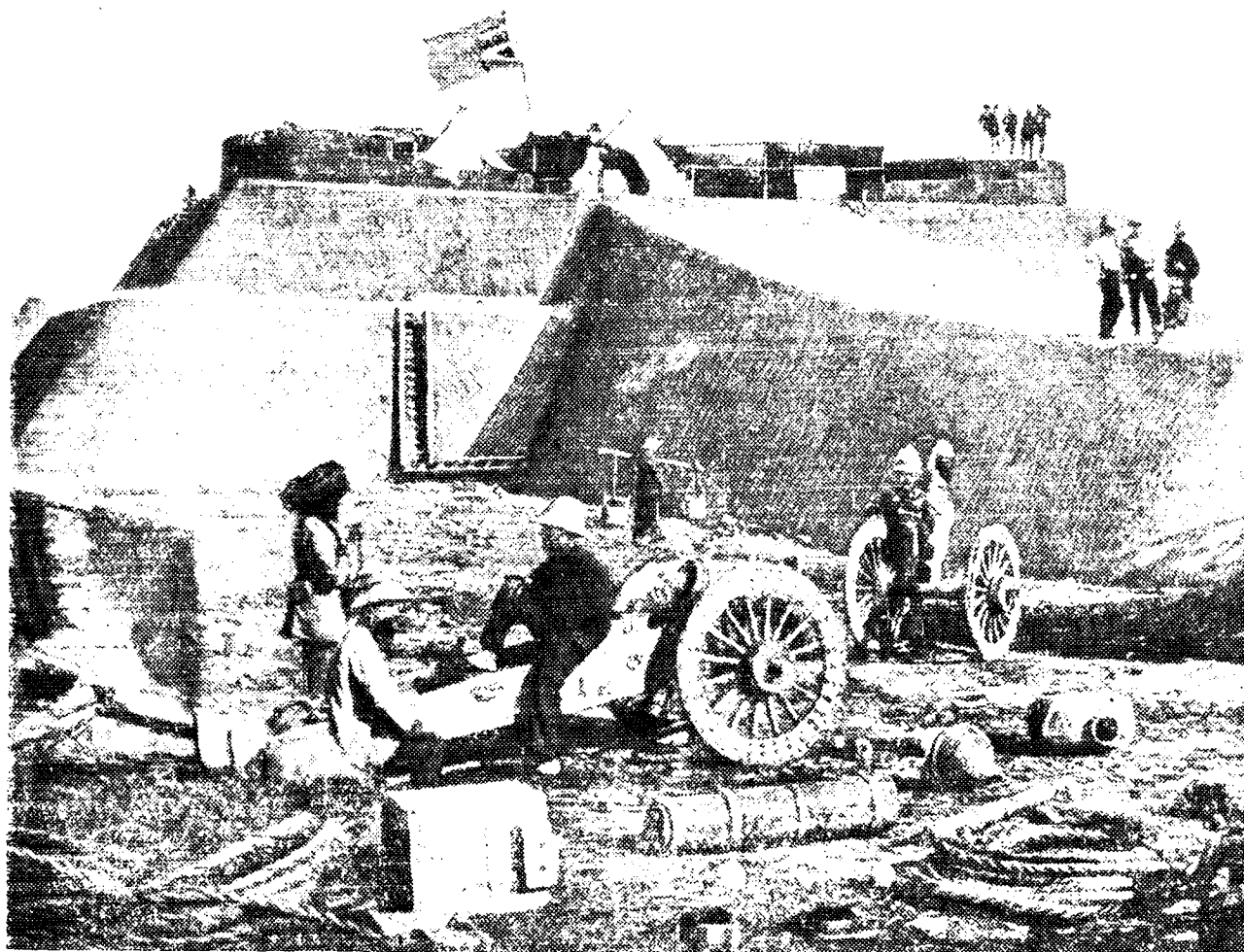
доне Като с предложением начать переговоры о заключении англо-японского союза. Вначале эти переговоры шли очень медленно, так как некоторые члены английского правительства невысоко расценивали экономическую и военную мощь тогдашней Японии.

Однако внешнеполитическая изоляция Англии и обострение противоречий в конце XIX века между Англией и царской Россией в Средней Азии, Китае и на Ближнем Востоке заставили английское правительство поспешить с заключением англо-японского союза. Кроме того соперничество Германии и напряженные отношения с Францией являлись свидетельством того, что в новых условиях самозволения Англии стала не мифема.

В 1902 году был заключен англо-японский союз. Этот союз обеспечил Японии дипломатическую и финансовую поддержку Англии и ускорил ее подготовку к войне против царской России. Правительство США также всечески подстрекало Японию к войне с Россией и финансировало японцев. Президент США Теодор Рузвельт в беседе с одним из иностранных послов 24 мая 1904 года цинично заявил о «полезном для интересов других держав взаимном истреблении двух наций» («Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XIX, Berlin, 1925).

В феврале 1904 года вспыхнула русско-японская война.

В войне с Японией царская Россия, как известно, потерпела поражение. Но и Япония понесла очень серьезные потери. Война обошлась ей в 2 миллиарда вен и около 700 тысяч человек убитых и раненых. Измеряя на иностранные займы, Япония была настолько истощена в экономическом отношении, что дальнейшее продолжение войны было для нее почти невозможным. Поэтому японское правительство с радостью ухватилось за мирные переговоры президента США Теодора Рузвельта. С другой стороны, империалистическое правительство Франции и других стран стремились прекратить войну для того, чтобы спасти самодержавие и помочь ему расправиться с революцией, охватившей в 1905 году всю Российскую империю. Ленин писал: «Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение... Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнуемая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — мира с

Английские колонизаторы на развалинах захваченного форта.

Северный Китай. 1860 год.

японцами и мира с либеральной русской буржуазией» (В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 336).

В результате мирных переговоров 5 сентября 1905 года в Портсмуте (США) между царской Россией и Японией был подписан мирный договор.

В результате русско-японской войны экономические и политические позиции Японии в Китае за период 1905—1914 годов необычайно усилились, причем это усиление в первую очередь произошло за счет интересов союзника Японии — Англии.

Несмотря на быстрое увеличение удельного веса Японии в торговле и в капиталовложениях в Китае в эти годы Англия накануне первой мировой империалистической войны все же занимала решающие позиции в области торговли, судоходства и иностранных инвестиций в Китае. Гонконг — штаб-квартира британского империализма в Китае — за 80 лет своего существования превратился в крупнейший порт мира. Его торговый оборот в 1913 году на 10% превышал торговый оборот Лондонского порта. Английские инвестиции в Шанхай достигли в 1913 году 63 миллионов фунтов стерлингов. Накануне мировой войны 1914—1918 годов Англия все еще явля-

лась самой влиятельной державой на Дальнем Востоке.

3

Последнее десятилетие (1904—1914 годы) накануне мировой войны замечено лихорадочной подготовкой английского империализма к войне с Германией. Путем ряда договоров и соглашений английской дипломатии удалось сколотить могущественную антигерманскую коалицию с участием Японии. Союз с Японией обеспечивал безопасность английских интересов и морских коммуникаций на Дальнем Востоке и позволял Англии сосредоточить весь свой флот в европейских водах против Германии (Chung Fu-Chang «The Anglo-Japanese Alliance», Ваймоте, 1931). Заместитель министра иностранных дел Англии Артур Никольсон следующим образом характеризовал английскую политику на Дальнем Востоке: «Со времени вступления в силу англо-японского договора Англия смогла значительно сократить свои морские силы на Дальнем Востоке и соответственно усилить свой флот в европейских водах. Благодаря этому Англия получила гарантию сохранения мира на Дальнем Во-

стоке и оказалась в состоянии усилить свои морские силы там, где они могли впоследствии понадобиться» («British Documents on the Origin of the War». Vol. V, p. 275).

Следует отметить, что накануне первой мировой империалистической войны отношения между Англией и Японией были далеко не такими «сердечными», как в предыдущие годы. Усиленное проникновение Японии в Китай шло вразрез с интересами Англии. Незадолго до начала войны в самой Японии все чаще стали раздаваться голоса, требовавшие расторжения англо-японского союза и сближения с Германией.

Несмотря на обострение англо-японского соперничества в Китае накануне мировой войны Япония все же выступила на стороне Англии и объявила 23 августа 1914 года войну Германии. Начиная войну против Германии, Япония отнюдь не намерена была сражаться ради английских интересов: японский империализм стремился использовать войну для захвата германских владений на Дальнем Востоке и усиления своих позиций в Китае за счет других держав. Японский посол в Лондоне в своих беседах с английским министром иностранных дел Греем неоднократно подчеркивал эту мысль.

18 января 1915 года японское правительство предъявило Китаю знаменитое 21 требование, которое представляло собой развернутую программу экономического и политического закабаления Китая японскими империалистами.

Японский ультиматум Китаю в связи с предъявлением 21 требования и общее усиление японской агрессии вызвали волну протеста со стороны китайского народа. По всей стране начался бойкот японских товаров. 21 требование встревожило и англичан. Царский посол в Пекине Крупенский в своем донесении в Петербург от 12 мая 1915 года писал по этому поводу следующее:

«Образ действий Японии возстановил также против нее и общественное мнение дальневосточных иностранных кругов, торгово-промышленным интересам коих японские вождедения являются к тому же прямой угрозой. Вся здешняя иностранная, и на первом плане английская, печать полна статей самого резкого антияпонского направления, причем она, бесспорно, является верной выразительницей мнений не только деловых, но и официальных великобританских кругов на Дальнем Востоке. По общему мнению, все указывает на то, что последнее японское выступление нанесет смертельный удар англо-японскому союзу, и без того уже не отличавшемуся

прочностью и некрепостью» («Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 426).

Несмотря на то что в годы войны в англо-японских отношениях образовалась серьезная трещина, английский империализм, запятый войной с Германией, открыто поговаривал о захватнических планах Японии на Дальнем Востоке.

В начале 1917 года японское правительство заключило секретное соглашение с Англией и ее союзниками, в котором последние признавали все японские захваты и обещали ей поддержку на мирной конференции. Паряду с этим Япония вела секретные переговоры с Германией на тот случай, если Германия выйдет победительницей. О том, что Япония вела тогда двойную игру, свидетельствуют многочисленные факты, в том числе и доносение в Токкио японского посла в Петрограде Мотону о секретных переговорах японского посланника в Стокгольме с австрийскими дипломатами («Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 105).

Паряду с территориальными захватами в Китае Япония с успехом вытесняла Англию с китайского рынка. В годы войны японские товары завладевали не только Китаем, но и рынками английских колоний и доминионов (Индия, Малайя, Австралия и др.).

Паряду с экономическим проникновением в Китай Япония стремилась установить над ним военный и политический контроль. В конце 1917 года японцы навязали Китаю выгодный для себя военноморской договор. Вслед за морским договором в 1918 году Китаю было навязано и военное соглашение. Япония ввела свои гарнизоны в важнейшие центры Китая.

4

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное влияние на всю последующую историю стран Дальнего Востока. Превращение России из оплота европейской и азиатской реакции в Советскую республику оказало сильнейшее революционизирующее воздействие на колониальные и полуколониальные страны Востока.

Под влиянием революции в России в Китае нарастает революционное и антиимпериалистическое движение. В начале мая 1919 года в Китае в связи с решением Версальской конференции о передаче Японии Шаньдунской провинции развертывается грандиозное антияпонское движение. На арену политической борьбы выступает молодой рабочий класс Китая. В 1919 году в Китае было охвачено стачеч-

ным движением свыше 100 тысяч рабочих.

В обстановке общенационального подъема революционная и антиимпериалистическая борьба китайского народа перерастает в революцию 1924—1927 годов. «Теперь наступило время,— писал в своем манифесте Сун Ят-сен,— когда в порядке дня стоит вопрос о свержении империалистической интервенции в Китае, являющейся главным препятствием исторического дела революции».

Влияние Октябрьской социалистической революции на рост национально-освободительного движения в Китае, Индии и других странах встревожило империалистическую Японию и Англию. В 1918 году Англия и Япония становятся во главе антивоенской интервенции, ставившей своей целью разгром и расчленение Советской России. Одновременно правящие классы Англии и Японии стремились прийти к соглашению по вопросу о борьбе с назревающей революцией в Китае.

В Лондоне и Токио широко обсуждался вопрос о возобновлении англо-японского союза, срок которого истекал в 1921 году.

Китайский народ протестовал против империалистических сделок за его счет. 10 июня 1920 года Сун Ят-сен заявил корреспонденту газеты «Норт Чайна геральд»: «Я решительно возражаю против всякого возобновления англо-японского союза потому, что этот союз направлен против Китая. Когда Япония становится на путь агрессии, почему Англия помогает ей в этом?.. Все китайцы настроены против Японии, и если англо-японский союз будет вновь заключен, мы будем также выступать и против Англии» («North China Daily News», 10/VII. 1920).

Стремление влиятельных кругов Англии и Японии вновь продлить англо-японский союз не увенчалось успехом. В 1922 году на Вашингтонской конференции под давлением США и Канады Англия вынуждена была отказаться от продления англо-японского союза, который на протяжении 20 лет являлся основным инструментом Англии и Японии в деле закабаления и ограбления великого китайского народа.

Вашингтонская конференция, знаменовавшая собой начало периода относительной стабилизации капитализма, представляла собой сговор главнейших империалистических держав за счет китайского народа.

Товарищ Сталин еще в 1925 году, подчеркивая всю непрочность стабилизации капитализма и шаткость washingtonских соглашений, говорил: «...английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капита-

ла, насчет способов его ограбления. Можно ли считать этот сговор сколько-нибудь прочным? Опять-таки нельзя. Во-первых, потому, что сговорившиеся дерутся и будут драться на-смерть между собой из-за доли в грабеже; во-вторых, потому, что сговор этот произошел за спиной китайского народа, который не хочет и не будет подчиняться законам чужестранных грабителей» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 139. 1931).

Последующие события полностью оправдали гениальное предвидение товарища Сталина. Вскоре противоречия между Англией и Японией с одной стороны и США— с другой вновь сильно обострились.

Расторжение англо-японского союза в 1922 году не означало прекращения англо-японского сотрудничества на Дальнем Востоке. Обострение англо-американских противоречий толкало Англию к тесному сотрудничеству с Японией. В 1925 году в иностранной прессе появились сообщения о новом секретном соглашении между этими странами.

Уже на Женевской морской конференции, созванной в 1927 году, Англия вместе с Японией выступала против США, что привело к срыву конференции. Японо-американские противоречия на Тихом океане в этот период были одной из сторон англо-американского соперничества.

Вашингтонская конференция не устранила империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Англия, Япония и США продолжали вести борьбу за сохранение и усиление своих позиций в Китае, используя для этого различные клики китайских милитаристов, разжигая и поддерживая междоусобную войну. Непрерывные генеральские войны, раздиравшие страну, были выгодны Англии и Японии, так как они отвлекали внимание китайского народа от борьбы против иностранных поработителей и препятствовали объединению Китая в единое, централизованное государство.

Товарищ Сталин писал: «В чем состоит сила контр-революционных генералов в Китае? В том, что у них стоят за спиной империалисты всех стран, владельцы всех и всяких железных дорог, концессий, фабрик и заводов, банков и торговых контор в Китае» (И. Сталин «Об оппозиции», стр. 425. 1928).

Главной вдохновительницей генеральских войн в Китае была Англия.

Несмотря на то что японская экспансия в Китае в годы мировой войны (1914—1918) сильно подорвала позиции британского империализма на Дальнем Востоке, Англия все же занимала домини-

рующее место в Центральном и Южном Китае.

Значение Центрального и Южного Китая для Англии исключительно велико еще и потому, что эти области расположены по соседству с важнейшими торговыми и стратегическими путями из Лондона в Юго-восточную Азию и Австралию, которые составляют Британской империи 100% каучука, 89% шерсти, 86% нитратов, 71% олова и 25% нефти.

Имея огромные интересы в Центральном и Южном Китае, английские империалисты, естественно, были крайне враждебно настроены по отношению к революционному, антиимпериалистическому движению китайского народа, очагом которого еще с 1911 года был Кантон. Все усилия Англии были направлены к тому, чтобы подорвать влияние Сун Ят-сена в Кантоне.

В 1920 году англичанам удалось организовать в Кантоне марионеточное правительство, которое заключило кабальный договор с английским предпринимателем Луи Касселем. Этот договор предоставлял англичанам монопольное право на эксплуатацию всех природных богатств провинции Гуандун. Однако через несколько недель марионеточное правительство было свергнуто китайским народом и концессия Касселя была аннулирована. Тогда в конце 1922 года английские банкиры из Гонконга опять организовали в Кантоне военный переворот и вновь заставили Сун Ят-сена покинуть Южный Китай. В феврале 1922 года Сун Ят-сен вновь вернулся в Кантон и с этого времени вплоть до своей смерти, в марте 1925 года, оставался во главе революционного движения народных масс Китая.

Несмотря на все попытки английских и японских империалистов подавить революционное движение в Китае, антиимпериалистическое движение китайского народа росло и ширилось с каждым днем, оказывая влияние на национально-освободительное, антиимпериалистическое движение в других полуколониальных и колониальных странах Востока (Индия, Индокитай, Корея и др.).

Национальный конгресс Гоминтана, собравшийся в январе 1924 года под руководством Сун Ят-сена, опубликовал манифест, в котором говорилось:

«Целью китайской революции было не только свержение Манчжурской династии, но и создание прочного и деятельного правительства, способного освободить китайский народ от господства империалистических держав и восстановить национальную независимость Китая» (J a n g L e n g - l i «The Inner History of the Chinese Revolution», p. 166. London. 1930).

Английские империалисты, усматривавшие в национальном объединении Китая угрозу своим интересам, старались всеми мерами воспрепятствовать высвобождению Китая из полуколониальной зависимости.

30 мая 1925 года в ответ на массовую демонстрацию шанхайских рабочих и студентов, протестовавших против избития китайских рабочих на иностранных предприятиях, полиция международного settlements открыла стрельбу по демонстрантам, убив 41 и ранив 120 человек. Расправа над демонстрантами послужила сигналом к всеобщей забастовке в Кантоне, Шанхае, Гонконге и других городах и бойкоту английских товаров. В ответ полиция англо-французской концессии в Кантоне (Шамынь) учинила 23 июня 1925 года кровавую расправу с забастовщиками, убив и ранив 117 человек. События в Шанхае, Кантоне и Ханькоу всколыхнули китайский народ и послужили толчком к усилению массовой революционной антиимпериалистической борьбы по всей стране.

Активное участие китайского рабочего класса в революционном движении 1925—1927 годов придало этому движению организованность и огромный размах.

Несмотря на то что главнейшие империалистические державы (Англия, Япония, Франция и США) выступали единым фронтом против национального освободительного движения китайского народа (ультиматум Англии, Японии, США, Франции и Италии китайскому правительству от 11 апреля 1927 года, высадка в Шанхае интервенционистского корпуса весной того же года), все же в тактике этих государств была некоторая разница.

Наиболее агрессивную политику проводила Англия. Интересы Англии в Южном и Центральном Китае уже были охарактеризованы выше. Что касается Японии, то, помимо крупных вложений в Манчжурию, она имела значительные инвестиции в текстильной промышленности Шанхая и металлургических заводах Ханьпинского комбината в Ханькоу. Торговля Японии в Центральном Китае также достигала значительных размеров. Кроме того японские империалисты старались сохранить за собой влияние в некоторых провинциях Южного Китая, особенно в Фуцзяне, имеющей огромное стратегическое значение для захватнических планов Японии. Поэтому беспокойство японских империалистов усиливалось по мере продвижения войск гоминтана на север страны. Чем больше приближались китайские войска к Манчжурии, тем теснее становилось сотрудничество Англии и Японии.

На политику США в отношении Китая все больше влияла тревога в лагере американских империалистов перед фактом превра-

шения Китая в мощный очаг революционного, национально-освободительного движения. Вместе с тем правительство США относилось с подозрением к англо-японскому сотрудничеству на Дальнем Востоке и потому на протяжении всего 1926 года отклоняло все предложения Англии о совместной вооруженной интервенции против Китая.

Китайская революция 1925—1927 годов не привела еще к национальному объединению и независимости Китая. Но в то же время она означала огромный шаг вперед в деле пробуждения национального самосознания китайского народа и его сплочения перед лицом надвигавшейся японской агрессии.

Антиимпериалистическое движение в 1924—1927 годах существенно подорвало позиции Англии в Китае. Англия вынуждена была отказаться от своих концессий в Ханькоу и Амоэ. Оплоту британского империализма в Китае—Гонконгу—во время революции был нанесен такой удар, от которого он не мог уже впоследствии оправиться.

В своей борьбе за национальное единство китайский народ неизменно встречал горячее сочувствие и симпатии народов Советского Союза. Не случайно вождь китайского народа Сун Ят-сен в своем предсмертном письме на имя ЦИК СССР писал: «Настанет день, когда Советский Союз будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника. В великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

5

С конца 1929 года международная обстановка на Тихом океане в связи с начавшимся мировым экономическим кризисом резко ухудшилась.

Кризис 1929 года нанес сокрушительный удар всей экономической структуре капиталистического мира и особенно сильно отразился на экономике таких стран, как США, Япония и Англия.

В правящих кругах Японии все чаще стали раздаваться голоса, требовавшие внешнеполитической экспансии как средства выхода из кризиса.

Международная обстановка в 1930—1935 годах сложилась весьма благоприятно для японской экспансии на азиатском континенте. Большинство капиталистических стран мира и прежде всего США было почти целиком занято своими внутренними делами в связи с экономическим кризисом. Английское и французское правительства стремились направить японскую экспансию по антисоветскому руслу—про-

тив СССР и против развивавшегося революционного движения в Китае, подъем которого особенно ярко выразился в создании в эти годы ряда советских районов и китайской красной армии. Реакционное правительство Гувера в США продолжало политику непризнания СССР, который являлся надежным оплотом мира на Дальнем Востоке. Что касается самого Китая, то некоторые провинции страны фактически находились под властью различных милитаристских групп, не подчинявшихся центральному правительству. Страна не имела современной обученной армии и единой финансовой системы. Все это, конечно, создавало благоприятные предпосылки для нападения Японии на Китай. В военном отношении Япония также имела тогда ряд преимуществ на Дальнем Востоке. Помимо большой армии и территориальной близости к азиатскому матерку, создававшей особые удобства для грабежа Китая, Япония располагала сильным военно-морским флотом. Используя создавшуюся обстановку, японцы начали 18 сентября 1931 года оккупацию Манчжурии.

Английское правительство не только не оказало противодействия аннексионистской политике Японии, но и косвенно содействовало ей, рассчитывая, что японская экспансия будет направлена в северном направлении—против СССР.

В период манчжурского кризиса 1931—1932 годов английский министр иностранных дел Саймон не только всячески уклонялся от выступления против захватнической политики Японии, но и открыто выступил в защиту Японии. Не случайно представитель Японии в Жемове Мацуока, выслушав речь Саймона, заявил, что «английский представитель сумел за полчаса лучше изложить точку зрения Японии, чем это удалось ему в течение нескольких дней».

27 февраля 1932 года Саймон выступил в палате общин с заявлением о том, что «Британское правительство ни при каких обстоятельствах не допустит, чтобы Англия принимала какое-либо участие в японо-китайском конфликте».

Захват Манчжурии был лишь отправным пунктом японской экспансии на азиатском материке. Однако реакционно-консервативные круги Англии, рассчитывавшие спровоцировать японо-советскую войну, жестоко просчитались в своих планах. Японская военщина получила решительный отпор у советских границ.

В конце января 1932 года японцы сделали попытку захватить Шанхай и вторгнуться в Центральный Китай—сферу влияния Англии. Вторжение японских войск в Шанхай встревожило Англию. 29 января 1932 года английское прави-

тельство обратилось к Японии с формальным протестом в связи с бомбардировкой японцами Чаняя.

31 января 1932 года англичане послали в Шанхай подкрепление в составе двух крейсеров и десанта морской пехоты.

В Китае нападение Японии стало исходным моментом нового подъема антияпонского движения.

В результате героического сопротивления китайской армии японские войска были вынуждены в мае 1932 года удалиться из Шанхая.

Наряду с политикой территориальных захватов в Манчжурии и Северном Китае Япония развернула в 1932—1936 годах широкое наступление на экономические позиции Англии в других странах Юго-восточной Азии. Японские товары, главным образом текстиль, экспортируемые по демпинговым ценам, с успехом вытесняли английские товары.

Попытки Англии оградить свои рынки от японского демпинга путем повышения таможенных тарифов привели к ухудшению экономических и политических взаимоотношений между Японией и Англией в 1934—1936 годах.

Стратегическое положение Англии на Дальнем Востоке в 1933—1937 годах также сильно ухудшилось.

Соверничество Германии и Италии в бассейне Средиземного и Северного морей приковывало английский флот к европейским водам и лишило английское правительство свободы политического маневрирования в Восточной Азии.

На Дальнем Востоке Англия не располагала сколько-нибудь крупными вооруженными силами, способными противостоять натиску Японии. Оплот бывшего британского могущества—Гонконг— не был укреплен и находился в опасном соседстве с военно-морскими базами Японии. Сооружение сингапурской военно-морской базы

в 1934 году еще не было закончено. Кроме того сингапурские укрепления при отсутствии там сильной эскадры и вспомогательных баз не могли сами по себе служить надежной защитой обширных британских владений и интересов Англии в Юго-восточной Азии. Таким образом, богатейшие владения Англии в Китае, Индонезии, Малайе, Австралии, Новой Зеландии и даже Индии, которые поставляли метрополии 90% каучука, 89% шерсти, 96% селитры, 96% цинковой руды, 71% олова, 97% чая, 97% джута, 86% селитры, 63% риса, оказались к 1935 году в «опасной зоне». Не случайно видный консервативный деятель Англии Эмерл заявил, что «наиболее грозная потенциальная опасность для Британской империи таится в усилении японского военно-морского флота» (W. Chamberlain «Japan over Asia», p. 145. London. 1938).

Наступление японского империализма на позиции Англии в Китае заставило английское правительство начиная с 1934 года несколько активизировать свою дальневосточную политику. Это выразилось прежде всего в широком развертывании работ по укреплению Сингапура и Гонконга, в создании таможенных барьеров против японского демпинга в английских колониях и доминионах, в противодействии японским планам создания «автономного» Северного Китая.

Однако все эти мероприятия не могли уже сохранить за британским империализмом его былые позиции на Дальнем Востоке.

Вторжение японских войск в сферу английских интересов в Центральном и Южном Китае в 1937—1940 годах и начавшаяся новая империалистическая война в Европе еще более ускоряют процесс вытеснения Англии из Китая. Дряхлеющий британский империализм вынужден отступать и сдавать одну позицию за другой.

ДЕКАБРИСТЫ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

1

Среди декабристов еще до восстания было большое разнообразие взглядов по крестьянскому вопросу.

Конституция Пикеты Муравьева (последний вариант) обещала освобождение крестьян с очень малым земельным наделом (до 2 десятины на двор). Она превращала таким образом крепостных крестьян в свободных помещичьих батраков и арендаторов. «Русская правда» Пестеля была демократичнее и радикальнее. Она отдавала освобожденным крестьянам в общинное владение половину всей земли «для доставления не обходящего всем гражданам без изъятия». Другая половина могла принадлежать «казне или частным лицам» и служить «к доставлению избытка» («Русская правда». Гл. IV, § 10).

Мнения отдельных членов Северного и Южного обществ расходились еще значительнее чем программы. И. Д. Якушкин задолго до 14 декабря 1825 года предлагал своим крестьянам полное освобождение, но без земли, которая целиком находилась бы в его собственности, а крестьяне оставались бы его вечными арендаторами. От этой «свободы» крестьяне решительно отказались: «...пусть уж лучше по-старому—мы ваши, а земля наша» (Записки И. Д. Якушкина, стр. 31. М. 1908).

Другой декабрист-«славянин», И. И. Горбачевский, тоже задолго до восстания, полученную им в наследство деревню сразу же предоставил крестьянам и со всей землей, помещичьей и крестьянской. «Я вас не знал и знать не хочу,—заявил он своим крестьянам,—вы меня не знали и не знайте...» (Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского, стр. 276. М. 1925).

Взгляды всех прочих декабристов на крестьянский вопрос в разной мере и с разными вариантами располагались между этими двумя полюсами. Облеченные общелиберальными формулировками, эти взгляды не отличались особой определенностью.

Пока декабристы находились в Сибири, в каторге и ссылке, в российском крепостничестве происходили большие сдвиги. Крепостной труд становился все более убыточным, не давая даже средств на уплату помещичьих долгов.

Одним из решающих факторов, ускоривших крестьянскую реформу, были массовые крестьянские выступления, которые с каждым годом захватывали все большее количество уездов и губерний.

Правительство и помещики, боясь крестьянской революции, были заинтересованы в том, чтобы с крепостным правом как-то покончить, по возможности без наделения крестьян землей и так, чтобы крестьянин и в будущем оставался в зависимости у помещика.

В 1842 году издан был указ, по которому помещики могли переводить своих крепостных крестьян в «обязанные».

По сути, «обязанные» крестьяне оказывались полукрепостными, ибо невыполнение ими обязательств приводило к лишению крестьян земли и возвращению в крепостное состояние.

Хорошо осведомленные о настроениях в Петербурге, декабристы в Сибири быстро узнали о борьбе вокруг крестьянского вопроса в правящих сферах. Они знали, что в процессе выработки указа об «обязанных» крестьянах шла непрерывная борьба между крепостниками, отменявшими всякие договоры с крестьянами, и либеральными помещиками, понимавшими выгоды для них данного закона.

В числе либеральных помещиков был и автор указа, главный его защитник, граф И. Д. Киселев. Это был старый тайный друг декабристов, бывший начальник штаба Южной армии, а теперь министр государственных имуществ. Декабрист М. А. Фонвизин решил вмешаться в эту борьбу на стороне Киселева, подкрепить Киселева теоретически и морально, но при этом так, чтобы не обнаруживать, что подкрепление идет из среды «государственных преступников».

Еще до выхода закона об «обязанных» крестьянах Фонвизин извлек из своих бумаг сочиненный им на досуге аграрный проект и написал объяснительную к нему записку. Он предложил соавторство своему И. И. Пущину и соредакторство, причем считал, что всю эту операцию нужно провести в качестве анонимной и сугубо конспиративной: подписать проект вымышленной фамилией, найти перепечатку, который не уразумел бы замысла, и послать министру Киселеву «из Казани». «...Секрет же останется между нами двумя... и с нашей стороны это был бы

совершенно бескорыстный поступок» (Собрание писем к П. И. Пушкину. Рукоп. отд. Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина № 7581).

Оживленная переписка по этому поводу между двумя друзьями—Фонвизиним и Пушиным—велаась с весны до осени 1842 года.

2

Проект М. А. Фонвизина был Пушиным тщательно отредактирован, поправки обсуждались в письмах. Фонвизин охотно соглашался с поправками Пушкина.

Фонвизин все время: и за письменным столом, и за обедом, и на прогулке—занят был своим проектом. Обсуждал, прикидывал, изменял, о каждой новой мысли спешил уведомить соредатора: «Если вы не найдете случая отправить пакет в Петербург, то я решусь послать его Киселеву» с письмом моим, в котором откровенно скажу ему, чтобы он сохранил в тайне письмо мое...» (Письмо Фонвизина от 12 мая 1842 года).

«Совершенно согласен на все ваши распоряжения с известной бумагой. Вы все придумали как нельзя лучше. Если написанное мною не есть фантазия, то может быть оно не пропадет и принесет пользу...» (Письмо Фонвизина от 28 мая 1842 года).

Фонвизин тщательно продумывал и обсуждал всякие способы доведения своего проекта до Киселева. Ему хотелось отыскать самый надежный путь, чтобы пакет действительно попал к Киселеву.

«Если бы Вяземский взялся передать бумагу министру, то это было бы лучше; впрочем, действуйте, как вы вздумаете» (там же).

Новицимому, речь идет о князе П. А. Вяземском—поэте и близком друге Пушкина и Пушкина, который был когда-то близок и многим другим декабристам.

Для ограждения Вяземского, в целях конспирации, от непосредственных сношений с «государственными преступниками», передать ему пакет должен был брат Пушкина, П. И. Пушкин, бывший в то время крупным чиновником Сената.

В то время как разворачивалась эта переписка, до Тобольска, где жил Фонвизин, пришли известия о бунте казенных крестьян в Пермской губернии. Это внесло в настроение Фонвизина большую тревогу. Он готовился на допущенную им оплошность с «хождением» к Киселеву:

«Перечитывая брателью (черновик.— В. С.) моего письма Киселеву и вспоминая о бунте пермских крестьян, я подумал, что сказал глупость, говоря о благодеяниях, которые новое министерство обещает госу-

дарственным крестьянам. Это могло быть принято за злую насмешку» (Письмо Фонвизина от 13 июня 1842 года).

В этом (1842) году бунты государственных крестьян (картофельные и против заготовки хлеба в «магазенах») происходили в ряде губерний: Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской, Воронежской, Московской. В Казанской и Вятской губерниях при усмирении применялось оружие. Пермские же бунты перекинулись через Урал в соседний уезд Тобольской губернии. Со стороны местной сибирской администрации возникли, помимо, подозрения, что здесь приложил руку кто-то из декабристов. Фонвизин—близкий к губернаторским сферам—глухо намекал Пушкину на возможность обысков или перлюстрации писем.

Проект Фонвизина—Пушкина был действительно направлен в Петербург через семью Пушкина.

В одном из писем его сестры Е. И. Пабковой имеется приписка без подписей, помеченная «5 июля 42 г.». Приписка сделана, помимо, П. А. Пабковым и касается, несомненно, этого самого проекта:

«Хлопотал с твоею рукописью, топ cher Jeannot, и ничего не вышло. Князь Иван(?) возил к Вяземскому, он сказал, что он не может отдать, не назвавши сочинителей, и тогда будет обыск—как попала без цензуры... А переписать и послать по почте падает невозможным, что будут отыскивать откуда и будто найдут! По для вашего спокойствия нужно прибавить, что тут ничего нет нового, но что исполнение в теперешнем положении невозможно. Все-таки я это у себя оставляю—может уластся как-нибудь осторожно обработать и вас потешить...»

Князь П. А. Вяземский («декабрист без декабря») слишком ясно дал понять, что с проектами старых своих друзей он не имеет никакого желания связываться. И сибирский проект, помимо, так и не попал по своему адресу. О нем лишь глухо упоминает впоследствии В. П. Семейский в своем «Крестьянском вопросе в России».

3

По проекту Фонвизина—Пушкина, посланный в Петербург, впоследствии был напечатан (М. А. Фонвизин «Обзор проявлений политической жизни в России и другие статьи». Москва, 1907). В нем прежде всего обращают на себя внимание пугавшие в то время одинаково и реакционных и либеральных помещиков «призраки» крестьянской революции:

«Крепостные начинают понимать возможность другого порядка и каких ужас-

ных следствий ожидать должно от внезапного пробуждения этого многочисленного класса, если, постигнув тайну силы своей, он вздумает одной силой свергнуть тягостное ярмо, его угнетающее» (М. А. Фонвизин «Обзор...», стр. 113).

Дворянский революционер и либеральный помещик М. А. Фонвизин страшился этого «многочисленного класса», страшился пробуждения крепостного народа, осознания им «силы своей» и восстания его против своих угнетателей.

Крепостные отношения, по убеждению Фонвизина, «...составляют запутанный, но не крепкий узел, который естественною силою обстоятельств, рано или поздно, должен расторгнуться. Непредвидимо, когда и как это случится; но горе, если он расторгнется внезапно и насильственно...» (М. А. Фонвизин «Обзор...», стр. 113).

Печатный проект содержит определенную «освободительную» программу.

Правительство постепенно скупает у помещиков крепостных крестьян по вольной цене, с землями, на которых они живут, и переводит их в разряд государственных. Для этого ежегодно выделяется из государственных доходов 30 миллионов рублей. И еще на 30 миллионов рублей ежегодно выпускаются 5-процентные облигации. Владельцам имений предоставляется право при продаже удерживать за собою половину или треть земель, им принадлежащих, с усадьбами, хозяйственными и промышленными предприятиями, рыбными ловлями, мельницами и т. п. Вся выкупная операция совершается в 14 лет по приложенному точному расчету.

Автор предвидит основные результаты проведения его проекта в жизнь: несомненное улучшение состояния дворянства, развитие земледелия и мануфактур под руководством «просвещеннейшего» сословия, усиление служилого дворянства, владеющего облигациями.

Автор также говорит об упрочении благосостояния класса земледельцев, т. е. крестьян, и подчеркивает, что этим будет достигнута возможность избежать:

«...многочисленного класса бездомков (prolétaires), которых необеспеченное состояние заставляет беспрестанно стремиться к непрровержению установленного порядка и искать в насильственных переворотах улучшения жалкой своей участи» (М. А. Фонвизин «Обзор...», стр. 119).

В этой боязни образования «класса бездомков» — пролетариев, — всегда склонных к революционным переворотам, и заключается главная предпосылка этого типичного для того времени проекта либерального помещика. Проект мало чем (по техническим деталям) отличается от немно-

М. А. Фонвизин.

го более поздних «освободительных» проектов: крупного помещика — славянофила Ю. Ф. Самарина или другого крупного помещика — западника Б. Н. Чичерина.

Для всех этих проектов характерна забота о неприкосновенности дворянской земельной собственности и неменьшая забота о сохранении за «первейшим» сословием его руководящей политической роли.

Конечно, проект Фонвизина отражает взгляды на крестьянский вопрос лишь некоторой части декабристов — преимущественно Северного общества, объединенного конституцией Никиты Муравьева. Пестелевская «Русская правда» Южного общества дает другой вариант разрешения этого вопроса: она ликвидирует сословия и уравнивает помещиков и крестьян в правах на владение и пользование землей. Что касается Общества соединенных славян, то оно не имело четкой аграрной программы, кроме общего требования уничтожения крепостного права. Но, судя по его демократическому составу и революционной тактике, его крестьянские требования должны были быть демократичнее и радикальнее пестелевских.

Но каковы бы ни были варианты декабристских крестьянских программ, ни один из этих вариантов не был пригоден в сибирской хозяйственной обстановке. Даже с самой радикальной декабристской крестьянской программой декабристам в сибирской деревне нечего было делать.

В Сибири на поселенье им и не приходилось руководствоваться своими крестьянскими программами.

Н. Н. Пушин.

ясклими программами. Каждый из них практически создавал «аграрную программу» для собственного хозяйственного обихода, применяясь к тем буржуазно-капиталистическим формам сельского хозяйства, которые до них установились в Сибири.

Все они: Розен, Волконский, Беляевы, Муравьевы, Бестужевы (крупные сибирские фермеры) — сразу же стали в своем хозяйстве на рельсы современных им сибирских сельскохозяйственных отношений: аграрного предпринимательства, земельной аренды, эксплуатации наемного труда. Точно так же поступали и другие декабристы — «мелкие земледельцы»: Раевский, Спиридов, Фаленберг, Крюковы, Кюхельбекеры, Оболенский. Разница между «мелкими» и «крупнейшими» лишь в размерах «капиталовложений», принципиальной же разницы никакой нет.

4

Декабристы имели еще один подходящий случай выявить свое отношение к крестьянскому вопросу, который занимал существеннейшее место в их революционных программах накануне восстания 1825 года.

Ровно через 30 лет после их осуждения, по манифесту 26 августа 1856 года, они получили амнистию: им разрешено было возвратиться в Россию. Правда, не так уж их много к этому времени оставалось в Сибири; не воспользовались амнистией лишь

немногие. Основное же ядро декабристов-дворян вернулось на родину как раз накануне большого исторического перелома в жизни российского государства и в судьбах русского крепостного крестьянства — накануне реформы.

Для некоторых из них роковым удалось кое-что сохранить из утраченных ими по суду имений, так что они возвращались как бы в старое помещичье положение. Другие, менее счастливые в этом отношении, все же нашли близких и родственников, у которых могли обрести приют. Но и те и другие оказались в обстановке и окружении своего класса, правящего дворянства, как раз в годы большого общественного оживления и подъема — в годы севастопольского военного поражения и подготовки крестьянской реформы.

Но вернувшиеся, конечно, были уже совсем не те, что 30 лет назад. Большинство их (если не все) оказалось больными и немощными, далеко уже не в такой мере деятельными, чтобы принять активное участие в общественной жизни. Старость и недуги породили в них тягу к оседлости и покою. А общественные мечты и перспективы сосредоточивались на боязни оторваться от союзников, оказаться в одиночестве и беспомощными. Расставались они друг с другом «в тех мыслях, что рассеяние не должно нас разлучить окончательно». И когда Г. С. Батеньков, давая эту сводку мнений товарищей, прибывающих из Сибири, делает из нее свой вывод, то он попадает в самую точку.

«По моему мнению, — пишет он Пушину, — лучше бы всего избрать один пункт и около него усесться; жить остается недолго, и на маленьком клочке, уже видном до конца, ничего не растет слишком привлекательного, и что есть еще, то в нас же самих» («Летопись Государственного литературного музея». «Декабристы». Кн. 3-я, стр. 39. Москва. 1938).

Любопытно, что тот же самый вывод делал и Я. Д. Казимирский — сибирский жаландарский генерал и общий приятель декабристов. Он это преподносил им в качестве дружеского совета в письме к тому же Пушину еще за целый год до амнистии: «Не возвращення в Россию нам желать, а облизить свои жилища так, чтобы видеться и собираться между собою в месяц два или три» (Собрание писем к Ив. Ив. Пушину. Письмо Казимирского от 21 февраля 1855 года).

Конечно, это была, может быть, не столько дружеская, сколько жандармская программа, но она вытекала из весьма трезвой и правильной предпосылки жандармского генерала о его друзьях-дека-

бриетах: «...средства наши очень малы, а годы наши очень велики!..» (там же).

Этот последний этап жизни декабристов нашел в известной степени отражение в переписке их за 1857—1858 годы (переписка опубликована в «Летописях Государственного литературного музея», Кн. 3-я). Причем, как в Сибири, так и в России после амнистии, организующим центром этой переписки является И. П. Пущин, который до самой своей смерти продолжал внимательно следить за судьбой товарищей. Пущин до конца был организатором взаимопомощи и директором «малой кассы», которая вместе с ними переселилась в Россию. Секретарем ее до смерти Пущина был сын декабриста Е. П. Якушкин.

М. А. Фонвизин был амнистирован раньше других — в 1853 году. Он тогда же выехал из Сибири в имение своего брата в Бронницком уезде, Московской губернии. Брата он в живых уже не застал, но тот оставил завещание, по которому все имения ввиду гражданского бесправия декабриста М. А. Фонвизина переходили к его жене Н. Д. Фонвизиной, разделявшей с мужем сибирское изгнание.

Через год умер и сам М. А. Фонвизин, поручив жене поступить с имениями согласно с его проектом об освобождении крестьян.

Кроме имения в Московской губернии (с Марьино с деревнями) Н. Д. Фонвизина наследовала имения в губерниях Костромской, Тверской, Рязанской и Тамбовской — 2586 ревизских душ крестьян и 58 206 десятин земли (Летописи..., стр. 354). Она сейчас же приступила к исполнению завещания мужа о передаче крестьян в казну. При этом крестьянам предлагалось взять на себя уплату помещичьего долга в Опекунский совет. Крестьяне на этот проект согласились. Казна же в 1855 году от покупки их у Фонвизиной отказалась.

После этого Н. Д. Фонвизина, повлившимому, начала работать над другим вариантом «освобождения» — в порядке осуществления указа от 2 апреля 1842 года о переводе крепостных крестьян в «обязанные».

«Очень рад, что Наталья Дмитриевна, — пишет Пущину С. П. Трубецкой, — бог помог начать приводить в исполнение заветную мысль Михаила Александровича... Жаль, что это делается не таким путем, который мог бы быть примером для других и служить к ускорению дела, которого замедлению делается ежедневно опаснее» (Летописи..., стр. 324).

Трубецкой, повлившимому, сожалел о неудаче первого варианта — соглашения с казной. И показательно замечание старого дворянского заговорщика, что задерж-

ка с освобождением крестьян с каждым днем становится «опаснее», т. е. ускоряет крестьянскую революцию.

У самого Трубецкого уже по было тогда никаких изменений. Он был в этот период подготовки крестьянской реформы лишь наблюдателем со стороны и выразителем мнения непосредственно не заинтересованного лица.

«...Я не слишком надеюсь на уменьше и даже на желание сделать дело наилучшим образом: страсти сильные замешаны и затронуты. Вся моя надежда на разумный пересмотр и исправление, когда дело пойдет на утверждение» (Летописи..., стр. 327).

«Страсти», т. е. борьба интересов помещиков и крестьян, а также помещиков между собою, его пугали, как испугала прежде Сенатская площадь, когда его сделали руководителем восстания. Все его надежды теперь на правительство. И его радуют взаимоотношения Николая Давыдова (старшего сына декабриста Давыдова) и крестьян в Каменке, где хозяйством распоряжается Николай Давыдов. Сахарный завод дает ему хорошую прибыль, полевое хозяйство приносит доход, а крестьяне охотно исполняют свои повинности.

«Если его (Николая Давыдова.—В. С.) голос будет иметь вес в комитете... то можно надеяться, что новому устройству положено будет начало, благотворительное для крестьян и без потери для помещиков» (Летописи..., стр. 328).

Вот она «заветная мечта» старого декабриста: «благотворительное начало» для крестьян и «без потери для помещиков»!

А как эта либеральная формула выглядит на практике, об этом С. П. Трубецкой говорит в следующем своем письме (от 15 апреля 1858 года). По этому письму, почти все русские помещики Киевской губернии еще до выборов в Губернский дворянский комитет уже согласны были сразу освободить крестьян без всякого переходного состояния, отдать им усадьбу и одну десятину земли безвозмездно «в уверенности, что крестьяне останутся на местах и отношения обоюдные будут гораздо чище и лучше» (Летописи..., стр. 330).

Это приблизительно то же, что обещала крестьянам и муравьевская конституция (одна десятina на ревизскую душу = до двух десятин на двор), и с той же самой «уверенностью» в «чистоте» обоюдных отношений: хозяина к батраку, землевладельца к арендатору.

5

Амнистированный П. А. Анненков, вернувшись на родину в Пижмий, был назначен чиновником особых поручений при

С. П. Трупецкой

нижегородском губернаторе А. П. Муравье-
ве, тоже бывшем декабристе.

В Нижегородской губернии у отца Ап-
пенкова было более 1000 крепостных.
И сам декабрист Аппенков до осуждения
имел в Вологодской губернии более 400
душ. Мать его была много богаче отца:
имела в разных губерниях до 4 тысяч
душ. Но она умерла уже после осуждения
сына, и, очевидно, наследовать после нее
он не мог. Однако имелась, повидимому,
возможность предъявить кое-какие претен-
зии на отцовские и свои остатки.

Об этом деле пишет С. Г. Волконский:
«Про Аппенкова делах (соблюдается текст
подлинника.—В. С.) сообщу тебе—что один
из участвующих в конфискации его имения
Кушелев входит с ним в сделку—упла-
тил ему 20.000 рублей серебром, долж-
ных на его най—и дает еще 350 душ,
правда, заложенных... но все-таки в пол-
ное владение, и все-таки от платежа про-
центов будут оставаться тысячи полторы,
а может, и две чистого дохода в год»
(Летописи..., стр. 115).

Дальше Волконский поясняет, что это
лишь четвертая часть полученного Куше-
левым чистыми от долгов по имению, но
что и эти крохи «все-таки мало-мало
обеспечивают быт будущий огромного се-
мейства Ивана Александровича» (там же).

6

«Щепин уехал около Ростова в село
Пванкове,— пишет Батеньков.— Мать ему

сохранила хуторок, и родные вполне к не-
му приветливы, он писал мне подробно и
о пути своем и странствии» (Летописи...,
стр. 41).

Это тот самый князь Щепин-Ростов-
ский, который при выводе своей роты на
Сенатскую площадь порубил пашкой двух
генералов и полковника, сопротивлявшихся
выводу. По амнистии ему и детям, как и
другим декабристам-князьям, возвращено
лишь дворянство, без княжеского титула и
без права на прежнее имущество. И, оче-
видно, мать не могла ему сохранить до-
статочное обеспечение. Однако новизна по-
ложения некоторое время поддерживала на-
строение. Он раз'езжал, по семинарскому
выражению Батенькова, «сею и овамо»
и был «весьма доволен». Раздумав расста-
ваться со своей деревушкой, решил «про-
жить в ней и отпустить». К сожалению,
последнее не совсем ясно: идет ли речь
об отпуске на волю крестьян деревушки
и в каком объеме этот отпуск на волю
мыслится Щепиным.

Известно только, что в 1857 году он
жил в Ростове-Ярославском. И в том же
году, ввиду материальной необеспеченности,
высочайше назначено ему пособие—
114 рублей 28½ копейк серебром в год,
которое он получал в качестве поселенца
в Сибири. В 1859 году Щепин умер там
же, в Ярославской губернии.

За таким же пособием обратились и не-
которые другие декабристы: в 1858 го-
ду—А. А. Быстрицкий, поселившийся
в Могилеве, в 1859 году—Соловьев, жив-
ший в рязанском имении своего брата.

«К нам прибыл на житье Петр Николае-
вич (Свиштунов.—В. С.) с семейством,—
извещает Пупина из Калуги Е. П. Обо-
ленский.—...Мать и брат требовали, что-
бы он вступил во владение имением, кото-
рое они ему уступили. Поневоле он дол-
жен был изменить Ппжнему и переехать
сюда» (Летописи..., стр. 237—238).

Свиштунов переехал в Калугу и принял
имение: несколько сел и деревень с 733
ревизскими мужскими душами. Это един-
ственный из сибиряков-декабристов, став-
ший после амнистии сравнительно круп-
ным душевладельцем. Он потом избран
был в Калуге в Губернский дворянский
комитет по проведению крестьянской ре-
формы, активно участвовал в выработке
положения об освобождении крестьян и со-
стоял в Комитете членом Финансовой ко-
миссии, разрабатывавшей принципы и раз-
меры крестьянского выкупа.

Свиштунов выступал в Комитете, вос-
хваляя «мудрость английской аристокра-
тии, уступчивость ее потребностям духа
времени». Эта ссылка на английскую муд-
рость была в то время в большом ходу в
дворянских комитетах, особенно в среде

крупных помещиков. Говорилось об английской «уступчивости духу времени», а подразумевалась английская мудрость в освобождении крестьян от земли. А когда в Калужском комитете поднялись горячие споры о неприменном выкупе «личности» крестьянина, член Финансовой комиссии Свистунов подсказал, что требовать выкуп за личность было бы, пожалуй, не совсем тактично, но можно включить эту «личность» в оценку земли. Споры сразу же прекратились, и Комитет отверг «вознаграждение за личность 23 голосами против 2-х» (Архив князя Черкасского, п. № 14. Рукоп. отд. Библиотеки имени Ленина).

Положение, выработанное Калужским комитетом — одно из реакционнейших: двухдесятилетний надел на ревизскую душу, в том числе и усадьба. Выкупная плата — по 150 рублей серебром с души при ценах на землю 15—20 рублей серебром за десятину. Совершенно ясно, что здесь незримо присутствует и плата за «личность», подсказанная декабристом Свистуновым.

М. П. Муравьеву-Апостолу не позволили жить ни в Москве, ни в Московской губернии, и он поселился на границе Тверской и Московской губерний, а потом жил в Твери.

«Был занят весьма скучным делом, — пишет он Пушкину, — составлением доверенности племяннику М. П. Бибикову для передачи мне Коршуновки, которая заложено и перезаложено... так, что мы имеем в виду 1500 рублей серебром на прожитье, а при здешней дороговизне и моем отвращении от долгов придется, вероятно, ехать на жительство в Коршуновку — будем по крайней мере горевать вместе с ее бедными жителями!» (Летописи..., стр. 218).

Тридцать лет назад он, может быть, и имел в виду сделать свободными и богатыми этих бедных жителей Коршуновки. Но теперь ему приходится рассчитывать на них как на единственную свою поддержку и наметать перспективы совместного с ними «гореванья». И у него вновь просыпаются живые еще отголоски бывшего либерализма: «Вот уже третье царствование, что без толку толкуют об одном и том же (об эмансипации. — В. С.)... Если бы сделан был хоть первый приступ... я бы от души радовался» (Летописи..., стр. 219, 220).

Декабрист П. В. Басаргин до восстания был мелкопоместным помещиком. Его отец имел в Покровском уезде Владимирской губернии сельцо Михейцево и деревеньку — в обоих вместе 56 ревизских душ на пашне. Никаких феодальных навывков у него, пожалуй, и не сохранилось. Вступая в тайное общество, он нес в себе тенден-

И. А. Ависевков.

ции чистого буржуазного революционизма. В Сибири он женился на вдове стекольного заводчика, родной сестре знаменитого химика Д. И. Менделеева, и от товарищей получил кличку «фабрикант».

О нем пишет Пушкину А. В. Ентальцева (вдова декабриста) из Москвы: «Басаргин уехал на первой неделе поста в гор. Покровск, Владимирской губернии... Кажется, Николай Васильевич не поедет в Сибирь, потому что думает купить около Покровска небольшую деревеньку с усадьбой, сад и хорошенькое место; если это состоится, то они уже не поедут в Сибирь» (Летописи..., стр. 149).

Удалось ли ему купить деревеньку, неизвестно. Умер Басаргин в России 3 февраля 1861 года, за две недели до «освобождения» крестьян.

7

Повидимому, какой-то остаток из бывших своих имений получил и С. Г. Волконский. Об этом мельком в письме Пушкину упоминает Батеньков: «Все это, вероятно, ты уже знаешь, а равно и о намерении Сергея Григорьевича ехать, кажется, в Тамбов для устройства сделки с крестьянами. Теперь в не готовых головах сильно развились все трудности реформы...» (Летописи..., стр. 53).

Сам Волконский ничего не пишет об этой поездке. Но взгляд свой на крестьянскую реформу он излагает более определенно чем его товарищи. Еще в 1854 году в Сибири ему писал Пушкин о хлопотах И. Д. Фонвизиной по освобождению кре-

стьян. И Волконский тогда же ему ответил: «Вести, тобой сообщаемые... о Наталье Дмитриевне и ее предположениях в отношении ее имения — меня радуют, а мне упрек, но таковое распоряжение не было в моей воле — а я предлагал и просил Александра Николаевича, чтоб в имении бывшем моем — предложили крестьянам откупиться — но как и во многом этот человек не принял в уважение мои желания» (Летописи..., стр. 99).

Волконский до суда лично имел в Нижегородской губернии 50 деревень с 1046 ревизскими душами и около того же количества в Ярославской губернии. С лишением его прав, имения, очевидно, перешли к А. Н. Раевскому, брату жены Волконского, повидимому, с внутрисемейным обязательством помогать семье Волконского в Сибири, о чем есть указания в его сибирской переписке. Есть указания и на то, что сам Волконский очень тяготился этой помощью и искал от нее избавления в сибирском своем хлебопашестве.

Несомненно, теперь, когда разговоры о крестьянской реформе стали всеобщими, крестьянофильские настроения князя Волконского не могли не получить отражения. Вот что пишет он тому же Пушкину, уже в России: «ты знаешь, что вопрос эмансипации есть коренной вопрос для России, а для меня самый близкий к сердцу. Я здесь довольно часто вижу некоторых славянофилов... что они люди умные, благонамеренные, дельные, в том нет сомнения — и теплы они к эмансипации и горячи к православию, а народность и правослаvie — вот желаемая мною будущность России» (Летописи..., стр. 111).

Старый идеалет и крестьянофил 30 лет отсутствовал из России. Из внимания его, как и других его товарищей, выпала целая большая полоса российского хозяйственно-политического развития. Они не имели возможности наблюдать вблизи процесса приспособления помещичьего хозяйства к новым историческим условиям: нащупывание помещиками экономической опоры в кулацких слоях деревни. Они не могли поэтому наблюдать и параллельного приспособления старой, крепостнической идеологии к новому дворянскому обиходу: привлечения на свою сторону симпатий наиболее отсталых прослоек в народных низах.

Известно, что «теплые к эмансипации» славянофилы по отношению к своим крестьянам были помещиками «ниже среднего уровня»: почти у всех у них крестьяне пользовались наделом ниже среднего по соответствующему району и выполняли на помещика повинности в выше средних по тому же району. Почти все славянофилы проводили принцип одностепенного надела

своим крестьянам. Все это отмечено было позднее историком «Крестьянского вопроса» В. П. Семевским.

Волконский этого, конечно, еще не знал. Славянофильский лозунг — «община, правослаvie и народность» — он принял за чистую идейную монету. Кажущийся славянофильский патриотизм очаровал его, старого генерала, остро переживавшего обиду севастопольского поражения.

Всех декабристов радовала открывшаяся возможность свободно говорить о том, о чем они 30 лет назад должны были говорить лишь потаенно.

«Здесь теперь другого разговора не слышно, как только об освобождении крестьян, — пишет Ентальцева, — дамы и мужчины ведут общий разговор, многих это приятно интересует, некоторые недовольны, но не говорят того. Сергей Григорьевич (Волконский. — В. С.) счастлив выше седьмого неба... Не знаю почему, но князем Голицыным очень недоволен и сильно его осуждают; кажется, и М. М. Нарышкиным тоже» (Летописи..., стр. 144).

И Голицын и Нарышкин — оба декабристы. Один — поселенец, другой — каторжанин. По оба из Сибири перепоселись на Кавказ, а с 1843—1844 годов жили уже в своих имениях, занимаясь хозяйством. Отношение их к крестьянскому вопросу, повидимому, недостаточно либеральное, вызвало недовольство их бывших соузников.

Бывший минусинский фермер А. П. Беляев, которому сибирская сельскохозяйственная практика дала хороший опыт, после Кавказа за отсутствием собственного поместья управлял имением саратовского помещика Льва Нарышкина и был, вероятно, по настроениям своим более помещиком чем его патрон.

У него уже нет теперь и того сравнительно благодушного отношения к крепостным крестьянам, какое было в Сибири к своим работникам-поселенцам. Он смотрит теперь на крепостных крестьян как на необходимую принадлежность помещичьей земли, расценивает их как помещичий инвентарь, как орудие сельскохозяйственного производства. У него есть своя особая теория «справедливой» оценки земли, даваемой крестьянам в надел: не по арендным и продажным ценам, как это полагается, — ибо тогда «помещики будут разорены», — а по доходу, получаемому с пахотной десятины, обработанной крепостным трудом, — тогда помещикам будет обеспечен «по крайней мере тот самый доход, какой они получают теперь при посевах» (Летописи..., стр. 66).

По его собственному подсчету, эта «справедливая» оценка увеличивает ценность даваемой в тягло крестьянской де-

сятины в т р о е. Здесь так же, как и в свистуновском финансовом совете, незримо присутствует в оценке крестьянская «личность» — крестьянская крепостная душа.

Вообще за время «обязанного» крестьянского положения Беляев непрочь был бы из крепостных в пользу помещика выжать последние соки: при уплате повинностей отработками он рекомендует: «...устроить урочную работу с ответственностью целого общества в несправности, как они делаются половиниками. Этот способ введен у меня и очень хорошо» (Летописи..., стр. 67).

«Урочная работа», «круговая порука» и «половинники» — термины, особенно часто употреблявшиеся тогда помещиками-крепостниками, в особенности теми, которые об'являли себя приверженцами «остзейской» системы освобождения крестьян — б о з з е м л и.

8

Князь Е. П. Оболенский — один из «диктаторов» на Сенатской площади — тоже кое-что получил из своего наследства. В одном из писем он оповещает своего приятеля, что «отправился в свое Тульское имение». Можно подумать, что у него есть и еще имение.

Замечательно быстро восстанавливаются бывшие помещичьи формулы отношений. «Видел вблизи быт крестьян не оброчных, но на пашне, и нашел, что они в довольно хорошем положении» (Летописи..., стр. 254).

«Не мог сравнить их положение с сибирскими крестьянами... Избыток земли, сенокосы и леса доставляют там богатство». Здесь же никакого избытка нет, и сибирского богатства наши крестьяне не достигнут и «при самых лучших условиях их общественного быта». И сейчас же еще раз подчеркивает: «Изменение их отношений к нам (к помещикам. — В. С.) не родит богатства...». Но, как будто испугавшись, что его могут заподозрить в нежелании «изменений», спешит добавить: «верю возможности и осуществлению этого изменения; но сам не умею предумать, как это привести в исполнение» (Летописи..., стр. 255).

Этому можно верить. У него так же, как и у ряда других декабристов, определенной точки зрения на этот предмет, кроме расплывчатого либерализма, нет, а действительное положение вещей вызывает у него растерянность, и он беспомощно разводит руками: «кашу заварили, кто ее расхлебает — не знаю» (Летописи..., стр. 264).

В этом же письме он рассказывает случай, происшедший с бывшим томским губернатором Бекманом. К нему (губернатору Бекману) «пришли его мужики с оброком, который они всегда вносили за год вперед. Нынче они приносят только половину. На вопрос, почему так, их ответ был: «Мы подождем, батюшка, что будет. Может быть, тебе и совсем не понадобится» (Летописи..., стр. 263—264).

Классовые чувства оказались сильнее чем «отказ от собственных выгод» или «верность прекрасной минуте», к которым когда-то в Сибири апеллировал «софист» И. Д. Якушкин.

Волконский сердцем своим нащупал свою классовую позицию: «народность и православие — вот желаемое мною будущее России». На том же самом, повидному, суждено было успокоиться и сердцу Оболенского. «Дворянство смутно постигает, что решительный его час настал, — пишет он, — ему предложат быть или не быть. Чтобы ему быть, нужно ему примкнуть к народу и в нем искать свой жизненный элемент, но в смысле аристократии, но в смысле класса передового, нравственно и умственно развитого, в смысле землевладельцев, владеющих пространством земли более 100 тысяч кв. верст» (Летописи..., стр. 267).

Много ходило тогда по рукам разных проектов и рукописей — с фамилиями авторов и безыменных.

«Много проектов перечитали мы в рукописях, — пишет Оболенский, — и много дельного прочли...» И, вероятно, этим многим дельным прочитанным навеяны приведенные мысли самого Оболенского о «примкнутии к народу».

Те же мысли, немного спустя, находим в письме славянофила А. П. Кошелева: «Одно спасенье для нас, для народа и государства... присоединиться к народу, слиться с ним и стать во главе его. В этом выгоды народа, нуждающегося в предводительстве, выгоды собственные наши (т. е. помещичьи. — В. С.), ибо одни — мы слишком... немощны: наконец, выгоды государства, самого самоотвержания, могущего быть сильным только при единстве его с совокупностью народа русского» (Архив князя Черкасского, п. № 23. Рук. отд. Библиотеки имени Ленина).

Это гораздо отчетливее чем у многоречивого Оболенского.

Но в пример другим славянофилам, А. П. Кошелев, как видим, рядом с «православием и народностью» открыто провозглашает и с а м о д е р ж а в и е. И, вероятно, против этого не возражает и Оболенский. Но здесь он, конечно, уже расходится со своими друзьями.

Е. Н. Оболенский.

Они вернулись с теми же добрыми крестьянофильскими пожеланиями, во имя которых 30 лет назад выходили на Сенатскую площадь. Но так же неясно, как и тогда, они представляли себе и настроения самих крестьян и их требования. Они не заметили, что крестьянские требования уже в 1825 году обгоняли муравьевскую конституцию, оставляя ее далеко позади.

А 30 лет спустя настроения и пожелания по крестьянскому вопросу, привезенные декабристами из Сибири, оказались уже вовсе не передовыми. Они представляются весьма неопределенными, несомненно, отсталыми и свидетельствуют не только о беспомощности, но и о растерянности.

За время отсутствия декабристов из России история не стояла на месте. Приходили новые поколения борцов за свободу народа. Они ставили новые вопросы, по-новому решали вопросы старые.

«Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского» (В. И. Ленин. Т. XV, стр. 468).

И когда декабристы вернулись на старое деполице, они уже нередко не узнавали в новых поколениях продолжателей своего дела. Может быть, они и разделяли еще крестьянофильство разбуженного ими Герцена, но его революционная постановка

крестьянского вопроса для них уже не могла быть приемлема.

Но в этот исторический момент в крестьянском вопросе уже и Герцен не являлся действительным выразителем народных требований, уже и он начинал утрачивать свою ведущую в нем роль. Действительными борцами за крестьянское (народное) дело становились разночинцы Чернышевский, Добролюбов, Покрасов...

А разночинцы оказывались совсем уже непонятными декабристам.

«Общественные вопросы в Москве на первом плане, — пишет Оболенский Пушкину в январе 1858 года. — Я был два раза у нашего Евгения (Е. Н. Якушкина — сына декабриста. — В. С.) и нашел там общество, хотя не совсем большое, но замечательное по своему направлению, довольно резко отличающееся, не смею сказать решительно, но похожее на красное. — Мы были в разномыслии, и потому беседа была в разладе» (Летописи..., стр. 260).

Даже и с «похожими на красных» они были уже в «разномыслии» и вели беседу «в разладе».

Но, к чести их, надо добавить, что по мере общественного выяснения вопроса об освобождении крестьян, по мере расширения граней его практического разрешения крестьянские их симпатии становятся и более определенными и более передовыми. Им понятнее и ближе оказываются наиболее левые дворянские настроения. Они обращают свои взоры и внимание на позицию тверского дворянства. Проект тверского Губернского комитета по крестьянскому вопросу был тогда самым либеральным из всех дворянских проектов. И тверской дворянский предводитель Унковский после проведения проекта в Губернском дворянском комитете был арестован и выслан в Вятку.

«Разговор один, об эмансипации, — пишет Пушкину П. П. Свистунов, — читали разные проекты, достаньте проект тверского предводителя Унковского и предисловие Головачева. Умно и любознательно» (Летописи..., стр. 309).

Интересен отклик на эти крестьянофильские разговоры декабристов за Байкалом, в Петровском заводе, где они отбывали каторгу.

Там остался жить и после амнистии декабрист П. П. Горбачевский, член Общества соединенных славян, махнувший рукой на свое крепостное наследство еще до восстания декабристов.

В годы подготовки крестьянской реформы он вел оживленную переписку с Оболенским. Оболенский делился с забайкальским своим союзником калужскими «освободительными» настроениями. Рассказывал

ему о многих, ходивших по рукам рукописных либеральных «освободительных» проектах, передавал свои впечатления и ожидания добрых результатов от губернских дворянских комитетов, расписывал увлекавшую его оживленную суетню либерального дворянства и помещиков. Он призывал далекого товарища порадоваться вместе с ним и поверить в предстоящее освобождение крестьян и улучшение их быта.

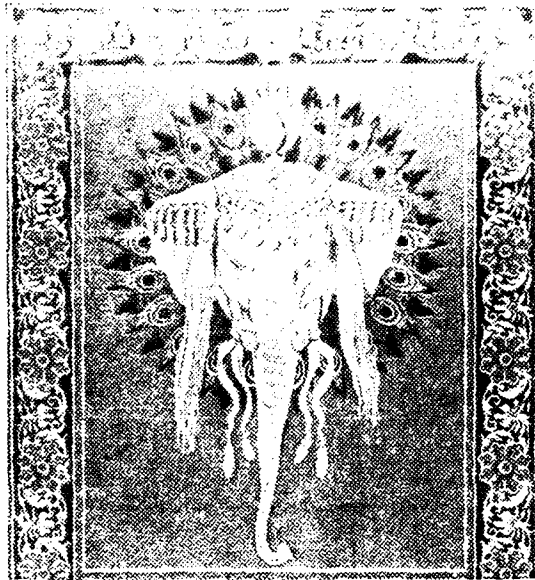
«Читал я тоже в твоём письме, — отвечает Горбачевский, — о наших (декабристских.— В. С.) наездах на улучшение крестьянского быта и начале гражданской жизни, о которой когда-то мы мечтали. Прости меня великодушно, мой Евг. Петр., за мое неверие: решительно не только сомневаюсь, но даже решительно не верю ни в вашей гласности, ни в вашем прогрессу, ни даже свободе крестьян от помещиков. Все это, мне кажется, болтовня праздных людей, у которых нет ни желанья, ни воли сделать другим добро. И что может быть из такого порядка вещей, где люди в своем деле сами и судьи» (Записки и письма декабриста П. И. Горбачевского, стр. 260. М. 1925).

Замечательно ясное представление о российской «освободительной» обстановке, несмотря на 35-летний отрыв от нее и расстояние в 5 тысяч верст! «Славянин» Горбачевский, по прежнему положению своему и по настроениям более близкий к солдат-

ской среде чем к генеральской, занимал и теперь более демократическую позицию чем его товарищи — декабристы Северного и Южного обществ. Эта позиция приближала его к наиболее передовой для того времени позиции революционной разночинной интеллигенции, но отставала от нее, потому что вытекала из чисто идеалистических либеральных предпосылок, из «нравственных убеждений», — по выражению декабриста П. И. Пущина, — в несправедливых отношениях между владеющими и владимыми» (Пущин «Записки о Пущине и письма», стр. 272. Изд. политкаторжан. 1925).

Но «нравственных убеждений» для правильного решения в то время крестьянского вопроса было уже далеко не достаточно. Между «владеющими и владимыми» шла уже напряженная борьба не за расплывчатые «справедливые отношения», а за реальные «волю и землю». Классовая борьба в общероссийском масштабе между двумя основными категориями русского населения — крестьянством и помещиками — нарастала. На историческую авансцену выходили новые общественные классы — буржуазия и пролетариат. Социально-политическая борьба расширялась и усложнялась.

И этой борьбы даже наиболее демократическое из декабристов уже не могли понять.

В. Самойлов

„ХОЖЕНИЕ“ АФАНАСИЯ НИКИТИНА В ИНДИЮ

Разбираясь в архивах Троице-Сергиевской лавры, известный русский историк Карамзин нашел глубоко поразившее его описание путешествия по Индии тверского купца Афанасия Никитина во второй половине XV века. «Доселе географы не знали, — пишет он, — что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Полюнова века. Индийцы слышали о России прежде, нежели о Португалии, Голландии и Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану наш тверитянин Афанасий Никитин уже путешествовал по берегу Малабара» (Н. М. Карамзин «История государства Российского». Т. VI. Гл. VII, стр. 226—228).

Кроме карамзинского были найдены еще списки; один из них внес летописец в Софийскую летопись. «Того же года, — занесал он под 1475 годом, — обретох написание Офонаса Тферитина купца, что был в Индии 4 годы, а ходил сказывает с Васильем с Палиным... Со же написано не обретох в кое лето пошел, или в кое лето пришел из Индии и умер; а сказывают, что де и Смоленска не дошед умер. А писание то своєю рукою написал, иже его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к дьяку великого князя на Москву».

Кто же был этот Афанасий Никитин, и каким ветром занесло его из Твери в далекую, загадочную Индию?

Приехал в 1466 году к Ивану III посол владетеля (ширваншаха) Ширванского ханства Феррух-Есара. Посол Асан-бег прислан был, вероятно, для улаживания торговых дел. Приезж ои Ивану III богатые подарки. Из Москвы снаряжили в ответ своего посла Василья Палина и послали с ним в подарок ширваншаху девяносто охотничьих кречетов.

Услыхав Никитин, что из Москвы едет посольство в Ширван, и вместе с несколькими тверскими купцами присоединился к посольству, решив ехать туда торговать.

Торговля в те времена была делом нелегким. Не говоря уже о трудностях путешествия, торговец то и дело подвергался риску быть ограбленным. Поэтому-то купцы и старались присоединиться к какому-нибудь посольству, так как к послу все же относились с большим уважением чем к торговцу.

Снарядили тверичи два судна, получили проезжую грамоту от своего тверского князя Михаила Борисовича и поплыли по Волге. Никитин не пишет, какие товары повез он в Ширван, но, вероятнее всего, это были меха — «мягкая рухлядь», высоко ценившаяся на Востоке. Промышленники Калужин, Углич. В Костроме взяли великокняжескую грамоту на отъезд за границу. Дошли до Нижнего Новгорода, но там их постигло разочарование: они опоздали; посол Василий Палин уже уехал. Тогда тверичи решили дожидаться посла ширваншаха Асан-бега и ехать с ним.

Через две недели приехал Асан-бег. С ним возвращались домой шесть бухарских купцов, приезжавших торговать в Москву, ехало в Ширван также несколько московских купцов. Захватив все пошлыны, маленький караван летом 1466 года двинулся вниз по Волге.

Волгу проехали благополучно, но близ Астрахани приключилась с путниками беда. Вошли они в Бузавь — рукав Волги — и здесь встретили татар, которые под великим секретом сообщили, что астраханский хан Кайсым проведет о проезде богатых «гостей» и сторожит их с тремя тысячами татар, чтобы ограбить. Путники перепугались. Струхнул и Асан-бег, видимо, не уверенный в том, что татары твердо знают о неприкосновенности послов. Он договорился с предупредившими его татарами, чтобы они ночью, втихомолку провели суда около Астрахани. Ночью начали пробираться около засады. Но изменники-проводники плату взяли, а сами подали весть сторожившим татарам. Все же маленький караван мог бы прорваться, но одно судно тверичей, на котором были товары Шикитина, наскочило на рыболовную снасть и остановилось. После короткого боя, во время которого был убит один из русских купцов и двое татар, судно было разграблено. Скоро второе судно налетело на мель. Татары забрали в плен четырех купцов, а остальных пустили дальше «голыми головами», то есть ограбив дочиста.

В море вышли два судна: на одном, посольском, благополучно избежавшем засады, кроме посла и его свиты, было шесть бухарских купцов и десять русских, среди которых был и Шикитин, перебравшийся сюда еще перед Астраханью; на втором — шесть московских и шесть тверских купцов.

На море случилась новая беда: налетела буря и начала трепать утлю суденышки. Судно с русскими купцами выкинуло на берег у Тарки. Сбежались кайтаки (племя горцев), разграбили судно и увели в плен самих путников. Посольское судно справилось с бурей и благополучно добралось до Дербента, одного из городов Ширванского ханства.

Ширванское ханство — это область прикаспийского Закавказья с городами: Шемаха, Нуха, Баку, Дербент и др.

От арабских историков мы знаем, что еще в сасанидские времена Ширван имел особых правителей — ширваншахов, бывших вассалами сначала персидских хосроев, затем сельджуцких султанов, «атабеков», султанов-монголов — потомков Чингис-хана и Тимуридов. Бурную историю пережил Ширван: его грабили и татары и орды страшного Тимура, но с 1420 года насту-

пила для него почти столетняя пора мирного развития. В эти годы расцвела торговля, развились шелководство, ремесла, отстроились города — Шемаха, Баку и др. Во второй половине XV века, по свидетельству венецианца Контарини, Ширван был богатым, высококультурным государством.

В Дербенте Шикитин дождал Василия Пашина. Узнав об участии второго судна, Шикитин и его товарищи упростили Пашина и Асан-бега, чтобы они похлопотали перед ширваншахом об освобождении пленных. Ширваншах отправил письмо кайтакекому князю, который приходился ему шурином, и тот освободил ограбленных пленников.

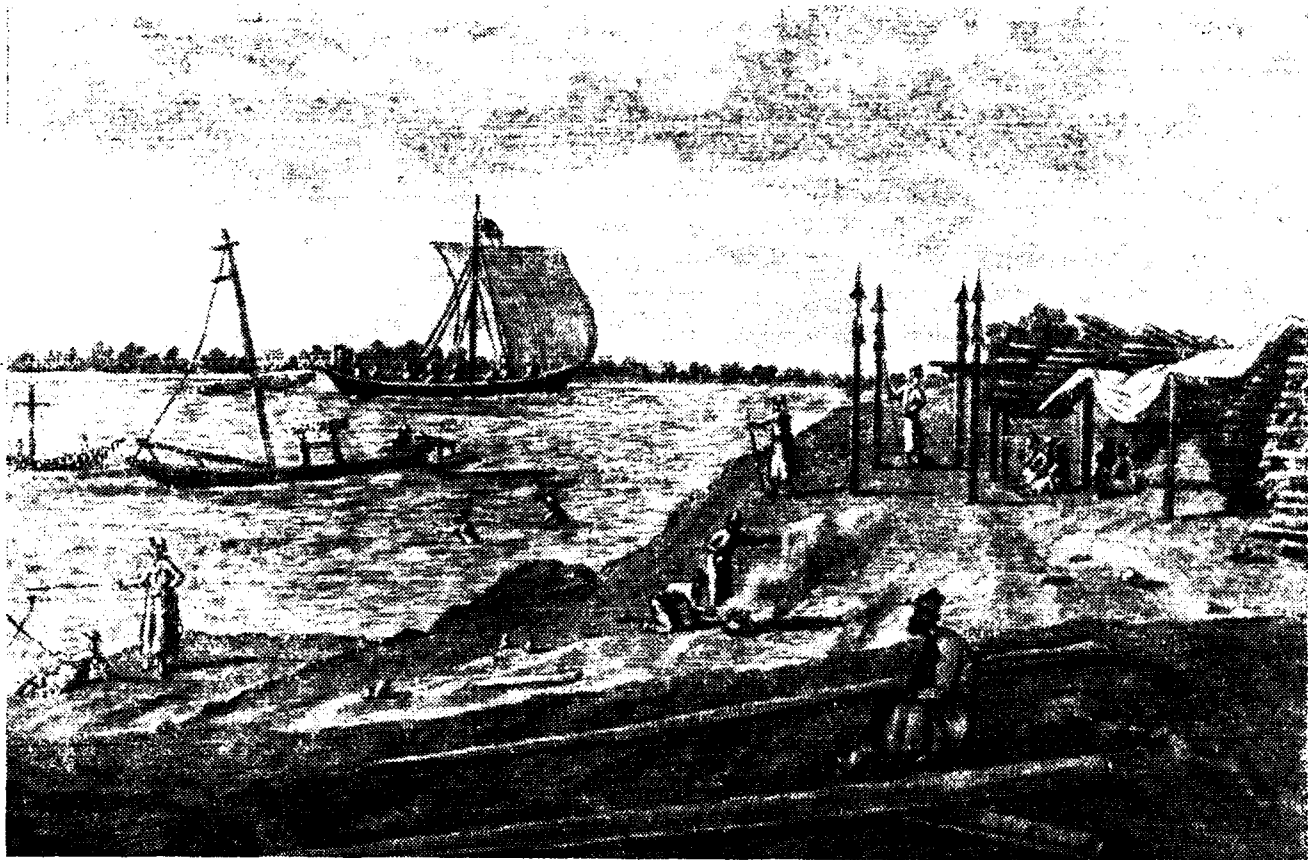
Русские купцы решили отправиться к ширваншаху в Кайтул и просить его о пощаде. Феррух-Есар принял купцов ласково, но в помощи категорически отказал. «И мы заплакав, — рассказывает Шикитин, — да разошлись кон куды, у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные остались в Шамахе, а иные пошли работать к Баке».

Шикитин, видимо, был в лучшем положении чем другие. Вероятно, когда он перед Астраханью переходил со своего судна к послу, он захватил с собою какую-то часть своих товаров, и это дало ему возможность отправиться в дальнейший путь. Из Кайтула Шикитин направился к «не-

Русский купец.

С иностранной гравюры XVI века.

Волга.

Со старинной иностранной гравюры.

угасимым огням» Баку и отсюда решил ехать за море, в Персию. Собственно говоря, с Баку и начинается его знаменитое «Хождение за три моря», как он назвал свои записки: «Первое море Дербеньское, дорня Хвалитьскаа; второе море Индейское, дорня Гундустапскаа; третье море Черное, дорня Стамбольскаа».

Переправившись через Каспийское море, Никитин высадился в Барферуше. Недалеко от Барферуша, в Бокаре, он прожил полгода, видимо, по торговым делам или знакомясь с обстановкой. Отсюда он начал свое путешествие по Персии. Никитин видел новые страны, видел «много городов великих», видел новую для него обстановку, новых людей, но, кроме названий городов, ничего не внес в свой дневник. Записал он только, что около Рея убиты дети Шаусень Али, да еще что в Таруне так дешевы финики («батман четыре алтына»), что ими кормят скотину.

Сравнивая это лаконичное перечисление персидских городов с дальнейшими записками Никитина об Индии, невольно удивляешься, почему же он ни слова не сказал о новой для него стране? Видно, Никитин считал, что Персию так хорошо знали на Руси, что писать про нее нечего. Русские купцы издавна торговали с Персией и хорошо ее изучили. Это знание отразилось и в нашей письменности. Из заметок о землях за Араратом, написанных в середине XV века, из повестей о Тамер-

лане видно, что предки наши неплохо знали Персию, причем не по книгам, а по рассказам бывших там людей.

Начиная с Ормуза, или Гурмыза, как его звали тогда на Руси, записки Никитина становятся более интересными. Чувствуется, что он попадает в «неизвестные» для Руси края или известные только понаслышке.

Ормуз — маленький бесплодный островок Персидского залива, в нескольких километрах от берега. Благодаря своему географическому положению он ряд столетий был центральным пунктом торговли между отдаленнейшими странами Востока и Запада. Сюда привозились индийские товары, и отсюда начинались караванные пути к Черному морю, в среднеазиатские страны и через Персию и Ширван на Русь. Вопреки палящей жаре, почти полному отсутствию источников пресной воды, на этой небольшой скале вулканического происхождения возник богатый город, из-за которого боролись персы с арабами, а потом португальцы с англичанами. Про него говорили, что «если бы мир был кольцом, то Ормуз был бы перлом в нем». «Пристанце великое, всего света люди в нем бывают и всякы товар в нем есть, что на всем свете родится, то в Гурмызе есть», — с восхищением пишет Никитин. Одно плохо — палящая жара. «А в Гурмызе есть варное солнце, человека сжжет», — отмечает Никитин.

Никитин «в Гурмызе был семь месяцев и в радулицу на фоминной неделе (9 апреля 1469 года), то есть пробыв в Персии почти два года, «пошел за море Индейское в таво (небольшое судно.— В. С.) с коньми». Бродя по Персии, он услышал, что «во Индейской земли кони ся у них не редят, в их земли рождаются волы да буйволы, на тех же езды и товар возят и вео делают». Поэтому Никитин решился затратить большую часть своих средств на покупку дорогого жеребца, с тем чтобы отвезти его на продажу в Индию. Конечно, мангла его не одна торговая выгода: ему очень хотелось взглянуть в загадочную тогда для всей Европы далекую Индию.

До Индии «шли есмь в таво шесть недель морем». Первой пристанью на пути в Индию был Маскат, затем — Калахат. Отсюда приплыли в «Катобатрям, где ся жемчуг рожит», то есть на Бахрейнский остров. Зеленые люди с гордостью уверяли, что у них на островах «земля — серебро, а море — жемчуг». Бахрейнский жемчуг считался тогда лучшим в мире и почти весь скупался ормузскими купцами и отправлялся во все страны под названием ормузского. Попалал он и к нам, на Русь, причем «гурмыжские зерна» высоко ценились.

Затем остановились в Камбайте — одном из главных городов независимого мусульманского царства Гуджерата, или «Кузрята», по написанию Никитина.

Никитин отмечает громадную торговлю Камбайта, рассказывает в немногих словах о продукции этой области, являвшейся центром текстильного производства тогдашней Индии. Здесь выделывались «алачи» — ткань из сученых шелковых и бумажных ниток, «капълак» — бумажная набойчатая ткань, «пестряль» — ткань из разноцветных ниток. Кроме тканей здесь делали знаменитые индийские краски и добывали «ахик», то есть сердолик. Никитин указывает и на добычу соли, которой и сейчас богат Гуджерат.

«И тут есть индейская страна», записал Никитин, высадившись, наконец, в Чауле («Чивиле» по его написанию). Природа Индии не поразила Никитина: перед его глазами промелькнуло уже много пейзажей, столь непохожих на родные поля с перелесками под Тверью, но поразили его люди: все они черные да голые, только у людей познатнее фата на голове и на бедрах. Свообразный наряд индусов изумил не одного Плиутинна; ему дивились все старые путешественники, а Марко Поло даже пропознрует, что «во всей провинции Малабар нет ни одного портного, который сумел бы сшить кафтан, так как все холят голыми». Не меньшее удивление вызвал и сам голубо-

глазый светловолосый Плиутин: «Яз хожу куды ино за мною людей много, дивятся белому человеку».

О самом городе он ничего не сообщает, так как пробыл в нем очень недолго. Из Чауля двинулся Никитин со своим жеребцом через Гатские горы вглубь Декана. Через три с половиной недели он добрался до «Чунейря». Чунейр Никитина — это Джунир, или Жуналгар, то есть старый город, развалины которого находятся на юговостоке от современного Джунира. Никитин описывает Джунир как очень сильную природную крепость: «Чунейр-же град есть на острове на камнем, не делан ничим, богом сътворен, а холять на гору день по одному человеку, дорога тесна, пойти нельзя».

Здесь застало его несчастье, то есть дождливое время года. «Зима же у них стала с тропица дня», то есть с начала июня. Ливень продолжался «ежедень и ночь четыре месяца». Дороги испортились — «всюда вода да грязь». Это трудовая пора для индуса-земледедца. «В те же дни, — пишет Никитин, — у них орют да сеют». Приготовления к севу начинаются раньше: почву вспахивают, боронят, выпалывают травы и кусты, а с наступлением дождей «сеют пшевицу, да тутурган» (кан, злаки), да ногут (горох), да все съестное».

Приезжим не разрешается жить в крепости: они живут по «подворьям». То, что называет Никитин подворьями, — это даровые помещения для путешественников. Такие даровые пристанища были разбросаны по всей Индии, особенно много их было в местах, посещаемых туземцами. Постройка их, по убеждению как индусов, так и мусульман, считалась богоугодным делом.

Во время посещения Плиутинным Джунира последний вошел в одно из восьми губернаторств Бахманийского царства. Наместник Джунира Асат-хан увидел жеребца, которого привел Никитин, пленился им и отнял его у незадачливого торговца.

Отняв жеребца, хан «увидал», что Никитин — «не бесерменин, а руселин», вызвал его к себе и сказал:

«И жеребца дам да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу Махмет-дени, а не станешь в веру нашу в Махмет-дени, и жеребца возму, и тысячу золотых на главе твоей возму».

Несмотря на то что в жеребце заключалось все состояние Никитина, он отказался переходить в магометанство. Всего четыре дня было дано Никитину на размышление. На свое счастье в эти тяжелые дни он встретил старого знакомого Хозяича Махмета, хорасанца, с которым он, видимо, познакомился еще в Персии. К нему и обратился Никитин со слезной жа-

любой: «Был семи челоу ему, чтобы ся о мне печаловал». Старый друг не подвел: он съездил к хану и «спросил» Никитина, чтобы его «в веру не поставили». «Господь смилостивился не остави меня грешнаго,— записывает обрадованный Никитин,— и не повеле погибнути в Чюнере с нечестивыми». Таким образом, его не только не принудили перейти в магометанство, но даже вернули жеребца. В назиданье же будущим путешественникам по Индии Никитин патетически восклицает: «Братья русьстии христиане, кто хочет пойти в Индейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликинув Махмета да поиди в Густаньскую землю!»

После этого прощесствия Никитину перестала нравиться Индия. Так, в Джунире он несимпатично записывает в свой дневник, что «мено залгали псы бесермени, а сказывали всего много нашего товара, ано нет ничего на нашу землю».

Недолго пробыл Никитин в неприятном для него Джунире и, лишь только просохли дороги — 15 августа, — вышел из него и направился в Бидар («Бедерь» — у Никитина). «От Чюнера до Бедера,— говорит Никитин,— 40 ковов», то есть 400 километров («в ково по 10 верст»). «А шли есмя месяц», то есть не больше 13 километров в сутки. Видимо, дороги еще не просохли, да кроме того он останавливался в некоторых городах — в Кулонгире («Кулонгерь», по его написанию) и в Гульбарге, бывшей столице Бахманийского царства. Перечисляет он далеко не все города, которые встретились ему на пути: «Промежю тех великих градов много градов, на всяк день по три грады, а иной день и четыре грады, колико ковов толико градов».

Ничего не сказал Никитин о природе страны, и это можно понять. С представлением об Индии у нас ассоциируются пальмовые леса, непроходимые джунгли, тигры, змеи,— словом, волшебный мир чудес. Все это есть в Индии, но только неприменимо к Декану. На малабарском берегу встречается веерная пальма, но чем дальше от берега, тем проще, обыкновеннее растительность. Само Деканское плоскогорье, по первому впечатлению, похоже на степи Южной России. Куда хватает глаз, тянется равнина, жаждающая влаги земля, сухая, выжженная, почти без единого пятнышка зелени. Города и селения прячутся в речных долинах, которые являются настоящими оазисами на этой унылой равнине. Оживают степи лишь после индийской зимы, когда прольются благодатные дожди; тогда вся равнина зеленеет и цветет. Чем ближе к горам, тем многочисленнее деревья. Но этот лес тоже непохож на тропический, а, с первого взгля-

да, напоминает южнорусский лес, который видал и знает Никитин. Вот почему Никитин, видимо, ничего не пишет о природе Индии, вернее, Декана.

Наконец, Никитин прибыл в Бидар. Он очень метко подметил, что в его время Бидар был «стол Гулдустану Бесерменскому», то есть столицей мусульманской Индии.

Первые впечатления Никитина от Бидара размыты. Он записал только, что торгуют там конями, камкой, шёлком, рабами («да купити в нем люди черные»), а также овощами и другими съестными припасами. «А на Русьскую землю товара нет», — попрежнему вздыхает наш творец.

Никитин прибыл в Бидар 15 сентября, а через несколько дней он покинул его, так как 1 октября он уже был в Алланде. Там к этому времени открывалась ярмарка, съезжалась «вся страна Индейская торговати», и «тог торг лучший», — уверяет Никитин. Он пишет, что видал в Алланде, как «мамоны (змеи) ходять ноци да пмають куры, а живут в горе или камене». Змей-удавов видел он потом и в Бидаре (там «зми ходять по улицам, а длина ея две сажени»). Он передает также индусские легенды про обезьян, у которых есть свой язык и свой обезьяний князь. Ему жалуются обезьяны на свои обиды, и он жестоко мстит обидчикам, посылая на них свою рать, которой «вельми много». Рать убивает обидчиков и разносит их дома.

Но продав своего жеребца на ярмарке, Никитин 14 ноября возвратился в Бидар. В этот приезд он лучше знакомится со «столом Гулдустана Бесерменского». Бидар до сих пор является довольно значительным городом, но о прежней столице бахманшев напоминают только развалины. Сохранившаяся майолика, кое-где виднеющиеся блестящие краски, сложные, изумительные узоры на камнях — все это говорит о былом великолении дворцов бахманийских султанов. Недаром восхищенный Никитин писал: «Двор же его чуден вельми, все на выразе да на золоте, и последний камень вырезан да золотом описан вельми чудно». В город, а уж тем более в крепость, пускали далеко не всякого, спрашивали, что за человек путешественник и по каким делам прибыл. Всех входящих переписывали: «А в воротех селят по 100 сторожев да по 100 писцов кофаров (неверных индусов): кто поидеть они записывают, а гарниов (бедняков-чужеземцев) не пускают в град». Столицу крепко охраняли: «Бедерь стерегут в ноци тысяча человек кутоваловых (кутовал был нечто вроде градоначальника), а ездить на конех, да в доспесех, да у всех по светычу». Здесь,

наконец, Никитин продал своего жеребца, причем не скрывая пишет, что заработал много.

Царствовал в ту пору в Бидаре Мухаммед-шах II Бахмени. «А салтан не велик 20 лет», — записал Никитин, но ошибся: тому было целых 16 лет.

Конечно, Никитин не представлялся султану во дворце, а видел его только во время выездов, которые очень поразили скромного иверича. В своем «написании» он возвращается к этому пышному театральному зрелищу несколько раз.

Еще в XIX веке в столицах «независимых» княжеств Индии раджи и низамы любили показываться своему «возлюбленному народу» со всей торжественностью, ослепляя его пышностью и великолепием. В немногих словах Никитин рисует картину старой Индии, сказочной страны драгоценностей. В центре шествия находится молодой султан. Он весь украшен драгоценными камнями: на шапке громадный алмаз, одежда осыпана яхонтами, в золоте и драгоценностях оружие и сбруя. Перед султаном несут чхатра (зонт) — символ царского величия. Крутом султана вышше сновники с блестящей святой, музыканты, певцы, танцовщицы, жены, полуголые наложницы, верблюды с барабанами. С матерью и сестрой султана выезжают две тысячи женщин на конях.

Видел Никитин в этих шествиях и слонов. При обыкновенных выездах слонов вышшували, так сказать, в мирном одеянии, «в пополах сукняных», в праздник же байрам слонов облачали как на битву: они были в булатных доспехах, а на спинах носли «городки», то есть боседы, обованные железом, в которых сидели по шесть, а то и по двенадцать воинов с пушками и лищалями. К клькам слонов привязаны были два опромных меча, а хоботами они держали тяжелые гири. В процессии участвовал особый слон, которого Никитин называет «бланим». Этот слон шел перед султаном и был весь наряжен в камбу, «да чень у него велика железна во рте». Размахивая этой цепью, он не позволял никому приблизиться к султану: «обивает кони и люди, чтобы кто на султана не наступил близко».

Вокруг процессии пели, плясали, оглушительно ревели трубы трубников, пронзительно свистели «свирели», и все это покрывал могучий прохот барабанов. Стоял на всем пути этого шествия.

Не только султаны, но и «бояре сильны добро и пышны вельми», а вот, с грустью продолжает Никитин, «сельские люди голы вельми».

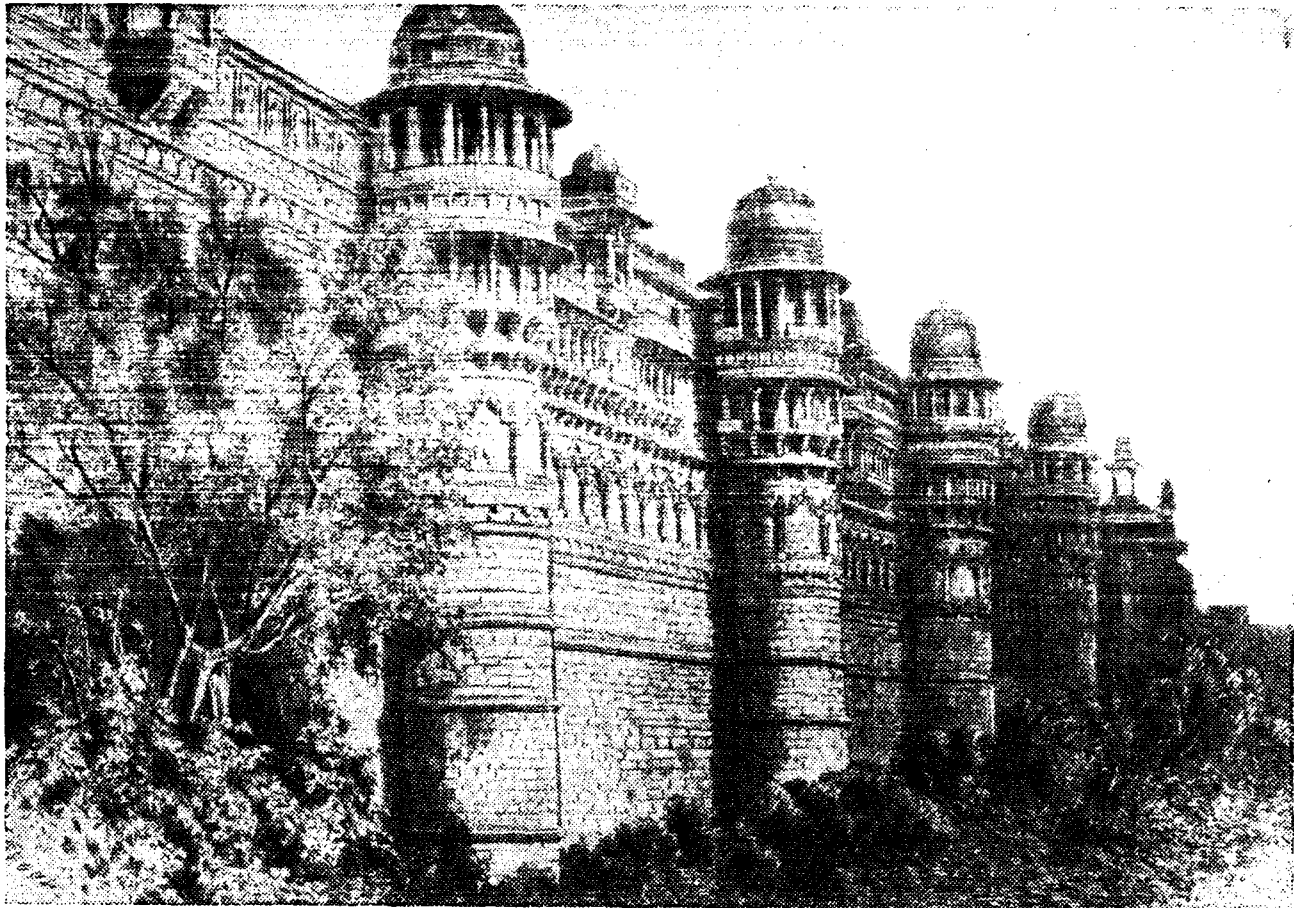
Никитин был единственным путешественником по Индии, увидавшим шзнанку

пышности и сказочного великолетия жизни султанов и их вельмож. Он сумел за внешним блеском и пышностью рассмотреть источник этого великолетия, понять, что все эти «вельми пышные» бояре, все «княжачие хоросанцы», все войско и сам султан живут за счет грабежа «вельми голого» сельского люда. Индусские крестьяне жили в ужасных условиях. Налог доходил до 50% их дохода. Кроме этого крестьянин должен был уделять значительную часть дохода местной сельской администрации, содержать храм, давать взятки начальству, а арендаторы должны были платить еще и арендную плату. Во время же войн крестьян одинаково грабили и свои и чужие войска. Кроме того крестьяне еще доставляли сотысячные ополчения.

Предубеждение Никитина против индусов, основанное на перенесенных им ранее неприятностях, постепенно рассеялось. Индусы же, узнав, что голубоглазый светловолосый путешественник — не мусульманин и, следовательно, не принадлежит к их притеснителям, тоже сблизилсь с Никитиным. Доверие их к этому путнику из далекой страны было так велико, что «они же, — как пишет Никитин, — не учали ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о намазу (намаз — молитва), ни о иных вещех, ни жон своим не учали крыти».

Возвратившись из Атланта, Никитин прожил в Бидаре четыре месяца, а в начале марта 1470 года новые друзья пригласили его отправиться вместе с ними в Парвату — «в их Ерусалим». В Парвате был храм Сивы, развалины которого найдены в дикой, незаселенной стране на южном берегу реки Кришны, в ста милях на юго-восток от Гайтарабада.

Храм поразил Никитина своими размерами. «А бутхана же (бут — посл. бутхана — капище) вельми велика, с пол Твери будет», — с удивлением записывает он. Группа храмов в Парвате, обнесенная одной стеной, судя по развалинам, занимала территорию свыше 250 метров в длину и около 150 метров в ширину. Вся бутхана «камена, да резаны по ней деяния Бутовы, как Бут чудеса творил, как ся им являл многымы образы». По описанию Никитина, бог «являл многымы образы: первое человеческим образом являлся; другое человек, а нос слонов, третье — человек, а виденье обезьянию» (Хануман — бог в виде обезьяны). Поразила его статуя Ханумана: «Вырезан из камени вельми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко, да простер, аки Устьян царь Паряградексы, а в левой руке у него коние, а на нем нет ничего... а гузно у него обязано ширинкою,

Индия. Дворец султана.

а виденье обезьянино». «А перед Бутом, — пишет он дальше, — стоит вол вельми велик (Нанди — бык Сивы), а вырезан из камня из черного, а весь позолочен». Индусы «щелкуют его в копыто, а сыплют на него цветы и на Бута сыплют цветы».

Видел Никитин и других идолов «и жоннок их с детьми». Затем описывает он религиозные церемонии индусов, которые ему пришлось наблюдать в Парвате. Не укрылись от наблюдательного тверича и поборы парватских жрецов. При входе в ограду храма взималась с молящихся особая пошлина: «Со всякия головы емлют по две шелкени пошлины на Бута, а с коней по четыре футы».

Сойдясь с гонимыми индусами, о которых Никитин пишет, что это «ни христиане, ни бесермени, а молятся каменным болванам, а Христа не знают», он многое узнал о жизни и обычаях старой Индии. «А вер в Индии всех 80 и 4», — отмечает Никитин. Но это заявление слишком решительно: ни индусам, ни европейским ученым до сих пор точно неизвестно, сколько в Индии сект. Все эти «веры», по описаниям Никитина, в основном одинаковы: «И они сказывают: веруем в Адама, а буты кажут то есть Адам и род его весь». Боги, следовательно, произошли от одного существа, названного Никитиным Адамом. Конечно, он никак не мог слышать от индусов об Адаме, а заменил

этим знакомым ему именем какое-то другое мифологическое название, исчезнувшее из его памяти, вернее всего, — Атма — дух и вместе с тем эпитет Брахмы.

«А вера с верою, — сообщает дальше Никитин, — ни пиеть, ни яст, ни женится». Тут, конечно, он говорит не о верах, а о кастах. Индус ни за что не стал бы есть с человеком другой касты, а уже мусульман и говорить нечего. Некоторые из них во время еды «от бесермян крыются, чтобы не посмотрел в горнец (котелок); посмотрел бесермени на еству и он не яст». Наиболее же нетерпимые шли еще дальше: «Ядят иные покрываются платом, чтобы никто не видел его». Описывает Никитин, как едят индусы: «А ядят все рукою правою, а левою не приметя ни за что, а ножа не держать, а ложки не знают». До недавних пор, по воззрениям индусов, есть левой рукой считалось грехом. «А ясти же садятся, — пишет он дальше, — ини омывают руки да и ноги, да и рот пополааскывают».

Пища индусов не пришлась по вкусу Пятитину. «А ества же их плоха, — вздыхает он, — ядят брынць да кичирь с маслом, да травы разные ядят, а варят с маслом да с молоком». Некоторые секты, например джайны, «не ядят ни которого мяса», но «иные же боранину, да куры, да рыбу, да яйца ядят, а воловины не ядят никакая вера». Никитин со-

Индия. Развалины храма богини Адинаг в крепости Гвалиор.

вершено правильно отмечает, что индусы не употребляют говядины. Убить корову, с индусской точки зрения, — большой грех, так как корова — представительница на земле богини Бхагавати: кто помолился и почтил корову, тот как бы почтил всю землю. «Индяне же, — пишет Никитин в другом месте, — вола зовут отцем, а корову матерью».

По словам Никитина, в Индии не пьют крепких напитков. Это не совсем точно. Правда, вино, по учению брахманов, — запретный напиток, но от самой глубокой древности встречается в художественных произведениях восторженное прославление вина. Да и сам Никитин пивал индийские вина, которые «чмят в великих оресеах» (орехах).

Описал Никитин, как индусы кланяются «по чернечьски», как они молятся: «Обе руки поднимают высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, да весь ся пстягнуть по земли».

Жизнь в Индии, по уверению Никитина, очень дорогая: «Жити в Гундустане ино вся собина (собственность, наличность) исхарчиги; зашь же у них все дорого: олин семи человек, ино по полутретья алтына (алтын—3 коп., или 6 денег) на день харчу идеть», и это еще при том условии, что он «вина семи не пивал, ни сыть». По русским ценам того времени, когда курица стоила 1½ копейки, деся-

ток яиц — ½ копейки, фунт коровьего масла — ½ копейки, центнер ржи — около 30 копеек, 7½ копеек могли считаться значительной суммой.

Находясь в Бидаре, Никитин собрал сведения о войнах, которые велись в то время. Поводом для войны мусульманских султанов против «неверных» мог быть любой пустяк: Мухаммед-шах I восстал, например, с царем Телингана потому, что тот осмелился купить коней, которых предлагал купить сам бахманийский султан. По первую войну, которую описывает Никитин, мусульманам пришлось вести в целях защиты своей торговли. Война велась против Санкара-раджи, управлявшего Кельной. Морские разбои были едва ли не главным занятием жителей Кельны. Сам раджа занимается пиратством и содержал для этой цели флот в 300 судов. Мусульмане, в руках которых находилась почти вся морская торговля, решили уничтожить это разбойничье гнездо. На Кельну двинулась из Бидара громадная флот под предводительством главного бахманийского саповника Малик-уттужара. «А рати с ним два ста тысячь, да слонов 100, да 300 верблюдов». Пираты отчаянно защищались, но были в конце концов разбиты, а Кельна разграблена. Вместе с Кельной мусульмане захватили важную пристань Гоа. «Меликучар, — рассказывает Никитин, — два города взял Индейския, что розбивали (корабли) по морю Индейскому».

Была также захвачена колоссальная добыча: «Юк (вьюк) яхонтов, да юк алмазу да кирпуков, да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчисленно рать взяла».

Мир длился недолго, и скоро началась война с царем Бижанагар. Бижанагар был столицей могущественного индусского царства. Его царям принадлежала значительная часть полуострова между малабарскими и коромандельскими берегами. Бижанагар долго был оплотом против распространения мусульманского владычества в Декане и пал только в половине XVI века. По описанию Аблар-Раззак, посла персидского шаха в Бижанагаре, этот богатый торговый город представлялся земным раем. Сюда свозили, по его уверению, товары со всего мира. Стены и потолок зала, в котором царь принимает посла, были сделаны из золотых листьев, украшенных драгоценными камнями. Для защиты своих богатств Бижанагар был окружен семью крепкими стенами.

Против богатого, сильного царя Бижанагара из Бидара было двинуто огромное войско. Перечисляя отдельные отряды, последние с самим султаном, с его братом и другими сановниками, Никитин с изумлением и чуть не с ужасом восклицает: «Такова сила султана бесерменьского». По его сведениям, в поход двинулось около 2 миллионов человек и 650 слонов. Видно, были собраны все силы Бахманийского царства, и пошли на войну все могущие носить оружие. Но все это грозное, неисчислимое войско почти ничего не сумело сделать: «Война ся им не удала, один город взяли индейской, а людей много изгубло, а казны много истеряли».

После взятия города, название которого Никитин не сообщает, войска осадили столицу. Осада была неудачна: «Под городом же стояла рать месяц, и люди померли с безводия, голов много вельми изгубло с голоду да с безводици». Видя, как тает войско, мусульмане кинулись на штурм, но те семи окружавших Бижанагар стен удалось взять только две первые. Победители «высекли 20 тысяч поголовия мужского и женского, а 20 тысяч полону взяли», но «казны не было ничего»: все драгоценности были заблаговременно скрыты в цитадели, которую так и не удалось взять («а большого града не взяли»).

Об этом грандиозном походе у других историков имеются лишь противоречивые сведения. Таким образом, Никитин был очевидцем одного из важнейших моментов в истории Декана. Без его описания мы бы не знали об этом неудачном походе, который положил начало концу Бахманийской династии.

Сделав Бидар как бы своей штаб-квартирой, Никитин много бродил по Декану. Побывал он, как мы знаем, в Алланде, сходил в Парвату, был в Бижанагаре, был и в Райчуре — области, где добывались драгоценные камни. Сообщает он тогдашние цены на алмазы. По его сведениям, почка (старинный русский вес драгоценных камней — около 1 грамма) алмаза стоила пять рублей, а хорошего — десять. Добрался он до Каликата. «А Калекот же есть приставище индейского моря всего», — пишет он и деловито указывает, что там родится: перец, анбирь, мускат, корица, гвоздика, и пр., и пр.

Никитин перечисляет еще ряд городов, в которых ему удалось побывать, но почти ничего не говорит о них. Зато он внес в свои записки сведения о странах, в которых сам не был, но о которых слышал. Пишет он о Сипляне, то есть Цейлоне, о Пегу, о каком-то загадочном «Шабантском приставище», или Шабате, и, наконец, о Чиню и Мачиню (Maha-Cini — Великий Китай, его южные области, Чин, — возможно, Южный Китай, вернее, Малакка). Он сообщает, чем богаты эти страны, чем там торгуют, какие там звери, как живут люди.

Шел 1471 год — пятый год скитаний Никитина. Стоскавался наш путник по Руси. Перечисляя виданные им места, он пишет, что в Брѹму хорошо, в Турции хорошо, в Валахии, в Подолии... все страны хороши, везде обилье, но нет прекраснее Руси: «Да сохранил бог землю русскую! Боже, сохрани ее! В этом мире нет подобной ей земли. Да устроится Русская земля!» — восклицает он страстно. Все виденное им великолепно, все чудеса заморские меркнут перед родимой Волгой с ее зелеными лугами, с темными, синими лесами, уходящими в Заволжье, к самому горизонту. Он любит всю Русь, а не только свою Тверь. Его устами говорит народ, почувствовавший свое единство, народ, вышедший на страшное Куликово поле, не считаясь, кто москвич, кто суздалец, кто нижегородец, и встретивший презную опасность, отбросив все розни своих князей.

Тоскуя, не спит Никитин ночами. Он ходит смотреть «на великоночное небо»: звезды-то должны быть теми же, что отсвечиваются в тихих волжских завоях. Но и звезды здесь другие, а свои, знакомые расположены совсем по-иному: «Волосыни (Плѹяды) да кола (Орион) в зорю вошли, а лось (Большая медведица) головою стоит на восток».

Но как добраться до родины? «Спаси мя господи, — пишет он с грустью, собрав отовсюду сведения, — пути не знаю, иже

камо поиду». И все равно он твердо «вздумал пойти на Русь». Повесегда простиравшись с Бидаром, Никитин стал зигзагами пробираться из глубины Декана к берегу. В начале 1472 года добрался он до Дабула, одной из важнейших пристаней малабарского побережья. Скоро он нашел попутчиков и после месячного плавания и целого ряда приключений высадился в Ормузе. Там он пробыл 20 дней, обдумывая, каким путем пробраться на Русь. А подумать было о чем: внутреннее положение Персии совсем не располагало к путешествиям по ней.

О всех войнах и непорядках в Персии Никитин слышал еще в Индии и обо всем записал в своем дневнике, но когда он приехал в Персию, там назревали новые столкновения, перед которыми бледнели все предыдущие.

Война в 1472 году в Персии уже началась, и Никитин пишет в своем дневнике, что Узун-Гасан «на Турьского (султана) послал рати своей 40 тысяч, ины Севаст (Сивас) взяли, а Тохтан (Токат) взяли да и пожгли, Амасию взяли и много направили кел, да пойти на Караман воюючи». Из Ормуза Никитин пошел вначале по знакомой дороге: Лар, Шираз, Ездихаст, Пспагань, Каман. Отсюда он свернул не на Барферуц, где пять лет тому назад высадился, переплыв Каспийское море, а пошел на Кум, Султание, Тавриз, в стан, или, как он называет, «орду» Узун-Гасана.

Живя в «орде» Узун-Гасана, он опять с отчаянием пишет: «Ано пути нету никуды». Но его отчаяние несколько непонятно. Почему Никитин не оправился тем же путем: Тавриз, Армения, Ширван, Каспийское море, устье Волги, — каким через полтора—два года ехали от Узун-Гасана московский посол Ивана III Марк Руф и венецианский — Контарини? Одно только можно предположить, что Никитин боялся Астрахани. Видно, даже пять лет скитаний не вывели из души Никитина страшного воспоминания о столкновении с татарами темной августовской ночью 1466 года, когда часть его спутников погибла, а он сам был ограблен. Из-за этого, надо думать, Никитин направил свой путь к Черному морю, в Трапезунд.

В Трапезунде, куда Никитин прибыл 1 октября, его проезд вызвал подозрение, так как решили, что он тенец Узун-Гасана, везущий важные, секретные бумаги. За ним установили наблюдение и подвергли его обыску. Турецкие чиновники тщательно искали «прамот» и, конечно, ничего не нашли, но, пользуясь случаем, «все что мелочь добренькая ини выграбили все», — melancholически сообщает Никитин.

Никитин поспешно договаривается о переезде через Черное море. С большим трудом переправится он, наконец, в Балаклаву и радостно, горло восклицает, что «милостью божией приидох три моря!»

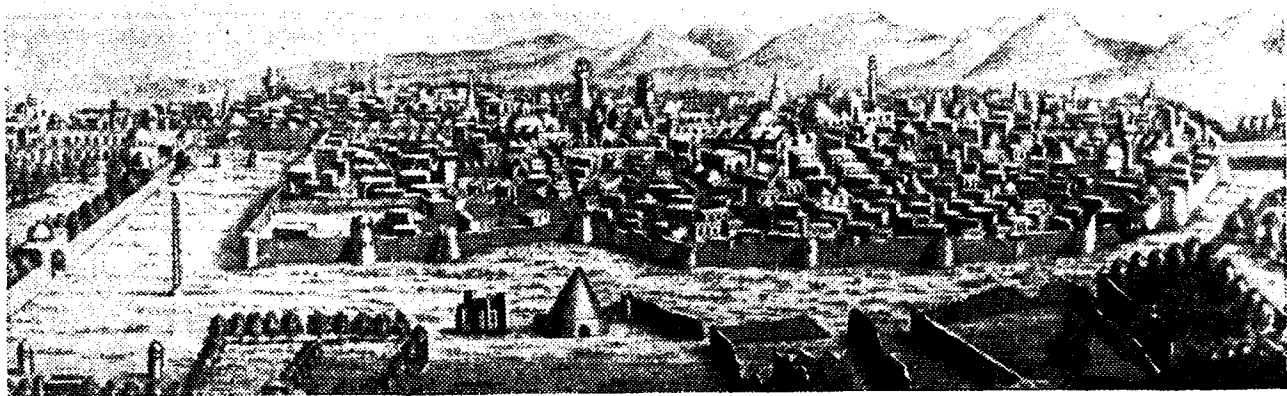
Никитин не остался в Балаклаве, хотя он был здесь ближе к Руси, а направился в Кафу — нынешнюю Феодосию. Пробирался по корабле вдоль берега, он «приидох в Кафу за 9 миль до Филиппова заговейна». Кафа доживала последние годы под властью генуэзцев, ибо в 1475 году она была взята турками.

Что тянуло его в Кафу? У Московской Руси были самые тесные торговые сношения с Крымом. Главным городом Крыма до возвышения Кафы был Сурож, теперешний Судак, поэтому и русские купцы, торгованные с Крымом, назывались сурожанами. Торговля с Крымом была в те времена делом трудным. Приходилось пробираться в Крым Литвой, где русских купцов крепко обижали «литовские люди», а то и просто грабили их товар. «Диким путем» идти было еще страшней. Там от нападений татар не спасали никакие великокняжеские грамоты, только меч с копьем да собственная храбрость были убедительными аргументами для степных разбойников. Торговлей с Крымом занимались поэтому наиболее смелые и предприимчивые купцы.

В XIII веке на развалинах старой греческой Феодосии генуэзцы основали Кафу. Скоро Кафа стала могущественным городом и завладела почти всем южным побережьем Крыма. В XIV и в начале XV века Кафа славилась своим богатством, роскошью, силой и предприимчивостью во всем тогдашнем мире. Недаром гордившаяся своей крымской колонией Генуя называла Кафу «владычицей великого моря». Русские купцы, естественно, перенесли свою торговлю в Кафу, но по старой памяти назывались сурожанами. Торговые сношения Руси с Крымом были так тесны, что в половине XIV века возникает в Кафе русское подворье с православной церковью.

Вот в это-то подворье и стремился Никитин. Там он, несомненно, встретится со своими земляками. Наконец-то он мог поговорить по-русски, разузнать все новости о своей родине. Петру трудно представить себе удивление русских купцов при появлении Никитина. К сожалению, записки ничего не говорят об этой встрече, но пишет Никитин и каким путем пошел он из Кафы на Русь. По из последующего ясно, что на переход «диким путем» он не рискнул, а отправился обычной дорогой сурожан — Литвой. Землепроходец, переплывший три моря, три года пробывший в Индии, счастливо пробравшийся сквозь персидский

Кафа.

Со старинной иностранной гравюры.

«булгак», все же не добрался до родной Твери и где-то, не доходя Смоленска, как узнал потом и записал летописец, умер.

* * *

Значение записок Никитина определил академик П. И. Срезневский еще в 50-х годах прошлого столетия. Он указывает, что записки Никитина представляют большой и разносторонний интерес, и высказывает сожаление, что Никитин умер, не успев обработать свои краткие записки и дать подробное описание виденных им чудес. «Как однако ни кратки записки, оставленные Никитиным («Афанасий Никитин. Ученые записки Российской Академии Наук». 1856. Кн. II, стр. 305—307), — пишет Срезневский, — все же и по ним можно судить о нем, как о замечательном русском человеке XV века. И в них он рисуется... как патриот, как человек не только бывалый, но и начитанный, а вместе с тем и как любознательный наблюдатель, как путешественник-писатель по времени очень замечательный, не хуже своих собратьев торговцев XV века. По времени, когда писаны, его записки принадлежат к числу самых важных памятников своего рода: рассказы Ди Конти и отчеты Васко де Гама одни могут быть поставлены вровень с «Хожением» Никитина... А что умно разнообразна была наблюдательность Никитина, в этом, кажется, нельзя сомневаться. И в этом отношении Никитин не ниже, если не выше его современников».

В восхищении от записок Никитина остался и другой исследователь путешествия Никитина по Индии, проф. И. П. Минаев («Старая Индия». Журнал Министерства народного просвещения за 1881 год, № 6, стр. 166; № 7, стр. 1—58).

«Предприимчивый тверич Аф. Ники-

тин, — пишет проф. Минаев, — был однако же замечательно умный и наблюдательный путешественник; его записки, конечно, не отличаются мастерством изложения, но в них зато нет и лишних слов, и на всех сообщениях лежит печать толковитости».

Сравнивая затем записки Никитина с западными памятниками эпохи великих географических открытий XV—XVI веков, Минаев утверждает, что, «уступая им часто в красоте изложения и богатстве фактических подробностей, тверич Никитин превосходит весьма многих беспристрастием, наблюдательностью и толковостью».

«Хожение» Никитина ценно для нас как памятник изумительной инициативы и отваги русского человека.

Смелость, отвага, стремление увидеть «неведомые от века земли», «камны (горы) яже досязати до облак небесных» всегда были неслыханными качествами русского народа. Несомненно, что на Руси было много интереснейших путешественников, но эти смелые землепроходцы не очень-то любили писать о своих странствованиях. Тем большую ценность представляет для нас никитинское «Хожение» как один из немногих дошедших до нас памятников русской предприимчивости.

Интересны записки Никитина еще тем, что показывают облик мыслящего человека XV века и дают представление об его интересах.

Русский народ дал ряд блестящих исследователей и путешественников, почетное место среди них должен занять и Афанасий Никитин. Он один из первых европейцев за 25 лет до Васко де Гама побывал в сказочной Индии и привез оттуда интереснейшие наблюдения, которые являются одним из немногих источников для ознакомления с жизнью и историей этой страны.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

1

В конце XII века монгольский народ как единое целое еще не существовал. В Монголии жили отдельные племена, говорившие на разных наречиях монгольского языка и стоявшие на разном культурном уровне. Одни племена жили в лесах, занимались звероловством и охотой, другие перешли к кочевому скотоводству, не порвав, однако, с облавной охотой на зверя как одним из видов своего хозяйства. Те племена, которые жили по соседству с дикими сибирскими племенами, были отсталыми; другие, находившиеся вблизи культуры Китая, стояли значительно выше по своему культурному уровню.

Среди племен Монголии в XII веке выделялось большое, пожалуй, даже самое большое, племя татар. Кочевало оно в восточной части Монголии, у озера Буир-Нур. Другим большим племенем являлись найманы, жившие в западной части Монголии, между Хангайскими горами и Алтаем. Третьим большим племенем были керейты, кочевавшие главным образом по рекам Орхону и Толе. Представители отдельных монгольских племен в сношениях с другими народами охотно называли себя татарами, что, конечно, объяснялось тем важным местом, которое татары занимали среди остальных монгольских племен. Впоследствии это имя стало общим именем для монгольских племен, объединившихся в один народ под властью Чингис-хана. Под именем татар монголы были известны у ряда арабских и персидских авторов XIII—XIV веков, а также в русских летописях.

Однако, хотя татары и были самым сильным из монгольских племен, наиболее культурными были найманы, жившие в западной части Монголии. Будучи ближе дружных к Семиречью и Туркестану, как Восточному, так и Западному, найманы раньше других восприняли письменность от уйгуров, народа тюркского происхождения. Через караванную торговлю и мусульманских купцов к ним шло культурное влияние среднеазиатских народов и городов.

К началу XIII века в степях обширной Монголии почти закончился процесс перехода от доклассового к раннему классовому обществу. Процесс образования классов у монголов был вызван не только причина-

ми внутреннего характера, но и сильным воздействием соседних культурных стран: с одной стороны — Китая и Тангут (Си-Ся), с другой — Средней Азии. По словам крупнейшего исследователя истории монголов покойного академика В. Я. Владимирцева, «один и тот же процесс наблюдается в монгольском родовом обществе XI—XII веков у всех племен и народностей, за исключением «лесных», о которых нет точных данных. Везде и всюду выделяются дома, «большие семьи», просто семьи, которые или ответвляются от своего рода, образуя новое родовое сообщество, во главе которого они и становятся, или же занимают плачевное положение в старом роде... Имущественное неравенство является основой наблюдаемого процесса. Богатые и богатеющие скотоводы пытаются укрепить и упрочить свое положение. Бедняки сопротивляются; но они принуждаются идти к богатым, жить при них в качестве их пастухов и прислужников, кочуя вместе с ними...

Весь процесс этот можно охарактеризовать как образование степной родовой аристократии, выросшей на почве индивидуалистического кочевого хозяйства, выросшей из борьбы с хозяйственно слабыми группами» (В. Я. Владимирцев «Общественный строй монголов», стр. 73—74).

Превратившись в классовое, монгольское общество не перестало, однако, жить родоплеменными отношениями, как это всегда в подобных случаях происходит с кочевниками-скотоводами. Монгольский род являлся союзом кровных родственников, в котором все считали себя происходящими от одного общего предка и где браки не могли совершаться внутри рода (мужчина должен был брать себе в жены девушку только из другого рода). Вместе с тем в эту эпоху монгольский род перешел уже к индивидуальному хозяйству, которое и велось каждой самостоятельной патриархальной семьей, именуемой по-монгольски аилом. Однако пастбища продолжали оставаться в родовом пользовании. Для монгольского рода этой эпохи характерны также кровная месть и преимущественные права в наследовании у младшего сына. Наиболее важной чертой монгольского общества конца XII и начала XIII века является аил — патриархальная семья, самостоятельно ведущая свое скотоводческое хозяйство. В из-

вестном смысле это как бы основная клетка монгольского общества.

Став классовым, общество это имело уже свою влиятельную аристократию, которая и стояла во главе отдельных родов и племен. Таким образом, наряду с множеством трудящихся анлов, существовало небольшое количество аристократических анлов, представители которых носили титулы: баатур (богатырь), билге (мудрый), сечен (мудрый), мерген (меткий стрелок), нойон (князек). Позже последним термином обозначали лицо, которое мы можем определить как феодала вообще.

Степная аристократия, сосредоточившая в своих руках огромное количество скота, стоявшая во главе родов и племен и распорядившаяся благодаря этому большими территориями пастбищ и источниками воды, держала около себя хорошо вооруженных дружинников, с которыми ходила на облавные охоты, делала набеги на соседние или даже отдаленные племена, уводила в случае победы добычу, в том числе и пленных, по большей части молодежь, — мужчин и женщин. Дружинников этих звали нукерами, и были они по большей части из той же аристократической среды, из которой происходили и те, у кого они были на службе. Нукеры — основная сила, прежде всего военная, опираясь на которую степная аристократия имела возможность подчинить себе трудящуюся массу кочевников и навязать ей определенные повинности. Опираясь на нукеров, монгольские нойоны установили постепенно феодальные формы эксплуатации.

Совершенно правильно Б. Я. Владимирцев писал: «Нукерство знаменует дальнейшее разложение родового быта и закабаление простого народа, который, в конце концов, и должен был содержать эти аристократические шайки» (там же, стр. 95).

Основную массу кочевников составлял харачу — простой народ, черный люд. Это и были непосредственные производители, жившие патриархальными семьями — аилами, — входившими вместе в определенный род и племя.

Харачу не сразу потерял свою прежнюю свободу. Во времена Чингис-хана, т. е. к началу XIII века, уже появились некоторые факты, которые можно характеризовать как факты феодальной эксплуатации. Впоследствии, т. е. уже в XIII веке, эти повинности, по словам Б. Я. Владимирцева, выражались «в предоставлении мелкого скота на убой и в отправлении в ставки феодалов на срок известного количества дойных животных, главным образом, кобылиц, чтобы в ставках могли пользоваться их молоком» (там же, стр. 113).

Однако нельзя преувеличивать для конца XII века фактов феодальных отношений. До выступления на исторической арене Чингис-хана о монголах можно говорить как об обществе дофеодальном, или, точнее, варварском.

В это время немалую роль в хозяйстве и общественных отношениях монгольского общества играли рабы. Главным источником рабства являлись войны отдельных племен друг с другом, когда наряду со скотом победители уводили и людей. Рабы использовались в кочевом хозяйстве по преимуществу в качестве пастухов и домашней прислуги. Редко рабство было наследственным. Чаще всего во втором поколении рабы получали освобождение и вновь входили в качестве свободных или полусвободных в состав харачу, т. е. простого народа. Рабами владели не только аристократические семьи: рабов можно было найти и в составе простой патриархальной семьи — аила. В условиях кочевого скотоводства в монгольском родо-племенном обществе сложилась своеобразная категория зависимости, носитель которой по-монгольски назывался унаган-богомом. В частых набегах друг на друга монгольские племена или отдельные роды становились в отношении победителей к побежденным. По словам Рашид-ад-дина, когда Чингис-хан покорил племена тайджигут, урут и маньгут, он сделал их своими унаган-боголами. Унаган-богомство было состоянием своеобразной зависимости, когда покоренный род или племя в целом обязаны были повинностями своим победителям. Так, аристократические семьи покоренного рода или племени обязаны были «благородной» службой главам рода-победителя, а простые семьи — грубой, «черной» работой. Эта зависимость была особенно тяжела для харачу покоренного племени, поскольку простой народ, кроме службы своей аристократии, должен был работать и на новых господ в лице знати победившего племени.

Таким в кратких чертах было монгольское общество, когда на историческую арену выступил в самом начале XIII века Темучин, вошедший в историю под именем Чингис-хана.

2

По реке Онону в Монголии среди прочих племен и родов кочевал род монголов, прославившихся во второй половине XII века своими предводителями, производившими со своими сильными дружинами удачные набеги на Китай. От этих-то монголов и отпочковался новый род — Борджигин, — из которого выпел Темучин. Был он сыном баатура Есугея, родился в 1155 году

на реке Ононе и здесь, в богатой ставке отца, провел свое детство.

Отец Темучина, баатур Есугей, был одним из самых влиятельных людей в долине реки Онона. Он имел большое количество крупного и мелкого скота, нескольких жен, у которых были свои ставки, сильную, хорошо вооруженную дружину, опираясь на которую и установил свое влияние и власть в степи.

Темучин был энергичным, сильным, находчивым, властным человеком. Ловкость Темучина, способность удачно провести облавную охоту или совершить лихой набег на неосторожного соседа привлекали к нему многих людей. Около Темучина стали собираться нукеры, готовые исполнять его приказания. Молва о молодом и сильном Темучине дошла до Дай-сечена, который, согласно когда-то данному слову, выдал за него свою красивую дочь Борте. Для Темучина брак этот был важен, ибо давал ему в случае нужды опору в лице племени хунгиратов.

Весьма благоприятно для Темучина сложилась и политическая обстановка. Северный Китай, бывший под властью династии Цзинь, но раз подвергался нападению со стороны большого племени татар. Вот почему представители этой династии всячески старались посорить татар с другими племенами, особенно с упомянутыми выше керентами, во главе которых стоял Тогрулхан, принявший титул Ван-хана. С ним и завязал сношения Темучин. Ван-хан приветливо принял последнего и обещал ему всяческую поддержку.

Монголия на грани XII и XIII веков переживала не только бурный процесс классовобразования, но и естественный процесс объединения отдельных племен в единый монгольский народ под властью сильного хана. В разных частях Монголии делались подобные попытки. Сначала эти попытки захватывали отдельные части страны и группы племен. Сделана была попытка подобного рода и в долине реки Онона. Фигура Темучина была настолько ярка, что представители монгольской знати решили провозгласить его каганом. «Сокровенное сказание» рассказывает о том, каковы в то время были представления монголов о правах кагана. Алтан, Кучар и другие баатуры будто бы так сообщили Темучину о его избрании: «Мы хотим провозгласить тебя царем (хааном). Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми и, если полоним прекрасных девиц и жен, да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных (нами) зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы, или

в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях» (там же, стр. 80).

Тогда же Темучин получил и имя Чингис-хана. До сих пор специалисты-монголоведы не могут точно объяснить происхождение этого имени. Видимому, термин «Чингис» связан с представлением о могущественном духе, которого почитали монголы, придерживавшиеся шаманизма.

Однако провозглашение Чингис-хана (так будем называть теперь Темучина) каганом не давало ему еще власти. Ее нужно было завоевать у ряда сильных и могущественных ханов, управлявших татарами, керентами и найманами. Столкновение должно было произойти у Чингис-хана прежде всего с татарами. Обстановка складывалась явно в его пользу. Цзиньская династия открывала против татар серьезные военные действия. К китайцам присоединился Ван-хан керентский, что уже предвещало исход борьбы. Чингис-хан это прекрасно учитывал и без колебания присоединился к этому союзу. Татары были разгромлены. Победители, в том числе и Чингис-хан, овладели большой добычей.

Весь политический путь Чингис-хана носил ярко выраженный аристократический характер. Борьба шла не только за то, чтобы подчинить чингисовой власти всех влиятельных баатуров и ханов с их родами и племенами, но и за то, чтобы закрепить в большей мере чем раньше власть степной аристократии над кочевой народной массой.

Академик В. В. Бартольд в своей статье «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» пишет: «В рассказе монгольского предания об образовании империи Чингиз-хана вполне определенно говорится о борьбе между степной аристократией и народными массами... Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти; кочевой народ может жить дольше всех без хана, и когда является хан, то его борьба за власть со своим собственным народом сопровождается еще большим кровопролитием, чем последующие завоевания кочевников в культурных землях» (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Госуд. университете. Т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 3).

И действительно, в самой Монголии образовался союз, который не желал мириться с Чингис-ханом не только потому, что тот хотел подчинить своей власти наибольшее количество родов и племен, но и потому, что видел в нем человека, который резко брал курс на полное подчине-

ние народной массы кочевников степной аристократии. В союз этот входили все недовольные новыми порядками мелкие племена и роды, особенно унаган-боголы. Было бы ошибкой думать, что здесь не было представителей степной аристократии. В союз вошло немало лично враждебных Чингис-хану баатуров. Во главе этого движения, которое В. В. Бартольд определял как демократическое, встал прежний анда (названный брат) Чингис-хана Джамуга, принадлежавший к знати из рода Джадарат.

Джамуга пустил в ход все средства, чтобы поссорить Чингис-хана с Ван-ханом керентским. Это было явно невыгодно в то время Чингис-хану, и он всячески старался сохранить прежнюю дружбу с Ван-ханом. Он даже хотел породниться с ним и женить своего старшего сына, Джучи, на дочери Ван-хана Чаур-беги. Ван-хан отвергнул, однако, притязания Чингис-хана и отказался выдать свою дочь за Джучи. Отношения между двумя степными государями резко ухудшились, и столкновение между ними стало неизбежным.

Чингис-хан к борьбе готовился продуманно, осторожно, ища все время удобного случая, чтобы чем-нибудь усыпить бдительность Ван-хана и неожиданно напасть на его ставку. Такой случай вскоре подвернулся. Чингис-хан со своими войсками получил сведения о местоположении лагеря Ван-хана, быстро прошел к указанному месту, окружил керентского хана и после жестокого сражения овладел его ставкой. С трудом Ван-хану удалось бежать, однако вскоре он был настигнут и убит.

Разгром керентов имел огромные последствия для судьбы Чингис-хана. Самый сильный из степных государей был устранен с его политического пути. Как самостоятельная единица керенты перестали существовать; по частям Чингис-хан раздал их своим приверженцам, знать же керентскую включил в свою дружину. Видя, что Чингис-хан победил керентов, Джамуга сделал все, чтобы поднять против победителя большое племя найманов на западе Монголии. Выше уже говорилось, что они благодаря сношениям с культурными землями Восточного Туркестана, Семиречья и Средней Азии имели уже шивенность (уйгурское шество).

Во главе найманов стояли Таян-хан и его талантливый сын Кучлук. Чингис-хан сам прекрасно понимал, что до тех пор он не будет подлинным государем в Монголии, пока найманы будут независимы. Никогда до сего времени он так не готовился к походу. Немало услуг оказали ему в организации этого похода мусульманские купцы, державшие тогда в своих руках всю караванную торговлю Средней Азии с

Монголией и Китаем. Они снабжали Чингис-хана всеми нужными ему сведениями как о найманах, так и о положении западных стран: Семиречья и Мавераннахра (область Средней Азии между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей). В поход против найманов Чингис-хан отправился в 1204 году. И здесь, так же как и в предшествующих битвах, Чингис-хан оказался победителем. Однако совсем подчинить найманов Чингис-хану не удалось. Сын Таян-хана найманского Кучлук с немалым количеством найманов перешел в Семиречье к господствовавшим тогда там кара-китаям. Для Чингис-хана это было большим осложнением, ибо со стороны Семиречья Кучлук мог делать постоянные набеги на Монголию. Однако Чингис-хан не мог позволить себе выйти за пределы своей страны, так как у него в тылу был серьезный враг — Джамуга. Впрочем, силы у них были неравные. От Джамуги отходили один за другим его соратники, пока, наконец, не растаяло почти все его войско.

3

Борьба, которую так удачно провел Чингис-хан, закончилась в 1206 году курултаем (собранием) всей монгольской знати. Здесь в торжественной обстановке Чингис-хана провозгласили всемонгольским каганом, т. е. официально и юридически закрепили то, что фактически было добыто оружием.

Подавляющему большинству монгольской знати успехи Чингис-хана были по душе. Монгольская знать не только закрепляла свое господствующее положение в родо-племенных организациях, но и в качестве участников и командного состава организованного Чингис-ханом войска могла рассчитывать на большую долю добычи в любом предприятии Чингис-ханом походе. Уже в процессе самой борьбы за власть Чингис-хан сколачивал свое хорошо вооруженное и дисциплинированное войско. По видимому, к 1206 году военная организация у монголов была в основном закончена. Согласно старинному обычаю, все войско монголов было разбито на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, так называемые тумены (тымы). Все мужское население, способное носить оружие, обязано было входить в качестве воинов в эту организацию.

Деление на десятки, сотни и т. д. тесным образом было связано с родо-племенным строем. Так, десяток, сотня составлялись из одного какого-нибудь рода, тысяча — из племени или двух племен. Находясь как бы в полном соответствии с родо-племенной организацией, деление это в свою очередь оказывало разрушающее

влияние на целостность того или иного рода или племени, поскольку в ряде случаев сотни составлялись из двух родов, а тысячи и, во всяком случае, тумены — из нескольких племен. Во главе сотни тысячи становились представители родо-племенной знати, во главе туменов — лица из чингисова дома.

Таким образом, все командные должности монгольского войска находились в руках господствующего класса монголов. Выше мы указывали, что аил (патриархальная семья, самостоятельно ведущая свое скотоводческое хозяйство) являлся как бы клеткой монгольского общества, теперь мы можем прибавить, что мужская часть аила, способная носить оружие, была элементом, из которого складывалось войско монголов. Чингис-хан усовершенствовал существовавшую до него военную систему, превратил войско в железную организацию, сильную не только численно, но и своей дисциплиной.

Особое внимание Чингис-хан обратил на создание своей знаменитой гвардии, именуемой по-монгольски кешик. Набирал он эту гвардию главным образом из отборной аристократической молодежи, которая должна была быть предельно покорной любому его приказанию. Гвардия эта была надежной опорой Чингис-хана, с ней он ходил в походы, на нее опирался для закрепления своей власти над монгольским народом и с помощью ее подавлял всякое недовольство.

Параллельно с созданием войска Чингис-хан работал над организацией внутреннего устройства монгольского государства. Здесь прежде всего необходимо отметить тот факт, что только теперь, после полной победы Чингис-хана над всеми своими противниками, можно говорить о едином монгольском народе. Кстати, только после курултая 1206 года на реке Ононе начинает употребляться термин «монголы» как обозначение не только «золотого рода», из которого происходил Чингис-хан, но и всего народа. Выше мы указывали, что сам народ себя обозначал термином «татары». Таким образом, название «монголы» первоначально было не народным, а официальным.

Объединив под своей властью всех монголов, Чингис-хан старался получить от более культурных племен все их культурные ценности. Так, от найманов остальные монголы при Чингис-хане получили письменность (уйгурский алфавит). Однако число грамотных в Монголии в начале XIII века было весьма незначительно. Характерно, что сам Чингис-хан до конца своей жизни так и не научился ни писать, ни читать. В это же время, повидимому, Чингис-хан положил начало записи «джаса-

ка», или «ясака», обычного монгольского права, нормами которого фактически управлялось монгольское общество. О составлении ясака Чингис-хан заботился всю свою жизнь. К сожалению, от ясака почти не сохранилось никаких документов; имеются только небольшие фрагменты, заключенные в арабских, персидских и других источниках. Тогда же складывались и «биллики», т. е. «изречения», высказанные Чингис-ханом по разным конкретным случаям.

Чингис-хан работал над организацией своего государства во время почти непрерывных походов. Так, уже в 1207 году он отправил своего сына Джучи на завоевание киргизов и других народов, живших по Енисею. Места эти были богаты пушьяной и отчасти хлебом. Это уже был выход за пределы собственно Монголии.

В 1211 году Чингис-хан сделал попытку подчинить своей власти северную часть Семиречья, чтобы отсюда ударить по Кучлукку и его найманам и раз навсегда с ними покончить. Однако этого в ближайшее время ему не пришлось совершить. Его тянуло в другую сторону, на юг, к Китаю.

Со времен глубокой древности кочевники, жившие к северу от Китая, делали набеги на жителей этой богатой и культурной страны. Не напрасно правители древнего Китая отгородились от кочевников Великой китайской стеной, представлявшей собой сложную систему укреплений.

Чингис-хана, как и его предшественников, создателей больших кочевых государств, тянуло за Китайскую стену, где в удачном набеге можно было получить большую добычу. Имея огромную, хорошо вооруженную конную армию, Чингис-хан мог думать не о простом набеге, а о серьезном, длительном походе. На северозапад от тогдашнего Китая лежала богатая страна тангутов (Ся-Ся). В 1209 году Чингис-хан совершил туда набег и увез большую добычу. Поход на тангутов в известном смысле можно рассматривать как подготовку к походу на Китай.

В том самом, 1211 году, когда полководец Чингис-хана Хубилай захватил северную часть Семиречья, войска самого Чингис-хана выступили в Северный Китай, находившийся под властью династии Цзинь. К походу на Китай Чингис-хан готовился долго.

Прежде чем отправиться в путь, Чингис-хан через онгутов (монгольское племя, жившее вдоль Китайской стены), а также через мусульманских купцов, торговавших с Китаем, получил все необходимые сведения о дорогах, городах, их богатстве, о прочности власти, о настроении внутри страны, об отношениях между джурдженими, китайцами и киданями (кара-китаями)

и т. д. В поход он взял своих четырех сыновей: Джучи, Чагатай, Угэдея и Тулуя, — а также наиболее способных своих полководцев: Джебе и Субэдея.

Пройдя Китайскую стену, Чингис-хан встретился на северных окраинах Китая с большой цзиньской армией, во главе которой стоял Дашин, и разбил ее, после чего захватил три больших города, в том числе и Фучжоу. Эти победы открыли монголам путь на Пекин, который был оставлен в покое, так как, по мнению Чингис-хана, не стоило тратить сил на его осаду. В сравнительно короткое время войска монголов захватили почти все земли цзиньского государства.

Движение и бои монголов сопровождались насилием, грабежом и пожарами. В 1214 году армия монголов с большой добычей по приказу Чингис-хана собралась в обратный поход. Чингис-хан считал войну удачной, в добычу видел законную награду и намерения оккупировать земли Северного Китая не имел. Вот почему, находясь в лагере вблизи Пекина, он отправил послов к китайскому императору, предлагая заключить мир на условиях дани и выдачи замуж за него императорской дочери. Условие было принято и мир заключен.

Однако мир продолжался недолго. Нарушен он был самим Чингис-ханом. Вновь монгольские войска двинулись по дорогам Северного Китая. На этот раз Чингис-хан сумел в большей мере чем во время первого похода использовать вражду киданей с китайцами. Благодаря ей Пекин был взят сравнительно легко в 1215 году. Теперь Чингис-хан иначе взглянул на свои военные успехи: он решил не только овладеть большой добычей, но и захватить власть в Северном Китае, свергнув царствовавшую там династию Цзинь. Пекин был сделан столицей Северного Китая и получил тюркское имя Ханбалык, что значит ханский город.

Походы в Китай имели огромное значение для всего монгольского государства. Дело здесь не только в том, что с Чингис-ханом из последнего похода пришла несметная добыча в виде золотых и серебряных сосудов, прекрасных шелковых тканей, рабов, рабынь и т. д., а в том, что монголы в Китае познакомились с высокой для того времени техникой, особенно техникой военного дела.

Чингис-хан и его сподвижники увезли из Китая большое количество вооружения, осадные машины, главное же, людей, которые умели не только пользоваться ими, но и делать их. Чингис-хан, как умный человек и дальновидный политик, умел ценить ремесленников, художников и ученых.

Закрепив свои завоевания в Северном Китае, Чингис-хан обратил свое внимание на запад, в сторону Семиречья. Выше уже упоминалось, что в Семиречье ушел один из серьезных врагов Чингис-хана — Кучлук, хан найманов. Сам по себе он не был бы опасен, но дело в том, что ему удалось образовать в короткое время довольно большое государство на территории Яркенда, Хотана, Кашгара, Семиречья и Ферганы.

Возникло это государство на развалинах власти кара-китаев (киданей), которые в течение почти 80 лет хозяйничали в этих местах и даже получали дань с культурных областей Средней Азии. Государство Кучлука оказалось, однако, непрочным. Кучлук не сумел наладить хороших отношений с мусульманской частью населения в подвластных ему областях. Более того, без всяких серьезных к тому оснований Кучлук начал гонения на мусульман и требовал от них перехода в другую веру. Чингис-хан был в курсе всего того, что происходило в Семиречье, и решил, что Кучлук не сможет оказать ему серьезного сопротивления. Отправляя войска во главе с одним из лучших своих полководцев, Джебе, он наказал ему привлечь рядом мероприятий на свою сторону мусульман, правильно считая, что они не станут защищать ненавистную им власть Кучлука.

Однако не он один хотел завоевать государство Кучлука. На югозапад от Семиречья лежали богатые, культурные земли Средней Азии, города Самарканд, Бухара, Мерв, Ургенч и другие. Страна, расположенная в Междуречье, т. е. между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, представляла всегда для всех кочевников древности и средневековья большой соблазн. Походы сюда сулили большую добычу, систематические дани. Педавшие завоеватели — кара-китаи (кидани), — сидя в Семиречье в течение 80 лет, перед захватом власти Кучлуком взимали дани с городов и селений по Сыр-Дарье, Заравшану, Кашка-Дарье и отчасти Аму-Дарье.

Однако обстановка в оседлой части Средней Азии с конца XII и начала XIII века значительно изменилась. На политической арене Ирана и Средней Азии появились новые сильные владетели. В Хорезме, небольшом, но богатом государстве, расположенном в нижнем течении Аму-Дарьи, преимущественно на ее левом берегу, росли захватнические тенденции хорезмшахов, как издревле назывались его государи. Сначала при Текеше (1172—1200), а потом при Мухаммеде (1200—1220) Хорезм из небольшого княжества сделался одним из могущественных государств на Востоке. Мухаммед-хорезмшах владел уже

Большей частью Ирана и областями Средней Азии до Сыр-Дарьи. В его представлении не было в Азии силы, которую можно было противопоставить его могуществу и богатству.

Высказываемые города Средней Азии, а также принадлежавшие хорезмшаху города Ирана: Балх, Герат, Нишапур и другие — славятся на всем мусульманском Востоке развитой ремесленной промышленностью, оживленными базарами, красивыми постройками. С городов этих шли большие доходы в казну Мухаммеда. Однако еще большие доходы в виде хараджа (земельного налога) получал он с сельского земледельческого населения подвластных ему областей Ирана и Средней Азии.

Хорезмшах Мухаммед имел большое хорошо вооруженное войско, считал себя непобедимым властителем и присвоил себе в качестве титулов имена Александра Великого и Султана Салджара. Но в государстве хорезмшаха Мухаммеда не было единства в господствующих классах. Там все время шла борьба между самим государем и его феодально-чиновным окружением, с одной стороны, и тюрокской гвардией и мусульманским духовенством — с другой. Последнюю группировку возглавляла сама мать Мухаммеда-хорезмшаха Туркан-хатун. Да и феодальная структура государства, когда многие города имели своих наследственных владетелей, мешала установлению твердой центральной власти.

Ко всему прочему династия хорезмшахов в лице своего последнего представителя была весьма непопулярна в народных массах Средней Азии, ибо с центральной властью и ее чиновниками связаны были представления о тяжелых налогах, о чиновниках, выжимавших из населения всевозможные поборы и злоупотреблявших своей властью.

Мухаммед-хорезмшах с неослабным вниманием следила за тем, что происходило на северо-восточных границах Средней Азии. Он не мог равнодушно смотреть на успехи Кучлук-найманского, ни тем более на нашествия, творимые над мусульманами, ни, наконец, на создание большой монгольской державы Чингис-хана. До него через мусульманских купцов, среди которых было немало хорезмийцев, ходивших с караванами в Монголию и Китай, доходили подробные сведения о политической обстановке в Монголии, о победах Чингис-хана в Китае, о качестве его войска и т. д.

Хорезмшах Мухаммед хорошо понимал, что вмешательство Чингис-хана в дела Семиречья и возможное завоевание им этой страны рано или поздно приведут Хорезм к столкновению с монголами.

Чингис-хан в свою очередь тщательно готовился к войне в Средней Азии. Прежде всего он ждал результатов похода Джебе в Семиречье. Последний быстро шел от победы к победе. Используя ненависть мусульман к Кучлuku, Джебе захватил такую большую толпу города, как Кашгар и Баласагун. Завоевание Семиречья было очень важно для Чингис-хана, поскольку ему необходима была хорошая база и безопасный тыл. Но по численности В. В. Бартольда, в войске Чингис-хана было не менее 150 тысяч и не более 200 тысяч человек.

Мухаммед-хорезмшах правильно считал, что с Чингис-ханом нужно сразиться как можно скорее, пока он еще не достиг непреодолимого могущества. Но хорезмшах не сумел осуществить свои замыслы на практике. На военном совете в Ургенче один из умнейших деятелей хорезмского государства, Шихаб-аддин Хиваки, предложил Мухаммеду как можно скорее собрать большую армию и дать генеральное сражение Чингис-хану на границе государства, у Сыр-Дарьи. Мухаммед отказался от наступательных действий и предпочел метод пассивной обороны, защиты страны, опираясь на укрепленные города: Бухару, Самарканд и другие.

Чингис-хан, отправляясь в поход, был осведомлен в делах Средней Азии еще лучше чем в китайских перед завоеванием Северного Китая. Мусульманские купцы снабдили его всеми необходимыми сведениями о состоянии дорог, мостов, о количестве населения в городах и т. д. Армия Чингис-хана имела большое количество осадных машин как китайского происхождения, так и сделанных руками среднеазиатских ремесленников, захваченных в Семиречье.

В 1219 году первый большой отряд монгольских войск осадил Отрар. Город был хорошо укреплен, в силу чего для осады крепости Чингис-хан оставил специальное войско под начальством своих сыновей Чагатая и Угэдея.

Второй большой отряд был отправлен для завоевания городов Султая, Джанды и других, лежащих внизу по Сыр-Дарье. По окончании этой операции стоявший во главе отряда старший сын Чингис-хана Джучи должен был отправиться для осады столицы хорезмского государства — Ургенча.

Сам же Чингис-хан с главными силами двинулся зимой прямой дорогой через пустыни по направлению к Бухаре. В феврале 1220 года войска его стояли у стен древнего города. Для жителей Бухары такое быстрое появление монголов было совершенно неожиданным. Мухаммед-хорезмшах не успел даже как следует укрепить

Бухару. В самом городе гарнизон был невелик; по одним сведениям, здесь имелось 30 тысяч войска, а по другим, — всего 12 тысяч. Начальник гарнизона Инанч-хан бросил жителей на произвол судьбы, сам же пробился сквозь ряды осаждавшего войска в Хорезм. Жители героически защищались, несколько сот смельчаков заперлись в цитадели, однако города отстоять не смогли. Монголы без особого труда ворвались в город, но цитадели не могли взять в течение 12 дней: горсть смельчаков героически защищала каждый клочок земли. В захваченном городе был произведен страшный разгром. Несмотря на неравные силы многие из жителей сопротивлялись врагу, проявляя чудеса храбрости. Разграбленный город, подожженный монголами, сгорел дотла.

Покончив с Бухарой, Чингис-хан в марте того же, 1220 года повернул свои главные силы в сторону Самарканда.

Самарканд был хорошо укреплен, имел большой гарнизон, в котором, по одним сведениям, было около 110 тысяч воинов, а по другим, — 40 тысяч. Если даже более достоверна вторая цифра, все же сопротивляться Самарканд мог долго и успешно. Жители полны были желанием защищаться до конца. Однако ни начальник гарнизона Тугай-хан, ни другие представители светской и духовной знати города не поддерживали стремлений народа.

По словам Рашид-ад-дина, кади — главный судья Самарканда, — шейх-ал-ислам — глава духовенства — и несколько имамов оказались предателями; пользуясь поддержкой Тугай-хана, они сдали город монголам. Разгром, учиненный монголами в Самарканде, не поддается описанию. Победители избивали женщин, детей, стариков, уносили все, что можно было захватить с собой ценного из охваченного пожаром города, а захваченных людей, особенно ремесленников, направляли в тыл, на услужение начальникам войска. По словам проехавшего вскоре через Самарканд китайского путешественника Чан-Чуня, в городе осталось не более четверти прежнего населения.

Параллельно с осадой Бухары и Самарканда шла борьба и в других местах Средней Азии. Там, где находились честные и храбрые военачальники, сопротивление продолжалось долго и оттягивало большие монгольские силы. Как яркий образец такой храбрости можно привести организацию обороны Ходжента его наместником Тимур-меликом.

После взятия Самарканда Чингис-хан дал отдых главным своим силам. Теперь его более всего интересовал сам хорезмшах Мухаммед. После взятия Бухары и Самарканда захватить последнего означало за-

кончить войну. Хорезмшах непосредственного участия в войне не принимал. После же взятия двух больших городов и захвата всей богатой долины реки Заравшана он искал случая покинуть Хорезм. Под предлогом сбора нового войска в северовосточных областях Ирана он покинул Среднюю Азию.

Узнав об этом, Чингис-хан быстро отправил монгольский отряд под начальством Лжебе и Субудея в погоню за бежавшим хорезмшахом. Однако отряд не успел догнать Мухаммеда. Замученный погоней, хорезмшах умер на острове Каспийского моря, вблизи города Абескуна. Вслед за хорезмшахом Мухаммедом бежала из Хорезма и его мать Туркан-хатун. Впрочем, спастись от монголов ей и ее двору не удалось. В одной из крепостей северного Ирана она была взята в плен. Средняя Азия в не завоеванных монголами областях осталась фактически без главы.

Для полного завоевания страны Чингис-хан должен был захватить еще Мерв и Ургенч — столицу покинутого государства. В 1221 году младший сын Чингис-хана, Тулуй, взял Мерв. Теперь Чингис-хан мог считать себя полным хозяином Средней Азии. Разрушенные города и селения лежали горами развалин, население частью было перебито, частью уведено в стан победителей. Оставшиеся в живых запуганные и голодные люди прятались в полуразрушенных постройках. Были места, где жизнь не могла восстановиться в течение долгого времени. Особенно пострадали Мерв и Мервский оазис, слитавшийся одним из плодороднейших, богатейших и культурнейших районов Персии и Средней Азии. По распоряжению Чингис-хана была разрушена плотина, с помощью которой вода передавалась из реки Мургаба в главные каналы, орошавшие Мервский оазис. Разрушение сложной ирригационной системы привело к полному опустошению оазиса, жизнь которого частично была восстановлена только в начале XV века. Взяв Мерв, Тулуй отправился в Хорасан, где покорил еще два больших города: Нишапур и Герат.

Весной 1221 года Чингис-хан перешел Аму-Дарью, завоевал Балх и пошел по направлению к Талькану. Однако здесь его победоносный марш остановился, так как в областях нынешнего Афганистана талантливый и энергичный сын хорезмшаха Мухаммеда, Джелаль-ад-дин, нанес одному из полководцев Чингис-хана сильное поражение. Чтобы поправить дело, Чингис-хан сам с главными силами пошел навстречу армии Джелаль-ад-дина. Последний начал отступать.

Осенью 1221 года на берегу Инда войска Джелаль-ад-дина были разбиты. Чи-

гис-хан не задержался, однако, в Афганистане и повернул в Среднюю Азию. Весной 1223 года он был на Сыр-Дарье и только в 1225 году появился вновь в Монголии. Выше было упомянуто, что посланный Чингис-ханом в погоню за хорезмшахом монгольский отряд под предводительством Джебе не застал уже в живых хорезмшаха. Вместо того чтобы вернуться, отряд, соблазненный возможностью пограбить и познакомиться с новыми местами, направился из Мазандерана в области Закавказья. Характерно, что, нанюганские слухами о силе и зверстве монголов, правители многих городов или откупались от монголов большими даяниями или сдавались на волю монгольских предводителей. В редких случаях они оказывали им сопротивление. Только Грузия показала пример героической защиты, но она не могла сдержать напора монголов и была разбита.

Пройдя через Ширванское ущелье, монгольский отряд обошел главные укрепления Дербентских ворот и вышел на Северный Кавказ, в земли алан и кыпчаков. Разъединив их силы, монголы разбили поодиночке тех и других. Остатки кыпчаков покинули свои кочевья и ушли в Дешт-и-Кыпчак (кыпчакские степи), на юго-восток Европы, к кыпчакам (по-русски половцам), кочевавшим между Волгой и Днепром.

5

Грозная опасность заставила половцев соединиться с южнорусскими князьями для отражения монголов (татар). Однако феодальные разногласия между русскими князьями и летала между ними и половцами ханами привели к их поражению в битве на реке Калке, происшедшей, по русским источникам, в 1224 году, а по мусульманским, — еще в 1223 году. Феодальными распрями также объясняются победы Джебе и Субедея на Кавказе. Используя феодальную раздробленность кавказских владетелей, монголы почти всюду били их поодиночке. Еще до битвы на Калке татары разграбили Крым, особенно город Сулак.

Преследуя о богатстве города Булгара, татары с огромной добычей направились после битвы на Калке к устью Камы, где лежал этот хорошо укрепленный город. Неожиданно для себя татары под Булгаром потерпели сильное поражение. Разбитые, они спустились вниз по Волге к городу Сакену (вблизи современной Астрахани), к степям на север от Каспийского моря.

Последствия похода Джебе и Субедея были очень значительны как для Кавказа,

так и для Дешт-и-Кыпчака. Бедствия от монгольского завоевания были неисчислимы. Обескровленные страны лежали в развалинах. В первые годы после погрома города потеряли большую часть своего населения. По дорогам бродило много голодных, ободранных людей, вынужденных разбойничать, чтобы добыть себе кусок хлеба. Поля, еще недавно дававшие стране обилие зерна, хлопка, клевера и т. д., теперь лежали заброшенными, ибо работоспособное население было истреблено. В городах почти не осталось ремесленников, которые массами отправлялись в монгольский тыл.

Чингис-хан отдал области Средней Азии в удел своему второму сыну, Чагатаю. Ставка последнего была в Семиречье, в долине реки Или. Собственно говоря, Чагатай сам не управлял завоеванной Средней Азией. Ни у него самого, ни у его приближенных не было еще опыта в управлении оседлыми культурными областями.

Так как монгольского хана более всего интересовали доходы в виде денежных и натуральных поступлений, то управление Мавераннахром было поручено откупщику Махмуду Ялавачу, который, сидя в Ходженте, опираясь на баскаков и их монгольские отряды, силой выжимал все, что можно было взять с трудящегося населения в виде налогов и повинностей в ханскую казну. Основная масса доходов шла к великому хану, Чингис-хану, потом к Угэю (1229—1241), и только часть доставлялась Чагатаю.

Вернувшись к себе на родину, Чингис-хан мог убедиться, что за время его отсутствия дела монголов в Северном Китае сильно ухудшились. Китайцы, пользуясь тем, что монгольские отряды сильно поределли в связи с походом на Запад, начали борьбу за восстановление своей власти в Северном Китае, в чем значительно преуспели. Чингис-хан видел прекрасно, что необходим вновь поход для ликвидации освободительного движения китайцев. Он прекрасно понимал также и то, что до тех пор трудно будет владеть Северным Китаем, пока не будет покорено Тангутское государство. Вот почему в 1226 году он снарядил большое войско и направился на тангутов. Война шла успешно. Однако этот поход оказался последним предприятием Чингис-хана. Охотясь как-то среди своих сподвижников на дикого зверя, он был сброшен своей лошадью и сильно разбился. Удар оказался для старика в возрасте 71 года очень тяжелым. У Чингис-хана хватило еще сил, чтобы закончить победоносно войну с тангутами, но вернуться домой, в Монголию, ему уже не удалось. Умер он в августе 1227 года на берегу реки Синзянь, вскоре после смерти своего старшего сына, Джучи. Согласно воле Чин-

гис-хана, тело его было отвезено в Монголию и похоронено на горе Буржан-Колдун.

В. В. Бартольд весьма удачно в своей книге «Улугбек и его время» (Петроград, 1918 г.) охарактеризовал Чингис-хана как государя и человека. «Мировоззрение Чингис-хана,— пишет он,— до конца было мировоззрением атамана разбойников, который ведет своих товарищей к победам и доставляет им добычу, делит с ними все труды, в дни несчастья готов отдать им все, даже свою одежду и своего коня, в дни счастья испытывает величайшее из наслаждений — ездить на конях убитых врагов и целовать их жен. Генеральный дикарь применял свои редкие организаторские способности все к более обширному кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей» (стр. 33).

К 1227 году, т. е. к году смерти Чингис-хана, в состав монгольского государства, кроме самой Монголии, входили Северный Китай, земли тангут, огромная часть Сибири, часть Восточного Туркестана, Средняя Азия и некоторые области Восточного Ирана. Чингис-хан на свои владения смотрел только с точки зрения того, какие доходы они могут дать ему и его дому.

По его представлению, все земли, входившие в состав монгольского государства, принадлежали в целом «золотому роду», т. е. его династии с ним во главе. Как хозяин всех доходов, он и распределял их между своими сыновьями и другими членами дома. За несколько лет до смерти он распределил области своей державы между сыновьями.

Удел старшего сына, Джучи, включал области от Иртыша в сторону запада до тех мест, «куда доходили конюга монгольских коней». В состав его удела входила культурная полоса нижнего течения Сыр-Дарьи и северный Хорезм со столицей Ургенчем. Как мы увидим ниже, по мере дальнейшего продвижения монголов границы удела Джучи все расширялись на запад. Ставка Джучи была на реке Иртыше.

Удел второго сына Чингис-хана, Чагатая, как уже было сказано, включал в себя Семиречье, Фергану и Мавераннахр и соединялся с уделом Джучи по Сыр-Дарье и Аму-Дарье. Ставка Чагатая была на реке Или.

В удел третьего сына Чингис-хана, Угэдея, входили Западная Монголия и Тарбатай. Ставка его была в Чугучаке. Младший сын, Тулуй, находился при отце и после смерти последнего получил его непосредственный удел и имущество, т. е. Монголию и главную часть монгольского по-

стоянного войска. Всего воинов было 129 тысяч. Тулуя достались 104 тысячи. Три старших сына получили по 4 тысячи. Оставшиеся 13 тысяч были распределены между женами Чингис-хана и другими членами династии. Однако титул и власть великого хана перешли не к младшему сыну. Вопрос о наследовании престола решен был курултайем монгольской знати, который выбрал великим ханом Угэдея, третьего сына Чингис-хана. Царствовал он с 1229 по 1241 год, столицей его был Каракурум в Монголии. Развалины Каракурума находятся близ монастыря Эрделицзу.

При Угэеде произошло значительное расширение монгольского государства, которое в исторической науке принято называть империей. При нем произошло завоевание Батыем Юговосточной Европы и образование Золотой Орды. При нем имело место завоевание Азербайджана, Армении и Грузии, а также укрепление монгольской власти в ряде областей Ирана. Два раза, в 1229 и в 1235 году, курултай монгольской знати ставил вопрос о походе на запад, но только в 1236 году удалось осуществить давно задуманное намерение.

Во главе похода встал сын Джучи Батый со своим помощником Субэедем. Последний был взят не только как хороший полководец, но и как лучший знаток этих мест. В течение нескольких лет были завоеваны половецкие степи, Крым, Кавказ до Дербента и Булгар с его областью, а в 1238 году покорены Рязанское и Владимирское княжества.

Был уже организован поход и на Новгород, однако от завоевания последнего пришлось отказаться, ибо наступила весна с таянием снегов, разливами рек, толкостью болот, что ставило татарскую конницу в очень трудное положение. В 1240 году взят был Киев¹ и перед татарами открылась дорога на Запад: Польшу, Венгрию, Моравию. Но вследствие решительного сопротивления чешского короля Вацлава I и смерти хана Угэдея Батый прекратил поход и повернул назад. В результате завоеваний Батый сильно расширил удел Джучи. В него теперь вошли, кроме того, что уже было при жизни Джучи (Северный Кавказ, Северный Хорезм и др.), европейская часть половецких степей (Дешт-и-Кыпчак) до Дуная и дальше, Крым и Булгар с областью.

Удел Джучи при Батые (1236—1255 годы) стал уже большим государством, которое в русских летописях носило имя Зо-

¹ История завоевания и обращения русских земель татарами подробно изложена в учебниках по истории СССР, почему автор и отказался от описания борьбы русского народа против татарского ига.

лотой Орды, а в восточных источниках — имя улуса Джучи или Синей Орды. Несмотря на сильные разрушения, которые принесли с собой татары, жизнь в Золотой Орде стала быстро налаживаться. В течение немногих лет возродился Ургенч (столица Северного Хорезма), судьба которого оказалась диаметрально противоположной трагической судьбе Мерва и Мервского оазиса. Ургенчу выпала на долю при монголах не только крупная торговая роль, но и значение культурного центра в истории золотоордынских городов в Поволжье.

Батый и его прямые преемники придавали исключительное значение Поволжью, считая, что Волга представляет собой богатую торговую артерию, соединяющую Европу с Азией, а волжское побережье — прекрасное место для столицы вновь образованного государства. По личному распоряжению Батыя столицу под именем Сарая заложили в низовьях Волги, в том самом месте, где сейчас лежит селение Селитренное.

С самого начала определилась самостоятельная линия развития Золотой Орды, в отличие от других улусов и, в частности, улуса Чагатай. Выше мы видели, что Чагатай сам не принимал участия в управлении Средней Азией; это дело было передано непосредственно в руки мусульманского откупщика Махмуда Ялавача, который, впрочем, в большей мере зависел от великого хана чем от Чагатая.

Иначе сложилась политическая жизнь в Золотой Орде. С самого начала здесь было создано монгольское правительство, которое, пользуясь опытом мусульманских кунцов и чиновников, повсюду курс на непосредственное и минимально зависимое от великого хана управление.

По настоянию великого хана Угэдея, монголы досаждали были покончить с самым сильным противником в Иране и Закавказье, упомянутым выше хорезмшахом Джелал-ад-дином, сыном Мухаммеда. В 1230 году 30-тысячное монгольское войско под командой шейхана Чормагуна направилось в сторону Тебриза, где находился в это время Джелал-ад-дин со своим двором. Хорезмшах, который также носил титул султана, ушел на север, в Ибравану. Но имея сил оказывать сопротивление монголам, скрываясь по северным областям Ирана, последний из хорезмшахов погиб от руки одного курда в 1231 году.

У монголов теперь не было серьезных противников в Иране, кроме леманитских владетелей. Оставалось захватить Закавказье — Азербайджан, Армению и Грузию. Это и выполнил Чормагун. Так, в 1235 году был взят крупный город Азербайджана, Гянджа (теперь Кяровабад), а в 1238

году покорены Грузия и Армения. С этих пор в течение ста лет монголы держали власть над народами Закавказья, вплоть до Дербента. Как в Средней Азии и других местах, власть монголов в Закавказье, особенно в первое время, принесла разрушение городам, понижение культурного уровня населения, вызвала его обнищание.

Великий хан Угэдей умер в 1241 году. В течение нескольких лет представители чингисова дома не могли договориться с наследником, хотя большинство склонялось к передаче власти Гуюку, который находился далеко в Европе с войсками Батыя. До его приезда управляла делами его мать Туракина, вдова Угэдея. Только в 1246 году, после своего возвращения в Монголию, Гуюк на курултае в Каракорумо был провозглашен великим ханом. Царствование его продолжалось недолго, до 1248 года, когда наступили в монгольской империи смуты в связи с престолонаследием.

В 1251 году власть великого хана перешла в руки Мункэ, старшего сына Тулуя, что вызвало заговор со стороны представителей домов Угэдея и Чагатая. Заговор кончился крахом и полным разгромом родов Угэдея и Чагатая. Тулуй энергично поддерживал Батыя, что и повлекло в дальнейшем близость и дружбу домов Джучи и Тулуя. Мункэ и Батый поделили власть над всей монгольской империей. Вплоть до начала 60-х годов XIII века Батый, а потом Беркай управляли не только Золотой Ордой, но и Мавераннахром до берега Таласа, ныне Исамбула, в Семиречье. Время Мункэ (1251—1259) можно рассматривать как наивысшую точку могущества монгольской империи и власти великого хана. При Мункэ монголы вновь совершили большой завоевательный поход в Иран под командой брата Мункэ, Хулагу.

Выше мы уже отметили, что хотя монголы и покорили главные области Ирана, однако прочной власти там не имели. В Иране, особенно в его северозападной части, было много хорошо укрепленных замков, владетели которых держали себя самостоятельными государями на достаточно больших территориях. Кроме того монгольские правители в Иране всегда могли опираться на помощь со стороны багдадского халифа. Все эти обстоятельства и вызвали поход Хулагу. Покинув Монголию в 1253 году, Хулагу только в 1255 году прибыл в Самарканд, где в честь его был устроен пир откупщиком и правителем Мавераннахра Масудбеком, сыном упомянутого выше Махмуда Ялавача. В 1256 году Хулагу со своими войсками перешел Аму-Дарью. Здесь к нему явились с изъявлением покорности многие из иранских и закавказских владе-

телей. Это облегчало его борьбу против неманитов и халифа. В течение 1256—1257 годов он захватил главные их замки и навсегда уничтожил их силу и влияние. В 1258 году он осадил и взял Багдад, разграбил знаменитую столицу аббасидов и убил последнего аббасидского халифа, Мустасима (1242—1258). С этого времени Иран целиком подпал под власть монголов. Из территории Ирана, Закавказья (Азербайджан, Армения и Грузия) и земель, входящих ныне в Туркменскую ССР, было образовано большое государство под властью монгольской династии Хулагу. Столицей этого государства, называемого ипопда Хулагидским, сделался иранский город Тебриз.

К 60-м годам размеры монгольской империи сложились окончательно. Однако годы эти вместе с тем были и годами распада монгольской империи как единого государственного целого. Золотая Орда и Хулагидское государство активно проявляли тенденцию к самостоятельности. Распаду монгольской империи содействовали и междоусобия, которые раздирали дом Тулуя после смерти великого хана Мункэ, в 1259 году. Результатом всех событий 60-х годов было перенесение столицы великого хана из Каракурума в Северный Китай, в Пекин, называемый монголами Ханбалык. Этот факт также содействовал усилению независимости наиболее крупных улусов, в том числе и чагатайского. Монгольская империя как целое перестает фактически существовать, хотя номинально ханы, сидящие в Ханбалыке, и называют себя великими. Спустя несколько десятков лет, в

1304 году, улус Чагатая, точнее, правитель Мавераннахра, предложил остальным монгольским ханам восстановить единство монгольской империи хотя бы в форме федерации. Предложение это не осуществилось, и жизнь монгольской империи как целого сменилась самостоятельной жизнью отдельных монгольских государств: Золотой Орды, Хулагидского государства, Чагатайского государства и Монголии вместе с Северным Китаем.

* * *

Феодальная деспотия, созданная монгольскими завоевателями, находилась в непримиримых противоречиях с интересами покоренных народов, стоявших часто на более высоком экономическом и культурном уровне чем монголы. Грабь и утратя население завоеванных территорий, монголы (татары), составлявшие ничтожное меньшинство среди покоренных народов, были не в состоянии создать крепкий государственный организм в захваченных землях, не могли возглавить их государственное и экономическое устройство и сохранить целостность империи. Борьба среди завоевателей ослабляла монгольское государство, превращая его в весьма непрочное объединение феодалов. Народы, находившиеся под монгольским владычеством, восставали против завоевателей и постепенно освобождались от их власти. Монгольская империя, возникшая на основе успехов талантливого полководца Чингис-хана, не имела объединяющей силы. Раздираемая внутренней борьбой, она распалась.

ГОСУДАРСТВО ВЕСТГОТОВ И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1

С IV века нашей эры огромный комплекс входивших в состав Римской империи стран, занимавших значительную часть Европы, Северную Африку, Малую Азию, Сирию, Аравию, уже не представлял собой той централизованной политической системы, которая прочно срослась с нашими представлениями о Римской империи. Римская империя распалась в экономическом, культурном и административном отношении на восточную и западную части по линии, шедшей приблизительно через Адриатическое море. Но и внутри каждой из этих частей отдельные провинции или группы провинций все более и более обособлялись: этому способствовала бурная социальная и политическая борьба, ареной которой являлась почти каждая из этих стран. Эта борьба принимала многообразные формы в зависимости от времени и места, но основным ее содержанием являлись восстания трудящихся масс против порабовавшего их государства, против господствовавшего класса крупных землевладельцев. Эта классовая борьба осложнялась вмешательством соседних варварских народов, вторгавшихся в пределы империи, захватывавших отдельные ее территории.

Рабы уже не составляли основной части трудящегося населения империи; еще со II века нашей эры в Африке колоссальные земельные владения императоров и знати обрабатывались трудом мелких арендаторов, снимавших свои участки в аренду у более крупных арендаторов, так называемых «кондукторов»; эти мелкие арендаторы должны были уплачивать землевладельцу определенные повинности большей частью натурой, продуктами и трудом. Впоследствии за мелкими арендаторами, попадавшими все в большую зависимость от землевладельцев, утвердилось название «колонны». Развитие нового способа эксплуатации обозначало наступление глубокого кризиса рабовладельческого хозяйства и сопровождалось распадом крупных латифундий, построенных на рабском труде, и превращением их в систему мелких хозяйств колоннов, ведшихся на базе натурально-хозяйственного оборота. В число колоннов попадали и многочисленные варвары, на тех или иных условиях оседав-

шие в пограничных провинциях империи. По отношению к колоннам стали во все возрастающей степени применяться меры висэкономического принуждения. Законодательством IV и V веков колонны были превращены в крепостных — «крепких земле». Но широкое применение труда колоннов в сельском хозяйстве еще не обозначало полного исчезновения рабского труда; рабский труд продолжал существовать и в поместьях, и в рудниках, на постройках дорог, в крупных скотоводческих хозяйствах; рабы оставались и для личного обслуживания деревенских и городских рабовладельцев.

Это совместное существование «свободного» (т. е. не рабского) труда, занимавшего едва ли не определяющее место в производственном процессе, и труда рабского, тоже игравшего в этом процессе важную роль, резко ухудшало положение обоих производительных классов и создавало основу для их сближения в общей враждебной позиции по отношению к господствовавшим классам. В западной части империи шел непрерывный процесс политического распада, являвшийся выражением общего кризиса рабовладельческого хозяйства и государства. Важнейшими факторами этого распада были, во-первых, непрекращавшиеся восстания крестьян и рабов в Галлии, Фракии, Африке, Испании и других провинциях империи, во-вторых, вторжения варварских, в том числе и германских племен; оба эти фактора тесно между собой переплетались.

Из числа северных европейских провинций Римской империи Галлия более других подверглась романизации: римская культура, латинский язык, широко развитая греческая жизнь — все это целиком отнеслось на юге Галлии местные кельтские элементы.

Галлия была той римской провинцией, где ранее всего определилась гибель старого, рабовладельческого общества и начался процесс образования новых общественно-политических форм.

В IV—V веках нашей эры повстанческое движение в Галлии достигло большого подъема; особенно грозными были восстания так называемых «багаудов». «Багаудами» — кельтское слово, точный смысл которого неясен, — называло себя со времен

Джоклетнала восстававшее против римской власти и крупного землевладения сельское население Галлии и северной Испании. «Барауды» образовывали крупные отряды, выдвигали талантливых командиров, как Амарг или Эланн, причем эти последние распространяли свою власть на значительные территории и чеканили даже свою монету.

Германское ядро востготов было первым, которое, опираясь на это массовое повстанческое движение, вторглось вместе со скифскими, иранскими и тюркскими племенами в самое сердце империи, захватило важнейшую часть Галлии и основало там свое независимое государство.

Востготы и остготы были двумя ветвями обширного германского племени готов, утвердившегося во второй половине III века между Доном и Днестром (южная часть теперешней Украины и Крымская АССР).

Востготы занимали западную часть этого пространства, примыкавшую к границе римской провинции Мизии. Готы подчинили себе богатые причерноморские греческие города и земледельческие племена варваров Причерноморья. Глубокие вторжения готов внутрь Римской империи явились серьезной опасностью; значительные массы готов проникали внутрь империи также и мирным путем: либо в качестве наемных воинов, либо выполняя собой массу рабов и колоннов. В конце IV века на территорию готов обрушились тюркско-монгольские кочевые племена гуннов, которые вынудили востготов переселиться на территорию Мизии и отдалась под покровительство Римской империи; востготы были интенированы в Мизии, им было обещано снабжение хлебом, взамен чего они обязались нести военную охрану границ империи.

Древнейший литературный памятник готов — перевод на готский язык Библии, сделанный Ульфиллой в начале IV века, — показывает, что востготы задолго до своего появления у границ Римской империи уже были скотоводческо-земледельческим племенем; понятие «имущество» у них передается словом «штат»; древнеготские слова употреблялись для обозначения ряда земледельческих работ; даже глагол «рабствовать» означал также и «пахать». Этот же литературный памятник готов свидетельствует о том, что востготы в IV веке находились еще на стадии родового строя, обнаружившего, однако, в эту эпоху уже признаки разложения. Род («зибья») является основной ячейкой общественно-политической организации; принадлежность к роду определяла социальную защиту личности. Но в эту эпоху уже произошла дифференциация родовых групп, выделялись знатные роды, например Амаргов, Балтов, представители которых были вождями готов в их походах

против Гимельской империи; эти вожди стали в дальнейшем при упрочении оседлости востготов в Галлии и при основании ими там своей государственной организации и королями востготов.

Одновременно с оформлением аристократической верхушки появляются у востготов и рабы из военнопленных, а также и вольноотпущенники, но до основания Толосанского государства их было очень незначительное количество и их положение было настолько свободным, что лишь условно можно назвать их рабами; они, например, составляли часть вооруженных сил востготов. Их «рабское» положение определялось в основном, по-видимому, лишь тем, что они не включались в родовые союзы и были лишены основных гражданских прав востготского общества.

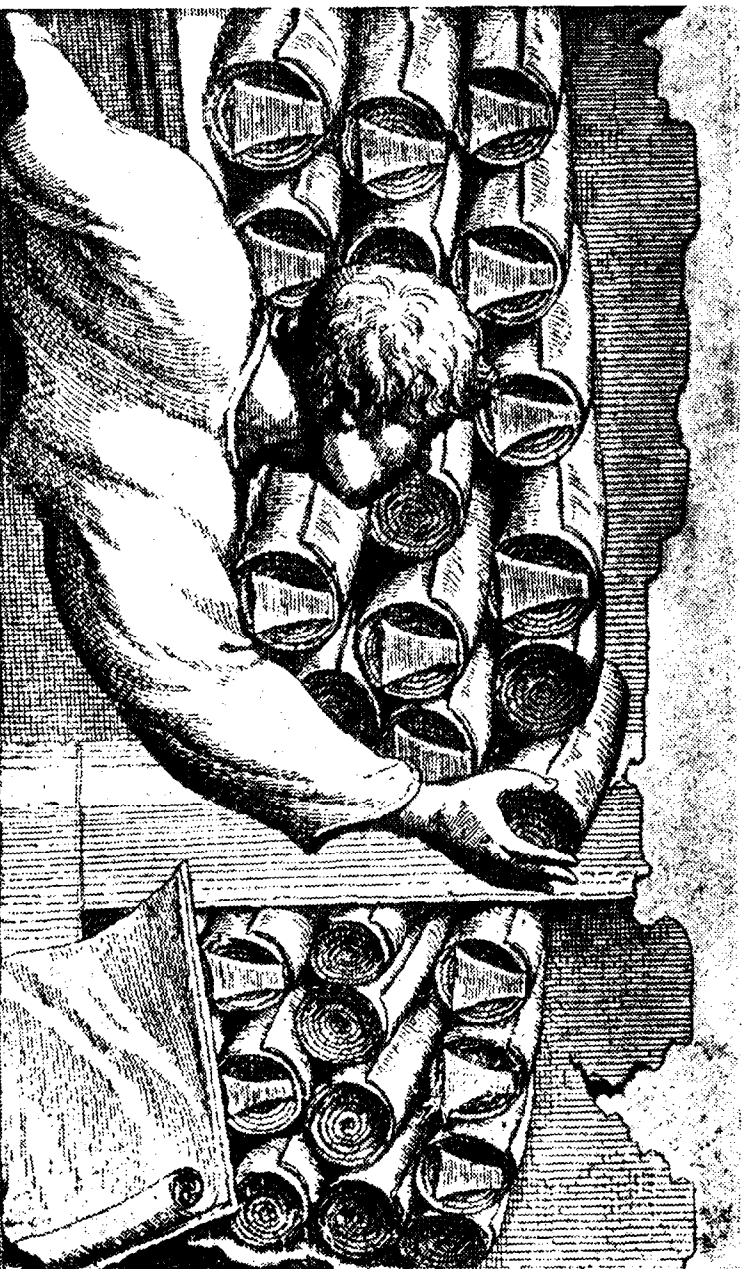
Слабости классовой дифференциации востготов соответствует отсутствие у них прочной политической организации до начала V века. Вожди востготов от Атанариха до Теодориха I являлись, в сущности, вождями-вождями, не обладавшими постоянной политической властью.

Основой политического строя востготов являлся в значительной мере их военный строй, который отражал тот же переходный период от родовых отношений к классовому обществу. Востготы делились в военном строю на тысячи, пятисотки, сотни и десятки. Это же деление сохранялось и в мирные периоды жизни востготов этой эпохи, отнюдь не уничтожая, однако, родовых группировок. С другой стороны, решающей силой даже и в военных вопросах выступала старинная элита воинов, являвшаяся средоточием общественно-политической жизни племени, начиная с древнейшей эпохи родового строя.

Землевладельческая и рабовладельческая элита Римской империи была крайне недовольна водворением готов, так как опасалась их союза с массами рабов-варваров.

Этим и объясняется попытка убийства востготских вождей, предпринятая местной римской администрацией города Марцианополя в Мизии во время шира, устроенного в честь этих вождей. С этого момента начинается восстание востготов под предводительством Фридиторна. Это восстание имело отклик среди рабов и крестьянского населения придунайских провинций; рабы из поместий, герольдов и ратников Фракии массами перебежали в лагерь восставших. В битве с востготами под Адрианополем (378 год) погиб император Валент. Лишь к концу 379 года император Феодосию удалось восстановить свою власть в придунайских провинциях.

В 390—391 годах востготы под предводительством своего вождя Алариха вторг-

Галло-римская золототка.

лись на Ватиканский полуостров и прощали его до самого Иезуитинесса.

В 406 году Аларих, угрожавший походом на Италию, добился расквашивания вестготов в провинции Иллирии и славяне им предводительством. Однако это славянне предложили условия плена, и в 408 году Аларих решительно двинулся в Италию и потребовал в качестве выкупа 4 тысячи фунтов золота, которое было выдано ему императором Гонорием.

Но в дальнейшем все переговоры с Аларихом, несмотря на неоднократные мирные предложения с его стороны, были прерваны Римом. Тогда Аларих двинулся к Риму и осадил его, предъявив в числе прочих требований требование об освобождении всех рабов варварского происхождения. Около 40 тысяч рабов перебежало в лагерь Алариха, который предъявлял им и дал им возможность грабить своих прежних господ и жечь им. Получив огромную сумму выкупа, Аларих снял осаду Рима и стал угрожать императорской резиденции — Рафение.

Императору Гоноррию пришлось заключить с Аларихом договор и представителю вестготов для прекращения пестроты провинции по северному побережью Адриатического моря, а также дать обязательство о снабжении их продовольствием и естественной выкупной суммой денег. Но и этот договор не выполнялся, так как Гонорий угадывал вскоре подвигнуть востановление в Галлии, где некий Константин, дворовой лекарь, отираясь на повстанческие движения в массах, превозгласил себя им-

ператором. Гонорий получил помощь из Византии и от дельцешика Африки и мог сосредоточить теперь все свои силы на борьбе с Аларихом и вестготами. Несмотря на Алариха в Италии окончательно утихлишь, уединяться вудка вестготов в провинциях. Тогда Аларих предложил императору златную римлянина Аугада и объявил Иезуитя, осадившего в Равенне, личными властью. Характерно, что Аларих не считал возможным провозгласить себя императором. Заглавая Римская империя еще продолжала для ему чуждой силой, поэтому он лишь вытаскал кельдызывать в интересах своего народа.

В том же 409 году Аларих снова осадил Рим и захватил его. «Вечный город» был извержены разрублен. Сестра императора Гонория, женившея Платиния, была взята в плен. Разгром Рима Аларихом сильно преувеличивался пугателями из адриатического вершины римлянского римского общества, изображавшими это событие как победу «кельты в восточном».

Из Рима Аларих двинулся на юг Италии, намереваясь переместить вестготов в Африку — предводительственное базу Иезуитя — и оттуда попытаться захватить западной частью империи. Смерть пожелала Алариху осуществиться замечательный план.

Его предшник Ареульф навет вестготов на север, в провинцию Галлию, где в это время разрабатывал востание под предводительством галльского землевладельца Иовина, опиравшегося на местные силы франков, бургундов и алеманнов. Иезуитя в южную Галлию, вестготские вожди во главе

с Атаульфом заключили союз с Ювином, но этот союз быстро распался. Император Гонорий воспользовался этим разрывом, вступил в переговоры с Атаульфом и поручил ему подавление восстания, обязавшись отвести вестготам земли в южной Галлии и снабжать их продовольствием. Атаульф разгромил Ювина и захватил провинции южной Галлии. Крупные провинциальные центры — Нарбонна, Толоса — были захвачены силой, другие, как например Бордо, сами открыли вестготам ворота. Здесь, в южной Галлии, и началось складываться вестготское государство. Первоначально (между 410 и 415 годами) вестготы водворились в Галлии в походном порядке — на правах постоя («хоспиталитас»). Они не присваивали себе определенных участков земли, не занимались земледелием; хлеб и прочее продовольствие частью получали они от Рима, частью — от местного населения.

Атаульф между тем стремился стабилизировать отношения между вестготами и Римом, а свою власть выборного вождя превратить в постоянную и наследственную, связав ее с властью римского императора. Атаульфу Римская империя представлялась вечным, непеременимым политическим и культурным средоточием мира.

Атаульф женился на своей племяннице, сестре императора Гонория — Плацидии, устроив пышное свадебное торжество в Нарбонне по римскому придворному этикету; Плацидия как воплощение императорского Рима занимала первое место во всех церемониях, а сам Атаульф становился рядом с ней на второе место.

Но Гонорий не признал этого брака и отправил против вестготов в Галлию военную силу. Под давлением римских войск и, главное, вследствие недостатка продовольствия вестготы были вынуждены очистить занятую ими территорию и перейти через Пиренеи в Испанию.

Уходя из Галлии, вестготы произвели жестокую расправу с галло-римской землевладельческой аристократией, подняв восстание рабов и колонов (415 год нашей эры). Атаульф же за свою римскую ориентацию расплатился жизнью: он был убит одним из своих дружинников вскоре после расселения вестготов в северо-восточной части Пиренейского полуострова, в римской провинции Тарраконензе.

Однако ближайшим преемником Атаульфа, главным образом Валлий (417—418), союза пришлось заключить с Римом договор о подчинении империи, так как римский флот отрезал путь до продовольствия к берегам Испании, а новая попытка перейти в Северную Африку и захватить эту хлебную провинцию не удалась. Валлий

заключил договор с римским командующим Коетанцием, по которому получал от Констанция 600 тысяч мер зерна и обязывался подчинить Риму «варварские» племена вандалов и аланов, вторгшихся на Пиренейский полуостров. Однако быстрые успехи Валлия в подчинении себе этих германских племен и нараставшее движение в среде зависимого и эксплуатируемого крестьянства заставили римское правительство изменить свою политику в отношении вестготов; вестготам были предоставлены для расселения на правах «федератов» провинция Аквитания и земли между средним и нижним течением рек Луары и Гаронны.

В течение десятилетий жизни и борьбы вестготов внутри Римской империи в вестготском обществе оформились те классовые отношения, которые начали складываться у них в предшествовавший период. Оформилась знать, захватывавшая земли; рядовые воины превращались в трудовую земледельческую массу. Этот процесс дал возможность преемнику Валлия, Теодориху I (418—451), действовать уже как главе самостоятельного государства. Он издавал законы, регулировавшие земельные взаимоотношения вестготов и галло-римлян: две трети обрабатывавшихся земель пропорционально со всем живым и мертвым населением и колесами отходили к вестготам. Галло-римское население провинции Аквитании фактически переходило в подданство к вестготскому королю.

Теодорих I вел войны с Римом за расширение территории вестготского государства в Галлии; он использовал повстанческие движения широких масс в римских провинциях против господства римской аристократии. В 430 году вспыхнуло восстание колонов в провинции Норикуме. Теодорих в это время выступил в поход, захватил соседнюю провинцию, Аквитанию, и сделал ее главным городом Арлатум (Арль). Через 3 года он вступил в переговоры с вождями вторгшегося в Испанию и еще не осевшего прочно германского племени свевов. Теодорих учитывал непрекращающееся крестьянское движение в Испании. Здесь развертывалось большое восстание «багаудов», опиравшееся на союз со свемами, и повстанцы на много лет сделались хозяевами страны.

Опираясь на свой союз с «багаудами» и со свемами, Теодорих пытался захватить провинцию Нарбонну с одноименным городом и успешно вступил в борьбу с римскими войсками.

Рим вскоре был вынужден повести мирные переговоры с Теодорихом. Эти переговоры велись при посредстве популярного в среде руководящей верхушки вестготов

знатного галло-римлянина Авита. Теодорих потребовал от Рима заложников из числа римской знати.

По мирному договору, территория вестготского государства расширилась: в нее была включена долина Роны. Между тем свевы и «багауды» оставались господами положения в северной Испании.

В следующие за тем годы Теодорих намеревался укрепить свой антиримский фронт союзом с германским племенем бургундов; но римская дипломатия в лице Аэция пустила в ход все свои ресурсы, чтобы поменшать осуществлению этого грозного для империи союза.

Вместо союза с бургундами, которых римская администрация пыталась изолировать в горной Оверни, Теодорих еще теснее сблизился со свевами.

2

Борьба формирующегося вестготского государства против центрального политического аппарата и господствующих классов Римской империи вступила в конце 440-х годов в новую фазу. В это время в число сил, разрушавших Западную Римскую империю, вступил новый фактор — государство гуннов и его новый глава Атиллы. У гуннов была та же цель, что и у вестготов и других германских племен, — захватить территории Западной Римской империи. Но гунны выступили тогда, когда вестготы под управлением Теодориха I уже осваивали Галлию. Гунны и Атиллы были для вестготов не союзниками, а конкурентами.

С другой стороны, процесс развития классовой дифференциации внутри вестготского общества и вытеснения аристократической верхушки привели к большим переменам в политической ориентации вестготского государства. Союз с революционно-демократическими элементами разлагавшейся империи постепенно уступал место политике подавления революционного движения рабов и колоннов.

Наоборот, Атиллы вербовал себе союзников в тылу империи в лице все тех же «багаудов». Одна из хроник (*Chronicon Galliae*, в. «*Monumenta Germ. Hist.*») V века сообщает под 435 годом, что некий Тибар попытался основать под своим патронатом независимое государство в Галлии. «Эта попытка послужила началом того, что почти все рабское и зависимое население Галлии организовывало заговоры, присоединяясь к багаудам», — говорится в тексте хроники. В течение двух лет правительство не могло справиться с этим движением; а некий «Евдоксий по профессии врач, человек ясного, но возбужденного ума в это

время целиком отдался движению багаудов и бежал к гуннам» (там же). Евдоксий подробно осведомлял Атиллу о положении в тылу его врагов.

Сведения писателя-хрониста Гигатия показывают, что в течение всех 40-х годов и в Испании ярко пылало восстание «багаудов»: в 441, 443 и 449 годах римские генералы вели здесь настоящую войну с «багаудами».

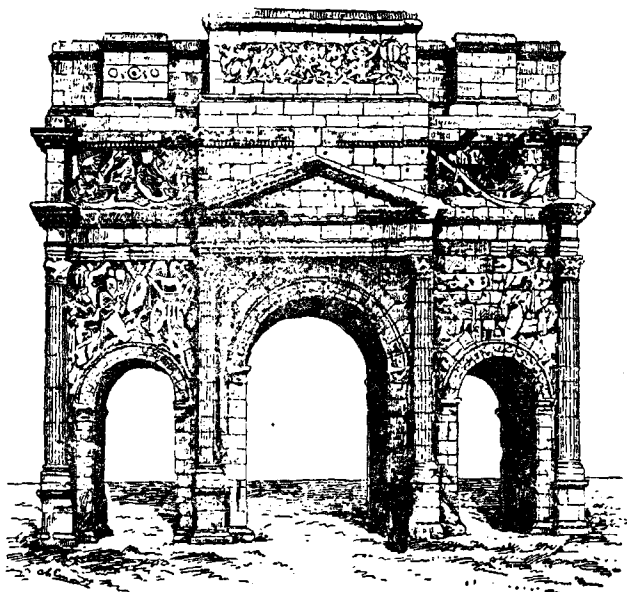
Эту непрекращающуюся революционную борьбу использовал Атиллы, чтобы нанести решительный удар Западной Римской империи и захватить ее провинции. Теодорих I встал на защиту империи против Атиллы, и большая часть германских племен последовала за вестготами, повинаясь их политическому руководству. Но другая, значительная часть германских племен, в том числе и остготы, пошла за Атиллой.

Теодорих I защищал не Римскую империю, а вестготскую аристократию, все больше осваивавшую римскую культуру и претендовавшую на руководящую роль в римских провинциях Запаля. Немалую роль в сложившейся расстановке военно-политических сил сыграла и ловкая дипломатия Аэция. На большом собрании знати Аэций умолял знатного галло-римлянина Авита убедить Теодориха I прийти на помощь Риму против гуннов, ибо Авит популярен среди вестготов, «а эта популярность — подлинный защитный вал империи».

В 451 году на Каталаунских полях произошла битва, в которой вестготские и римские силы одержали решительную победу над гуннами. Но Аэций не допустил окончательного разрома Атиллы, ибо считал, что это привело бы к слишком большому и опасному для империи усилению вестготского государства; благодаря Аэцию Атиллы смог отступить в свои владения.

Теодорих I пал в этой битве. Его преемником вестготское войско провозгласило Торисмунда; но уже в 453 году его убили собственные братья, воспользовавшиеся брожением в среде родовых союзов вестготов. Преемник Торисмунда Теодорих II был римски-образованным человеком, он воспитывался в окружении галло-римской знати, в среде которой тоже наметилось стремление к примирению с вестготским владычеством. Политика прежней непримиримой вражды к вестготам была пересмотрена галло-римской знатью, главным образом в годы борьбы с гуннами.

Но и вестготский король теперь резко изменил свою позицию по отношению к классовой борьбе в гибнущей Римской империи. В 454 году Теодорих II выступил в Испании против «багаудов» «как представитель римского государственного авто-

Триумфальная арка в Оранже.

ригетта» (так характеризует его выступление хронист Гидатий). В 456 году тот же Теодорих II разгромил союзников «багаудов» — севов, с которыми его отец Теодорих I был в союзе.

Эта дружба вестготов с господствовавшими классами Римской империи особенно укрепилась, когда на римский престол «по протекции» Теодориха II был избран его вассал и друг Авит (454—456). После быстрого последовавшего свержения Авита хотя и возникает конфликт между вестготским королем, поддерживаемым галло-римской знатью и новым римским императором Майорианом, из-за римских провинций в Галлии, но уже в 460 году вестготские и римские отряды совместно продолжают борьбу со севедами.

Однако эта политика тесного контакта с государственным аппаратом империи вызвала протест со стороны оформившейся землевладельческой и аристократической верхушки вестготов; эта верхушка стремилась использовать силу своей государственной организации для дальнейших захватов и дальнейшего обогащения за счет Римской империи. Теодорих был убит в 466 году своим братом Эйрихом, который, став королем (466—484), окончательно разорвал политическую связь вестготского государства с Римской империей и включил в границы вестготского государства большую часть Галлии и Испании. «Король, приняв в соображение частую смену императоров, решил подчинить Галлию и Испанию своей суверенной власти», — говорит об Эйрихе готский историк Иордан.

Эйрих стал королем обширного «варварского» государства, возникшего на территории основной части важнейших провинций Западной Римской империи.

Следует отметить также, что этот расцвет первого «варварского» государства совпал с моментом формального падения Западной Римской империи. В 476 году был устранен последний римский император Ромул-Августул, и Италия была превращена в «варварское» королевство под властью германца Одоакра, который признавал себя вассалом Византийской империи.

3

Вестготы, вторгшиеся в пределы Римской империи, насчитывали 200—300 тысяч человек. Они поддерживали революцию рабов и колоннов, которая вызвала глубокие изменения в социально-политических отношениях Западной Римской империи, главным образом в Галлии, где вестготы основали в 418 году свое государство со столицей в Толозе (Тулузе).

Но в результате оседания вестготов на землю внутри вестготского общества пошел убыстренным темпом процесс классовой дифференциации.

Прежде всего это сказалось в факте захвата вестготами двух третей всех культурных земель в занятых ими провинциях Галлии. Захваченные земли распределялись весьма неравномерно между вестготскими родами; знатные роды, как старые, так и те, которые возвысились на службе у короля, получали гораздо больше земли чем другие, и это стало главным фактором постепенного образования настоящей земельно-родово-княжеской знати в их среде. Именно эта аристократическая верхушка присваивала себе земли на правах частной собственности, тогда как у рядовых вестготов преобладало общинное, коллективное землепользование в форме соседской общины. О наличии у вестготов начал общинного землепользования говорит целый ряд признаков; самое название земельного участка у вестготов «соре» — «надел по жребью» — говорит о распределении земли внутри коллектива; этот надел был, повидимому, не отчуждаем на сторону; римлянам, по крайней мере, категорически запрещалось приобретать вестготские наделы. Далее, соседи выступали в качестве судей в вопросах размежевания участков. В качестве постоянного органа выступает «общественный сход соседей» («кенигентус публикус вицилорум»), решающий текущие местные мелкие судебные-административные дела.

Луга, леса и воле при размежевании оставались в коллективном пользовании. Все эти признаки свидетельствуют об устойчивости родовых отношений у основной массы вестготов.

С другой стороны, вестготские короли, начиная с Теодориха I, становятся собственниками обширных земельных фондов.

составившихся из всех земельных владений римских императоров в Галлии и из конфискованных поместий той части галло-римской знати, которая активно выступала против вестготского завоевания. Часть этих земельных фондов перешла в виде даров на правах частной собственности в руки шовой, служилой вестготской знати.

Таким образом, среди вестготов все резко обозначается классовая грань между землевладельческой знатью и рядовой массой «свободных» общинников. Это неравенство соответственно фиксировалось в законодательстве вестготов, которое получило впервые письменное оформление при Теодорихе I. Знатные обозначаются в законодательстве Теодориха специальными сословными терминами и противопоставляются «остальным свободным лицам». Они поставлены в привилегированное положение и в деле судебной ответственности: их не могли подвергнуть телесным наказаниям даже за тяжелые уголовные проступки, как «прочих свободных», взамен этого они платили более или менее вышедший «вергельд», т. е. денежный выкуп, частью шедший в пользу родственников убитого.

Положение основной массы свободных вестготов в течение V и начала VI века нашей эры постепенно становилось все более зависимым. Уже при Эйрихе (468—484) положению рядовых вестготов мало напоминает положение прежних, независимых германских воинов и гораздо больше походит на положение зависимых крестьян. Наряду с рабами и полковоотпущенниками они могут подвергаться телесным наказаниям; так же, как невольники, они не отвечают за поступки, совершенные по приказанию своего знатного покровителя. Ряд законодательных актов Эйриха и его преемников обнаруживает тенденцию ослабить стремление знати смешивать в одну массу живших в поместьях свободных и рабов.

В поместьях вестготской знати находилось много всякого рода зависимых людей, которые, особенно в начальную пору существования Толузанского государства, искали здесь защиты от эксплуатации галло-римских землевладельцев. В тоны, когда еще только складывалось вестготское государство и оформлялось землевладение вестготов, рабы и колонны одинаково охотно сбегались на их земли. За спиной вестготской знати, в значительной степени избавившей их от тяжелого гнета римской социально-экономической системы, рабы и колонны сближались по своему классовому положению; из них на землях вестготов, таким образом, постепенно складывался полусвободный, лично зависимый от землевладельцев класс земледельцев. С дальнейшим развитием классовых отношений у

вестготов к этой массе постепенно присоединялись и так называемые рядовые свободные вестготы; «Правда» вестготов, т. е. их первые писанные законы, впервые широко собранные при Эйрихе, иногда противопоставляла «знатных», «почтеннейших» рабам, которые, таким образом, как бы представляют всю остальную массу населения. Это не значит, конечно, что население вестготского государства делилось только на знатных и на невольных; но это указывает, как вторично вестготы в Галлию и основание ими там своего государства в сильнейшей степени перестроило древнеримские социально-политические отношения. Прежде всего это относится к рабам; если рабы и не исчезли в вестготском государстве, то положение их стало совершенно иным. Жизнь и личность раба защищалась вергельдом, хотя и половинным по сравнению с рядовым свободным; таким образом, раб уже не был только «говорящим орудием труда», но в известной мере признавался членом общества.

Значительное количество рабов находилось на королевской службе, и общественное положение этих «королевских рабов» было зачастую выше чем положение других свободных членов общества; они часто становились землевладельцами и в свою очередь обладали рабами. Из среды этих «королевских рабов» вышли многие позднейшие знатные роды. Эти рабы иногда назначались королевскими судьями, и свободное население того или иного округа оказывалось на положении их подчиненных. Но помимо этого привилегированного слоя и остальная масса рабов не отделялась теперь несомненно от остального общества. Законодательные памятники говорят о «рабах, защищаемых патронием» (частным покровительством), что сильно сближало их с колоннами. В ряде случаев вестготские законы («Правда» вестготов) предписывают освобождение принудительное раба в случае, если хозяин подвергал раба телесному наказанию без достаточных оснований или в случае, если хозяин продавал раба за границу дважды. Запрещалось предъявлять права на рабов, которые, убежав от хозяина, отсутствовали 30 лет и более. В обязательном порядке освобождались рабы, оказавшие более или менее значительные услуги обществу или государству. Эти многочисленные случаи обязательного освобождения рабов указывают на то, что вестготская власть проявляла явную тенденцию к изживанию рабовладельческих отношений. Эта тенденция подчеркивается еще и такими фактами, как привлечение рабов на военную службу. По вестготским законам VI века, хозяева рабов должны были

их вооружать и вести с собой в поход. Латинский термин «сервус» далеко не всегда обозначает раба в вестготских текстах; этим словом иногда обозначали вообще зависимого человека; точно так же и слово «сервитум» часто обозначает службу зависимого человека, а не специфическую рабскую зависимость. Вообще вестготские законы уделяют много внимания рабам; это обстоятельство также указывает на то, что рабская масса в целом в известной мере включалась в сферу действия права, признавалась правоспособной.

Положение других эксплуатируемых классов галло-римского общества тоже улучшилось в вестготском государстве; писатель-публицист V века Сальвиан из Марселя рассказывает о массовом устремлении к вестготам колоннов, основного земледельческого населения провинции, бежавшего с имперских территорий Галлии от тяжелой государственной и частной эксплуатации. Тяжесть налогового обложения давила на них у вестготов гораздо меньше; их крепостная зависимость по отношению к новым собственникам земли, вестготам, тоже была более слабой.

От вестготского завоевания пострадала галло-римская землевладельческая знать. У нее отняли сначала одну, потом другую треть ее земельной собственности. В своих огромных имениях, укрепленных замках галло-римские землевладельцы жили в роскоши, окруженные массой приближенных, слуг и всякого рода зависимых людей. Многие из них были настолько богаты и сильны, что образовывали у себя настоящие военные отряды, доходившие до нескольких тысяч человек. Так например, когда Валлий перешел в Галлию из Испании, один из таких аристократов занял своими вооруженными силами горные проходы через Пиренеи. Этот господствовавший класс явился основным врагом вестготов. Напрямую этого класса, выбитого из привычных позиций своего господства, ярко отражены поэтом и политиком эпохи вестготского завоевания Сидонием-Аполлинарием в ряде произведений. Для Сидония наступление господства вестготов означало гибель всех устоев общественной и политической жизни: исчезают, пачкают, все различия по положению в обществе. Сидоний сообщает своему другу Эмилицию в письме: «Если у государства нет больше сил... если, как говорят, император Аппетий бесценен, то знать решила, по твоему почину, либо отказаться от отечества, либо перейти в духовный сан». По Сидонию, и рабы и варвары являются врагами господствующего класса и культуры вообще; и эти враги близки к решительной победе!

Позднее, по мере выделения аристокра-

тической верхушки внутри самого вестготского общества, улучшилось и положение галло-римской знати; в ее интересах было восстановление действия римских законов, для чего был издан при сыне Эйриха Аларихе II в 506 году специальный законодательный сборник под названием «Лекс романа визиготорум», т. е. «Римские законы, принятые у вестготов». Соответственно всем этим мероменам изменилось и отношение к вестготам галло-римских аристократических писателей. Вестготы представлялись им уже как защитники против варваров», грозивших затмить всю Римскую империю. «У вестготского короля ищешь ты, о римлянин, спасения», — пишет позднее тот же Сидоний-Аполлинарий. — «И против елифедких полчищ, когда из страны созвездия Мелвиллы поднимутся тревоги, мы будем просить тебя, о Эйрих, своим оружием защитить слабый Тибр, с помощью могучего бога войны, живущего в Гарэине». С энтузиазмом изображает Сидоний величественный дворец Эйриха в Бордо, который рисуется ему как политический центр мира. Послы великой державы тогдашнего Востока — сасанидской Персии появляются при дворе Эйриха, приносят ему богатые дары, предлагают заключить союз между вестготским и персидским государствами.

Во второй половине V века Толванское государство вестготов являлось наиболее крупной политической силой в западной части Римской империи. Оно восприняло римскую политическую организацию, приспособив ее для оформления господства сохранившейся еще родовые пережитки вестготской родовой знати, следствием чего являлась некоторая демократизация общественно-политических отношений по сравнению с отношениями, существовавшими в Римской империи. Вестготское государство являлось культурным и политическим центром для наступавших на империю германских племен.

4

Социально-экономическая база этого первого германского государства представляла собой смешение старых, разложившихся рабовладельческих элементов с новыми элементами находившегося в периоде классового оформления вестготского общества: с одной стороны, колонны и рабы, положение которых значительно улучшилось, с другой — «рядовые свободные» вестготы — земледельцы, постепенно попадавшие в личную зависимость от укрепившейся аристократической верхушки вестготов. С одной стороны старая землевладельческая галло-римская знать, с другой — землевладельческая и служилая вестготская знать.

Но в новом вестготском государстве еще преобладало политическое и культурное наследие распадавшегося рабовладельческого мира. Колоны и отчасти рабы, хотя их классовое положение и изменилось к лучшему в смысле большей хозяйственной самостоятельности и большей личной свободы, все же оставались основным производительным классом, эксплуатировавшим который, хотя и в меньшей степени, продолжали вестготы и особенно галло-римская знать.

Города продолжали играть важную роль как политические и экономические центры; они получили теперь более широкие права самоуправления. Состав городского населения в основном остался прежним, галло-римским, с той лишь разницей, что часть вестготов поселилась в городах, превратившись в привилегированных городских землевладельцев и домовладельцев, которые не смешивались с остальным городским населением, жившим по старым римским законам. При Аларихе II изданием уже упомянутого законодательного сборника «*Lex romana visigothorum*» был окончательно закреплен в законодательном порядке староримский строй городской жизни. Попрежнему городская «*курния*», состоявшая из наиболее богатых городских владельцев, управляла всеми делами города, выделяя из своей среды представителей в высшие судебные-административные и финансовые органы в виде разного рода «*дуовиров*», «*децемпримы*», «*дефенсора цивитатис*» («*защитника города*») и др. Но если при господстве Рима все эти органы власти носили чисто фискальный и бюрократический характер, жестоко подавляя и притесняя низшие слои городского населения, выколачивая из него большие налоги, то теперь эти органы были связаны с более широкими кругами городского населения; городская община в целом стала более автономна; налоговое бремя было значительно снижено.

Города южной Галлии, попавшие в пределы вестготского государства, попрежнему являлись пунктами оживленной торговли; «*Правда*» вестготов содержит ряд параграфов, регулировавших речное и морское судостроение, обеспечивавших права иностранных купцов; так например в них говорится о «*теленариях*», которые защищали и представляли перед властями интересы иностранных купцов; ряд параграфов касается ремесел. Заложному слою городского населения, так называемым «*курнадам*», «*Правда*» предоставляет ряд привилегий, приближавших положение этого слоя городского населения к положению знати.

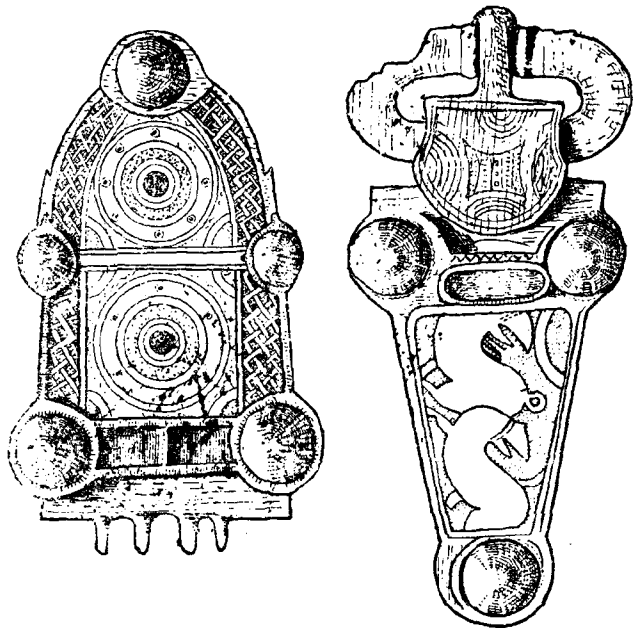
Таким образом, город в вестготском госу-

Вестготский бокал, найденный в Южной Франции.

дарство сохранял еще тот вид, который он имел в эпоху поздней Римской империи.

Государственный строй вестготов представлял собой старую римскую административную систему, к которой примешивались некоторые древнегерманские учреждения, сложившиеся в период разложения родовых отношений. Власть вестготского короля была выборной, выбирало короля войско, т. е. все «рядовые свободные» германцы, сходившиеся вооруженными на старинную сходку. Но уже начиная от Теодориха II вестготские короли выходили из одного рода; сама сходка с оседанием вестготов на обширной территории, с постепенным превращением основной массы «свободных» воинов в полусвободных крестьян утерала свое прежнее значение. Она стала органом оформлявшегося господствующего класса. Но все же старинная сходка воинов еще сохранила известное значение — король созывал ее при решении важных вопросов, но являлась на сход лишь привилегированная верхушка; такую сходку, собранную в 455 году королем Теодорихом II, изображает уже упоминавшийся нами писатель Сидалий-Аполитинарий; на восходе солнца в долине сошлись вооруженные воины, король провозгласил мир, т. е. как бы утвердил свободу высказываний, после чего начались беспорядочные прения, сопровождавшиеся звоном и стуком оружия.

Вестготские украшения, найденные в Южной Франции.

Несмотря на наличие этих пережитков родовой демократии, в руках вестготского короля была сосредоточена законодательная и исполнительная власть и все дело обороны.

В административном аппарате Толузанского государства сохранялись старые римские должности и административные подразделения, с одновременным введением должностей чисто готского происхождения, имевших отношение только к вестготам.

Старое римское административное деление в основном оставалось в вестготском государстве, которое делилось на провинции и городские округа. Галло-римское население было резко отграничено от вестготского; браки между римлянами и вестготами карались смертной казнью; галло-римляне и вестготы были подсудны в низших инстанциях разным судам.

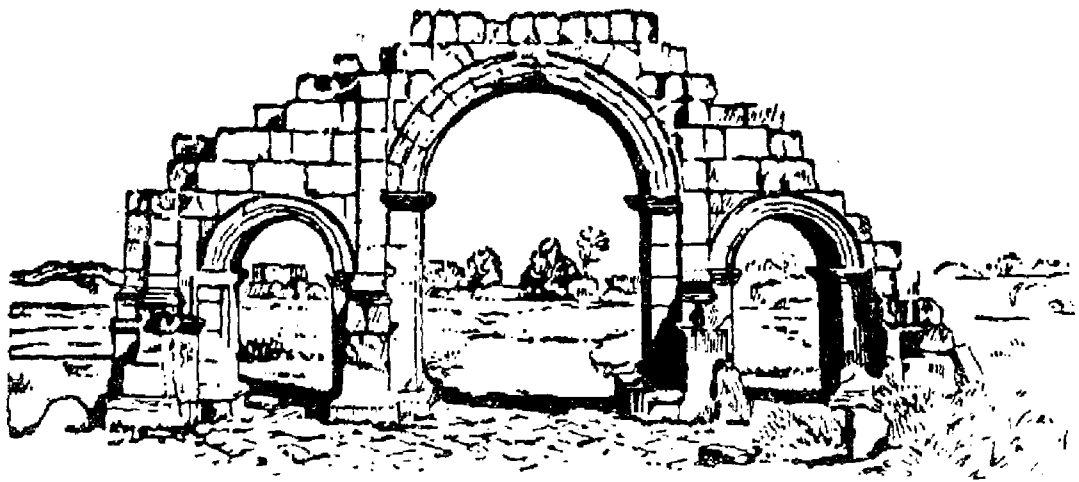
Во главе провинции стоял «дукс», назначавшийся королем и обладавший всей полнотой власти. Ниже «дукса» стояли «комес» и «юдекс». «Юдекс» возглавлял судебную организацию данной провинции, а «комесы» занимали самые разнообразные административные должности; «комесами»

король часто назначал лично от него зависимых людей, чаще всего своих рабов.

Но наряду с этими должностями староримского происхождения в Толузанском государстве существовали и должности чисто готского происхождения: «милитарий» («тысяцкий»), «ингисотинь», «сотинь» («центенарий»), «пятидесятник» и «десятник» («декан»). Как показывают названия, это были командиры частей вестготского войска. Эти командиры и в мирное время несли некоторые судебно-административные обязанности; эти должностные лица ведали только делами, касавшимися вестготов.

В судебной организации вестготского государства преобладающую роль получили римские учреждения и законы, наряду с которыми действовали и германские родовые обычаи; из 320 статей древнейшей записи вестготской «Правды», сделанной при Эйрихе, 99 прямо римского происхождения, 20 созданы под влиянием римского права. При помощи римских законов вестготские короли боролись за свою власть против непокорной родовой знати.

Но именно этот двойственный характер социально-экономической базы и государственных учреждений вестготов, сохранение социально-политического уклада разложившегося рабовладельческого общества, который не слылся с базировавшимся еще на пережитках родовой строя укладом социально-политической жизни вестготов и не был разрушен этим последним, — этот двойственный характер делал вестготское государство малоустойчивым перед натпором других германских племен. В 507 году германское племя франков под предводительством своего вождя Хлодвига в битве при Пуатье разгромило вестготское войско. Вестготы были вынуждены уйти за Пиренеи, в Испанию, где основали новое государство, столицей которого был город Толедо. Пеналекое государство вестготов, сохраняя в основном все отмеченные черты первого вестготского государства, просуществовало до второго десятилетия VIII века, когда оно было завоевано арабами.

Проф. В. Сергеев

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ (ПОСЛЕДНИЕ АНТОНИНЫ И СЕВЕРЫ)

Римская империя в своем развитии прошла два главных этапа: период принципата (I—II века) и домината (IV—V века). Принципат представлял своеобразную конституционную монархию античного мира. Политическая власть при принципате была поделена между сенатом и императором (принцепсом), считавшимся первым сенатором и первым гражданином. Сенаторское сословие составляло высший господствующий класс римского общества, ниже которого стояли всадничество, городской и сельский плебс. Рабы, число которых в Римской империи было очень велико, составляли бесправную массу, стоявшую вне закона. К сенаторскому сословию принадлежали италийские и провинциальные землевладельцы, занимавшиеся в то же время торговлей, имевшие рабские мастерские — мануфактуры — и ссужавшие деньги под проценты. В первые десятилетия принципата, при первой римской династии Юлиев—Клавдиев, ведущую роль в сенате играли италийские сенаторы, потомки старинных римских родов.

При последующих же династиях, Флавиев и в особенности Антонинов, италийская знать все более вытесняется провинциальной знатью, принадлежавшей к верхнему слою провинциальных городов (муниципий). «Золотой, или «счастливый», век Антонинов был временем расцвета провинций и вообще временем высшего расцвета римской экономики. При Антонине Пии «наблюдается процветание провинций»

(Маркс «Хронологические выписки». Архив Маркса — Энгельса. Т. V, стр. 6. 1938).

Наибольшие выгоды из экономического расцвета извлекали верхние слои провинций — курiales, то есть члены муниципальных сенатов, или курий. Влиятельные курiales становились членами общеримской курии, то есть римского сената.

Точно так же и в культурном отношении век Антонинов и Северов считается высшей точкой античной (классической) культуры, распространившейся по всему римскому миру.

При последних Северах принципат сменяется доминатом...

История домината формально начинается с Диоклетиана и Константина Великого (IV век), подготовительный же процесс создания социально-политических и культурных форм поздней античности восходит к более раннему времени, к эпохе Антонинов и Северов, то есть ко II столетию и первой половине III столетия.

В истории античного мира век Антонинов и Северов имеет очень большое значение как переходный период от принципата к доминату.

Без предварительного знакомства с историей названных десятилетий останутся непонятными и исторически необъяснимыми многие явления последующей эпохи. Останется непонятным и самый кризис III века, образующий грань между Римской и Поздней империей.

Плеяду императоров «золотого века» заканчивает Марк Аврелий (161—180 годы). Марк Антонин Аврелий, известный в истории под именем «императора-философа», происходил из древней фамилии Аннеев, переселившейся в Рим из Испании и достигшей высокого положения на римской государственной службе.

По своим внешним качествам Марк Аврелий представлял полную противоположность первому принцу испанской династии — Траяну — небольшой ростом, слабый, с белым цветом кожи, с рано поседевшими волосами, густой бородой (отличительным признаком всех Антонинов), большим носом и прекрасными глазами. В молодости Марк Аврелий обладал достаточно крепким здоровьем и даже не без успеха охотился с лошадью на кабана. В зрелом же возрасте его здоровье сильно ослабело в значительной степени вследствие напряженных длительных занятий философией и государственными делами. По словам историка Юлия Квинтилиана, Марк Аврелий, собственно, никогда и не был молодым. Уже двадцатилетним юношей он носил старческую тогу и все время проводил за книгой, изнуряя себя притом «стоическими добродетелями», отказом даже от самых

Марк Аврелий дает прощение маркоманским вождям. Барельеф.

элементарных житейских удобств. Его учителями были знаменитые тогда философы и профессора стоической школы. По всему стилю жизни и образу мыслей Марк Аврелий был типичным интеллигентом античного мира. Цари, полагал он, должны быть философами или же философы должны быть царями.

Свой взгляд на государство и обязанности верховного правителя он изложил в специальном философском трактате «Размышления с самим собой» в виде многочисленных афоризмов, лишь с трудом поддающихся систематизации. Согласно доктрине императора-философа, все в мире совершается по законам предустановленной гармонии, обладающей характером естественного закона. Закону этому в одинаковой степени подчиняются все люди, и каждый из них выполняет назначенную ему судьбой или божеством роль, необходимую для общего блага. Уклоняющийся же от исполнения закона подобен рабу, убегающему от своего господина. «Господин — это закон, а тот, кто поступает против закона, есть дезертир». Вне зависимости от воли каждому предопределено «всемогущим законом» то, что ему должно быть предопределено. Цели и пути мира нештуповедимы. Каждое существо в общей системе подобно лепестку растения. Государство подобно вселенной; как во вселенной, так и в государстве жизнь протекает по определенным, независимым от воли людей законам, интересы отдельных членов государства не должны находиться в противоречии с интересами целого и наоборот. Государство и гражданство составляют единое целое. Что не причиняет вреда государству (полису), то не приносит вреда и гражданину как неотделимой его части.

Идеальным государством Марк Аврелий считал «государство философов» Платона, горячим почитателем которого он оставался в течение всей своей жизни. По типу платоновского государства должно быть построено в идеале и римское государство, в котором верховная власть принадлежит императору-философу, возглавляющему верховный совет Рима — сенат, своего рода собрание лучших людей страны. Марк Аврелий считал, что сенат должен пополняться людьми высоких личных качеств и заслуг вне зависимости от их происхождения.

В то же время Марк Аврелий стремился превратить сенат в послушное орудие императора, в государственный совет, состоящий из друзей принцепса. С этой целью в сенат было введено много новых членов из друзей и клиентов императорского дома. Люди же незнакомые или малознакомые императору в сенат допускались с большим трудом, лишь в виде исключения.

Рабочая комната сенатора. Рим.

Реконструкция.

При зачислении в сенат принимались во внимание прежде всего личные качества кандидата, его образование и степень его близости к особе принцепса, родовитость же решающего значения не имела. Так, только за личные заслуги получил сенаторское звание Гельвидий Пертипакс, сначала простой школьный учитель, затем знаменитый полководец и, наконец, император.

При Марке Аврелии среди римских сенаторов находилось много уроженцев Сирии, Малой Азии, Африки, Дунайских провинций и пр.

Делам управления и администрации Марк Аврелий уделял очень много времени и внимания, лично вел судебные процессы, присутствовал на заседаниях сената и часто советовался по судебным и административным делам с видными юристами того времени, в особенности со *Сцеволой*. В расходовании государственных средств он был весьма экономен и даже скуп. При нем не возводилось таких дорогостоящих построек, как при Траяне или Адриане, были урезаны траты на зрелища, содержание актеров, гладиаторские бои и т. д. Хлебные раздачи были сохранены, поскольку государственные интересы требовали поддержания соответствующего настроения римского народа.

Из многочисленных законов, изданных при Марке Аврелии, в первую очередь следует отметить законы о рабах и вольноотпущенных, улучшавших их пра-

вовое положение. Раб стал признаваться личностью; он получал от своего господина в условное или арендное владение (*пекулия*) земельный участок, лавку или мастерскую. Число вольноотпущенников увеличивалось, в особенности в городах, и удельный вес их в римском обществе повышался. Законы о рабах, как и многие другие законы, изданные в «золотой век» Антонинов и Северов, свидетельствуют о начинавшемся разложении рабовладельческой системы.

Наряду с развитием очень важной для римской экономики практики *пекулий* и вольноотпущенничества при Антонинах и Северах начинают в широком масштабе пользоваться рабочей силой варваров, осевших на римской территории и обрабатывавших землю на правах наследственных арендаторов — *летов* или *конов*.

Из других мероприятий Марка Аврелия, направленных на улучшение административного аппарата и укрепление финансовой мощи государства, следует отметить: кассацию долгов в сумме 50 миллионов сестерций, тяготевших на плательщиках, закон о денежных ссудах и аукционах, введение государственных опекунов, разрешение матерям передавать без завещания имущество своим детям, как сыновьям, так и дочерям, уравнение в правах незаконных детей с законными и многие другие.

Законы 177 и 178 годов вводили регистрацию рождений на всей территории Римской империи.

К тем же приблизительно годам относится еще один важный закон — о защите гражданских прав. Согласно этому закону, судебное постановление, объявлявшее человека свободнорожденным, не могло пересматриваться по истечении пяти лет, в случае же преждевременной смерти человека оно вообще никакому пересмотру не подлежало и дети умершего признавались свободнорожденными.

Законодательная деятельность и научные занятия Марка Антонина протекали при крайне напряженном положении Римского государства, в течение долгих лет не выходявшего из состояния разорительных войн и стихийных бедствий.

После «римского мира», установившегося при первых Антонинах, при Марке Аврелии Рим снова вступил в полосу длительных войн, начавшихся одновременно почти на всех границах. Римская империя, территория которой в общей сложности равнялась 100 тысячам квадратных миль, оказалась охваченной железным кольцом врагов, стремившихся прорваться через римские границы. В 162 году началась парфянская война, длившаяся более трех лет (162—165 годы), а одновременно с ней велась на северо-восточном фронте изнурительная маркоманская война против коалиции германо-сармато-скифских племен, продолжавшаяся с небольшими перерывами в течение всего правления Марка Аврелия.

Восточную войну открыл парфянский царь Вологез. Воспользовавшись ослаблением Римского государства после смерти Антонина Пия, он поднял против Рима все страны и народы по ту сторону Тигра и Евфрата. Несмотря на все трудности, в этой войне все-таки победили римляне. К Риму отошло много городов, в том числе такие города, как Эдесса, Селевкия и Ктезифон; в этой войне римляне захватили, по преданию, 350 тысяч рабов.

Одновременно с парфянской войной велась тяжелая маркоманская война на Рейне и Дунае. Воспользовавшись уходом римских войск, снятых для парфянской войны, пограничные народности, принадлежавшие германским, скифским и сарматским племенам, стали переходить пограничную линию и опустошать римские области. Значительная часть Европы была затронута огромным народным потоком, идущим от Рейна и Дуная в направлении Галлии и Британии. Одновременно римские войска сражались в Парфии, Британии, в африканской Мавретании, сдерживали напор скифов и сарматов. Все римские границы и вся Римская империя были приведены в боевое положение. Это было начало «великого переселения» народов, в конце концов поглотившего Рим-

скую империю и создавшего почву для последующих варварских королевств, открывших историю средних веков. «Это первый признак великого переселения народов, которое с этого времени начинается» (К. Маркс «Хронологические выписки», стр. 7).

Бедственное состояние Римской империи еще более увеличила эпидемия чумы, со страшной силой разразившаяся во время парфянской и маркоманской войн. Чума свирепствовала по всей империи и в самом Риме, унося тысячи жертв, главным образом солдат и рабов, живших скученными массами. Фуры и телеги не успевали вывозить из городов трупы покойников. Бедствия были так велики, что многим казалось, что уже приближается конец мира.

Путем крайнего напряжения всех сил государства, полного истощения собственного здоровья и замаскированных уступок Марку Аврелию удалось спасти Рим от грозной опасности. «Антонин отстоял границы империи» (там же). Государственная касса была совершенно истощена, провинции страдали от высоких налогов и повинностей, ценность денег упала. При таком положении Марк Аврелий прибег для пополнения опустошенного государственного казначейства к своему фидуциарному займу. На форуме «божественного» Траяна был объявлен аукцион императорских украшений.

На вырученные от аукциона императорских украшений деньги были поделены на войска и чумы. Как во вторую Пуническую войну, самую тяжелую годину римской истории, так и теперь наряду со свободными гражданами в армию вербовали вольноотпущенников, рабов и гладиаторов.

Вместе с тем происходила усиленная вербовка в римскую армию варварских народностей, поступавших на римскую службу и сражавшихся против своих же братьев.

Таким путем Марку Аврелию удалось не только остановить напор варварских племен, но и использовать их смелость и энергию в интересах Рима. Между Римом и отдельными варварскими племенами был заключен мир, произведен обмен военнопленными и установлены пограничные линии. Целые германские племена во главе со своими царями оседали в пограничных провинциях: Паннонии, Мизии, Далмации, Германии и даже в самой Италии.

Вербовка варваров, оседание их на римской территории — факт огромного значения для всей последующей истории. На важность этого факта не один раз по разным поводам указывали классики марксист-

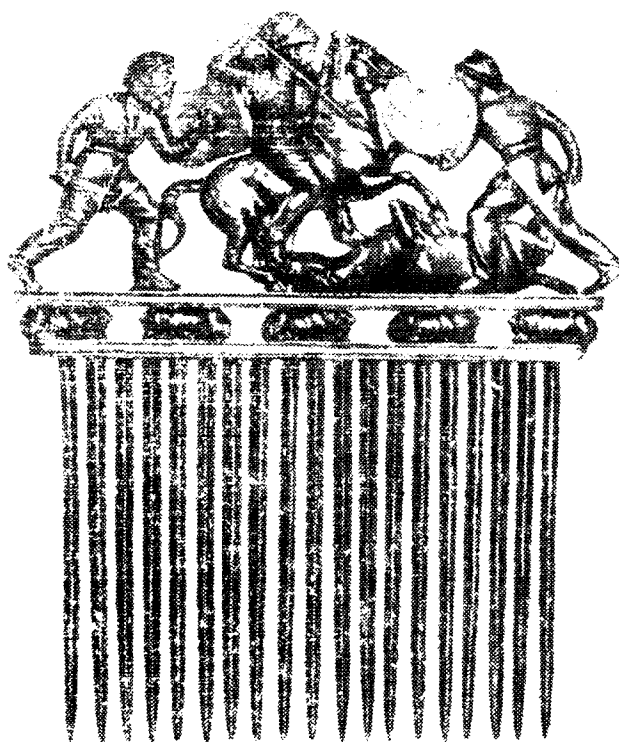
ма. «Антонин, — говорит Маркс, — отстоял границы империи; но он первый поселил некоторых из варваров в пределах империи или брал их на римскую службу» (там же). В лице варваров Римская империя получала недостававший ей резерв военной и рабочей силы. В пограничных областях между римлянами и варварами устанавливались оживленные торговые связи и происходил обмен накопленными культурными ценностями и опытом. Влияние варваров на Рим с каждым столетием усиливалось, пока, наконец, в V столетии западная часть Римской империи не распалась на ряд варварских королевств.

Победа Марка Аврелия над германцами, сарматами и скифами была бы более полной, если бы не произошел мятеж Авидия Кассия, одного из наиболее одаренных римских полководцев эпохи Антонинов, выступившего в 175 году против императора.

Восстание К а с с и я очень типично для императорского Рима, для которого военные мятежи и покушения на захват верховной власти мятежными полководцами были обычным явлением. Причины этого заключались в организации римской армии и в ее социальном составе. Со времени Гая Мария римская армия была наемной армией, пополняемой самыми разнообразными элементами. В армию шли обездоленные люди всех званий, в том числе волеопущенники и беглые рабы. Условия службы были тяжелые, срок пребывания в армии продолжительный, дисциплина строгая, а выплата стипендия неаккуратная. Все это питало недовольство служилого элемента и делало армию источником постоянных заговоров и мятежей. Честолюбивые военачальники пользовались недовольством войск и с их помощью подымали восстания и провозглашали себя императорами. Иногда, наоборот, сами легионеры в расчете на последующие награды и льготы толкали своих полководцев на государственный переворот. Оба эти мотива имели место в деле Авидия Кассия.

Поднятый Кассием мятеж охватил всю Сирию и нашел отклик в других частях империи. Встревоженный этим, император немедленно наслал закончил германскую кампанию и отправился в Восточные провинции, на новую войну против мятежного и благодаря своей популярности среди войск очень опасного военачальника. Однако дело до сражения не дошло. Кассий погиб. Согласно одной версии, он был убит одним центурионом, а по другой версии — отравлен.

Освободившись от мятежного полководца, Марк Аврелий в 178 году снова был вовлечен в новую, по счету уже треть-

Сражающиеся скифы. Изображение на золотом гробне, найденном в гробнице скифского царя у берегов Днепра, в кургане Солоха.

маркоманскую войну (178—180 годы), вызванную бесчинствами и насилиями, которые римские отряды причиняли своим соседям — варварам. В самый разгар этой войны Марк Аврелий занемог и умер в Виндобоне (Вене) 17 марта 180 года, встретив смерть с чисто стоическим спокойствием. «Человек, — писал Марк Аврелий в своих «Размышлениях», — должен жить согласно природе, и когда настанет время возвращения в отечество (смерти), он должен спокойно принять это, подобно тому как созревшая маслина, падая, благословляет дерево, на котором она росла».

2

После смерти Марка Аврелия императором становится его сын Коммод.

Марк Аврелий — император-философ — и Коммод — император-гладиатор — представляют не только два противоположных человеческих типа, но и как бы два противоположных мировоззрения и мироощущения. Марк Аврелий — типичный представитель старого, классического Рима, греко-римской культуры, нравов, обычаев и политических воззрений классической античности. Наоборот, в характере Коммода имеется много черт, роднящих его с людьми Поздней империи, в частности его склонность к мистике и религии.

Политическая карьера Коммода началась очень рано и блестяще. Уже в 19 лет он

был соправителем своего отца и разделял с ним «заботы по управлению государством», принял титул цезаря, а позже — августа.

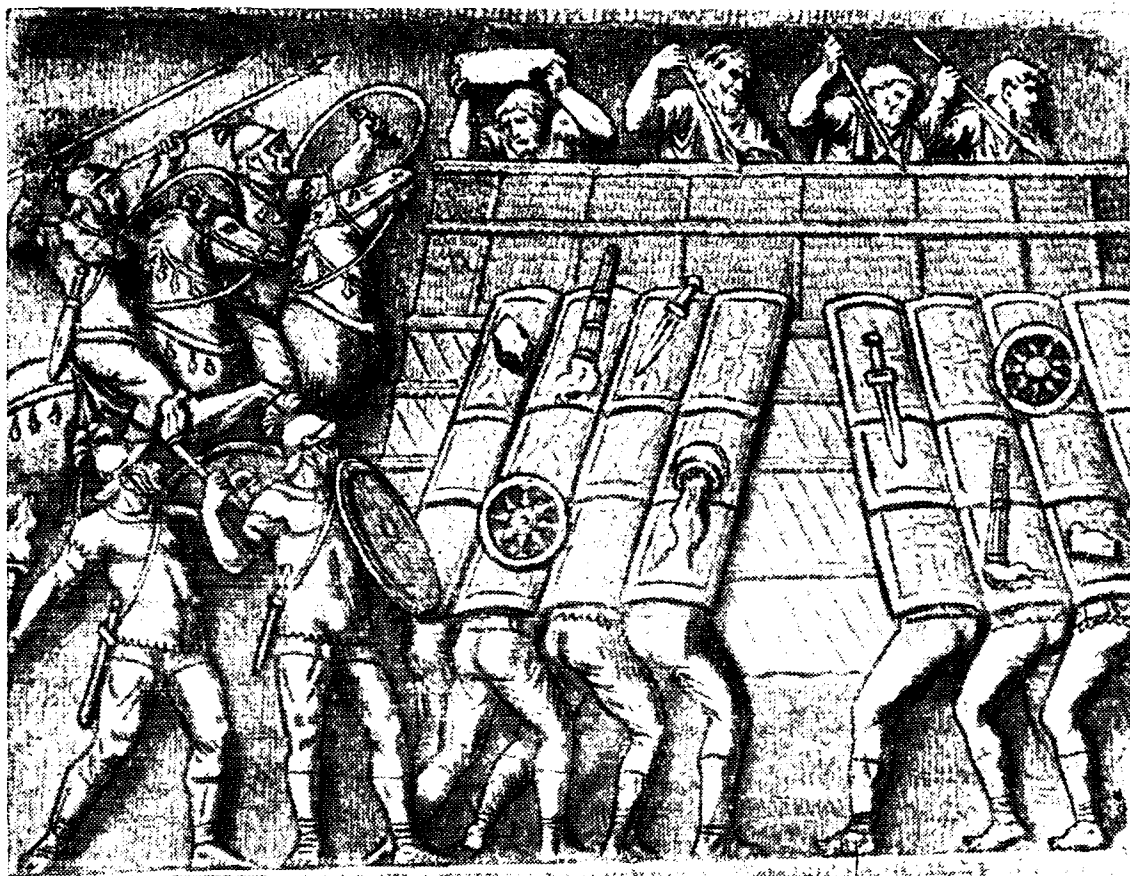
Первые годы правления молодого Коммода ознаменованы крупными победами на северовосточном, или рейнско-дунайском, фронте. После нескольких поражений маркоманы, квады и другие германские племена сложили оружие и заключили с Римом мир на основе прежних договоров. Тринадцать тысяч квадов и приблизительно столько же маркоманов были приняты на римскую службу. Победенные народы обязывались выдать дезертиров и уплачивать контрибуцию зерном в пользу Рима. Возвращение молодого и победоносного принца в Рим было встречено с триумфом. «Весь сенат и весь народ бросились ему навстречу. Каждый первым хотел поднести ему лавровый венок и живые цветы. Вся эта масса народа вышла далеко за город приветствовать молодого императора...» — в таких словах описывает возвращение Коммода в Рим историк Геродиан.

Однако миролюбивые отношения между императором и сенатом продолжались недолго и скоро перешли в резко враждебные. Повод к этой вражде, превратившейся в ожесточенную войну не на жизнь, а на смерть между двумя руководящими органами Римского государства, подал сам Коммод.

Он ни в какой мере не терпел сенаторского контроля. В самом сенате существовали различные группировки, некоторые из которых, главным образом из личных расчетов, поощряли абсолютистские наклонности молодого, окруженного льстецами императора. На государственные должности Коммод смотрел как на источник милостей и наград, которые он раздавал своим фаворитам, большей частью провинциалам, всадникам, вольноотпущенникам, придворным рабам и т. д.

«Управление провинциями, — говорит Элий Лампридий, составитель биографии Коммода, — он вверял или соучастникам своих преступлений, или же лицам, рекомендованным таковыми. ...Вследствие ненависти к нему сената, он свирепствовал против столь высокого учреждения, стремясь его уничтожить».

Многие влиятельные члены сенаторской коллегии чувствовали себя обиденными и обиженными и потому склонны были участвовать в государственном перевороте, коль скоро к этому представлялся подходящий случай. За период двенадцатилетнего правления Коммода заговоры следовали один за другим, но все они заканчивались неудачей: их организаторы и участники были казнены. Фактически власть находилась в руках префектов претория, которые также недолго держались у власти. За

Римские войска берут приступом германские укрепления.

Барельеф с колонны Марка Аврелия в Риме.

Петронием следовал Переннис, затем Нигер и Клеандр.

Диктатура Клеандра продолжалась около двух лет. В 190 году он пал во время народного восстания, разразившегося в Риме на почве голода и эпидемии. Виновником голода считали Клеандра, якобы скрывавшего хлеб со спекулятивной целью. Масса голодного люда направилась ко двору императора, находившемуся в предместьях Рима, где в то время проживал и Клеандр. Высланные против восставших преторианцы встретили сильное сопротивление со стороны народа, окружавшего императорский дворец и требовавшего выдачи главного виновника всех бедствий — Клеандра. В страхе за собственную жизнь Коммод выдал своего фаворита, приказав отрубить ему голову. Толпа рассеялась лишь после того, как увидела голову Клеандра, воткнутую на колы и показанную народу.

Двенадцатилетнее правление Коммода и самая его личность представляют интерес как переходная ступень от принципата к доминату не только в смысле замены одной политической системы другой, но и в более глубоком значении — смены одного мировоззрения другим. Конституционный покров, прикрывавший императорский абсолютизм при Антонинах, теперь упал, и «республиканская монархия» (принципат) вырождалась в открытую военную деспотию, а принцепс из первого гражданина и главы сената превращался в императора в собственном смысле слова. Не имея поддержки в сенате, Коммод тем больше стремился привлечь на свою сторону войско и городской плебс, пуская в ход все имевшиеся в его распоряжении средства и демагогию.

На благорасположение городского плебса большое влияние оказывало прежде всего великолепное снабжение города хлебом и т. д. После падения Клеандра организована была специальная флотилия, привозившая хлеб из Африки и Египта. Что же касается зрелищ, то «благороднейший принцепс», «Отец сената» и «создатель счастья» — Коммод — не только отпускал средства из государственной казны, но и сам принимал непосредственное участие в представлении в качестве главного действующего лица.

Сын императора-философа отдал дань также и другой страсти людей поздней античности — религии и мистике.

В обиходном пантеоне Коммода нашли себе приют все божества античного мира, как греко-римские, так и восточноегипетские: Изиса, Кибела, Анубис, Митра. Не был забыт также и христианский бог, горячей почитательницей которого была Марция,

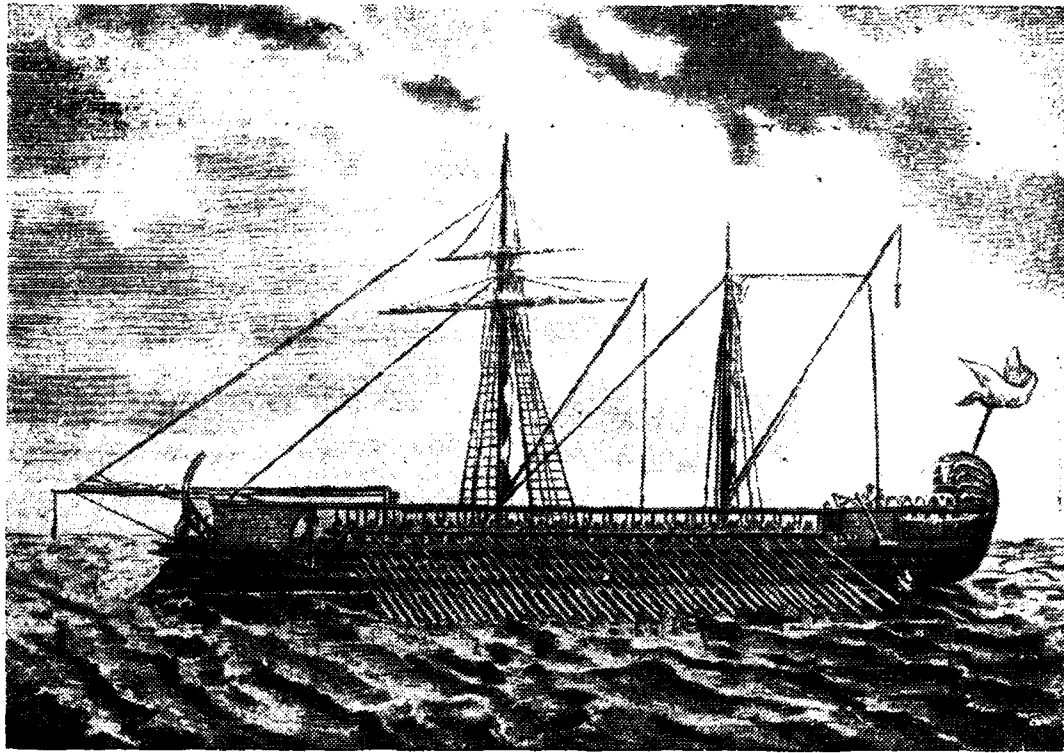

Коммод, изображенный в виде Геракла. Капитолийский музей.

полонившая ум и сердце «Великого и Всеблагого Юпитера», как именовали императора его почитатели и обожатели. Личность самого императора обожествлялась.

Казненного Клеандра сменили другие царедворцы и фавориты: египтянин Экликий, спальничий императора, префект претория Квинт Эмилиус Лет и христианин Марция, возлюбленная Коммода. Эти лица, убедившись в полной неспособности императора управлять государством, организовали новый заговор, войдя предварительно в соглашение с полководцами провинциальных армий и преторианцев. 31 декабря 192 года Коммод был отравлен медленно действующим ядом, предложенным ему Марцией. Когда оказалось, что яд слишком медленно действует и император обнаруживает признаки выздоровления, на него набросился атлет Нарцисс — гладиатор, которого он держал для упражнения в борьбе, — и задушил его. Убийство Коммода сенат принял себе и издал по этому поводу широковещательную прокламацию, полную оскорблений по адресу убитого принцепса. Было постановлено его тело растерзать крюками и выбросить в Тибр. Со смертью Коммода прекратилась династия Антонинов.

Двенадцатилетнее правление Коммода, полное произвола, насилий и капризов императора, переходившего от одного влияния к другому, имело для императорской власти двойные последствия. С одной стороны, за

Римская трирема.

Реконструкция.

3

эти годы еще более утвердилась идея неограниченной монархии, а с другой стороны, монарх оказался в полной зависимости от войска, бывшего в то время единственной организованной силой в Риме и по своему произволу распоряжавшегося императорской короной. С полной очевидностью это обнаружилось тотчас же после смерти Коммода.

Преемником Коммода был Гельвидий Пертинакс (192—193 годы), блестящий полководец, выдвинутый сенатом, человек честный и серьезный, но не сумевший наладить отношения с солдатами и потому убитый ими на 76-й день своего кратковременного правления. Пертинакса сменил богатый сенатор Дидий Юлиан, заплативший за императорский трон каждому преторианцу по 6250 драхм и победивший тем самым другого претендента, Сульпициана, prefecta города, предлагавшего по 5 тысяч драхм. Дидий Юлиан не пользовался авторитетом не только у сената, но даже у самих купленных им преторианцев и сразу же вызвал против себя всеобщее недовольство. Против непопулярного императора поднялись сразу три провинциальных армии, предводительствуемые энергичными, даровитыми и честолюбивыми военачальниками: наместником Британии — Клодием Альбином, наместником Сирии — Песценнием Нигером — и наместником Паннонии — Луцием Септимием Севером. Между полководцами возгорелась ожесточенная междоусобная война, продолжавшаяся четыре года. Победителем из нее вышел Септимий Север, начавший новую, по счету четвертую династию императоров Рима.

В династии Северов принадлежали следующие императоры: Септимий Север (193—211 годы), его сын Каракалла (211—217 годы), Элагабал (218—222 годы) и Север Александр (222—235 годы), с 217 до 218 года царствовал мавретанец Макрин, prefect претория, глава заговорщиков, убивших Каракалла. Основателем новой династии был Септимий Север, по своему происхождению не римлянин, а уроженец города Лептиса в Африке, где преобладало финикийское население.

На императорский трон Север попал исключительно по воле войск. Инициатива его избрания исходила от германских легионов, расквартированных на Рейне. Выбор германских легионов поддержали галльские, иллирийские и восточные части. Однако сенат не признал решения войск и объявил Севера врагом отечества. В ответ на это Север двинулся на Рим, произвел страшные опустошения в городе и заставил вооруженной силой сенат и народ признать себя верховным правителем.

Ставленник войска и смертельный враг сената, Септимий Север совершенно естественно все свое внимание обратил прежде всего на войско, свою главную опору. Ни один из римских императоров предшествующего периода так не ухаживал за легионерами и преторианцами и не производил таких богатых денежных и земельных раздач, как Септимий Север и его ближайшие преемники. Свое отношение к войску Север выразил в известной сентенции, вы-

сказанной им на смертном ложе в наставление своим детям: «Не ссорьтесь между собой. Угождайте войску, и все остальное можете презирать».

Время правления Северовой династии было чрезвычайно напряженным временем для Римской империи. Долгая гражданская война привела к разорению ряда городов, уменьшению населения, понижению материального благосостояния и культурному огрубению.

Внутренние затруднения Рима, естественно, не могли не использовать его внешние враги. В 198 году началась война с парфянами, поддерживавшими одного из соперников Севера — Песценния Питера. Парфянская война (198—202 годы) стоила Риму очень дорого, хотя в окончательном итоге победа осталась за полководцем Севера Летом, командовавшим римской армией. Лет захватил важные стратегические и торговые центры Парфии: Низибиду, Ктесифон и Гатру, центр караванной торговли. Кроме того велись войны в Британии, на Рейне и на Дунае. Напряженное внутреннее и внешнее положение Рима определило характер власти и политику Севера. Правление Севера в еще большей степени чем правление Коммода можно назвать «страшным военным деспотизмом» (Маркс). В период от Марка Аврелия до Септимия Севера, наполненный войнами и мятежами, дисциплина в римской армии пала, армия совершенно вышла из повиновения и ее боевая способность снизилась.

Социальный состав римской армии при Северах еще более демократизировался, провинциализировался и варваризировался как в отношении рядовых солдат, так и в отношении командного состава. Аристократические и городские элементы совершенно исчезли из армии. В III столетии в римской армии преобладали жители провинций, вольноотпущенники, варвары и рабы и очень немного насчитывалось италиков. Провинциализация армии объяснялась двумя причинами: сокращением общего числа италиков и антииталийской политикой Северов, исключавших из войска италиков, в особенности италийскую аристократию.

«Римляне, — говорит историк Геродот, — совершенно выродились, утратили боевые качества и страшно тяготеют лагерной жизнью. Они теперь занимаются земледелием и мирными делами. Пока Римом управлял народ и военных вождей назначал сенат, все италики были отличными воителями, господствовали на суше и на море, воюя с эллинами и варварами. Не было ни одного угла на земном шаре, ни одной страны, куда бы не простиралась власть Рима. Но с тех пор как вся власть перешла к Августу, он освободил италиков от военных забот, отняв у них оружие и

Септимий Север. Капитолийский музей.

учредив наемные войска. Римскую империю с этого времени стали ограждать большие реки, широкие рвы, пустыни и неприступные места».

Слабая защита границ и катастрофическое состояние армии толкали Севера к проведению ряда реформ во всех областях государственной жизни. Прежде всего была коренным образом реорганизована армия: увеличен ее численный состав, усилена дисциплина и повышена боеспособность. Для усиления оборонительной линии было построено много новых крепостей и сосредоточены на определенном расстоянии друг от друга воинские части, носившие название «чисел». Солдаты были приписаны к своим лагерям, но им разрешалось пользоваться землей на индивидуальных началах в качестве наследственных арендаторов (колонов). Теперь солдаты жили вне казарм, не в военных бараках, как это было раньше, а имели земельные наделы, могли иметь семьи и детей, приписанных к лагерям в качестве военнообязанных. Таким образом, бездомный солдат-наемник превращался в оседлого крестьянина-миллионера, защищавшего свой собственный участок. Солдатское население пользовалось многими льготами по сравнению с остальным населением. Вообще положение военных при Северах значительно улучшилось. Отбывавшие срок службы центурионы и солдаты охотно принимались на гражданскую службу, работали в канцеляриях, хозяйственном ведомстве, личном ведомстве императора и т. д., всюду внося свои профессиональные привычки и дисциплину. Из них главным образом при Северах и вербовалось всадничество, вытеснявшее сенаторов на всех поприщах военной и гражданской службы.

Во избежание скопления воинских частей и возможности узурпации со стороны военачальников Север ограничил число войск в каждой провинции двумя легионами, как правило, сформированными не из уроженцев данной местности или провинции. Общая численность пограничных войск, не считая вспомогательных когорт, при Северах доходила до 200 тысяч человек. Наряду с крепостями и валами при Северах было построено или реконструировано много дорог и мостов, связывавших одну линию фронта с другой и дававших возможность в случае открытия военных действий по мере надобности перебрасывать военные силы с одного участка на другой. Сохранившиеся до нашего времени мильевые камни и путевые дневники (итинерарии) дают возможность установить сеть и направление дорог древнего Рима.

В тесной связи с укреплением границ и устройством военных колоний находится и политика Северов в отношении провинций и в особенности окраинных провинций.

Окраины римского мира при Северах оживились и приближились к греко-римской цивилизации. Особенным расположением Септимия и его преемников пользовались Африка, Нумидия, Мавретания и Дунайские провинции, о чем свидетельствуют многочисленные благодарственные надписи и памятники, сохранившиеся в названных провинциях, прославляющие Севера как создателя «чрезвычайно справедливых законов».

Завершением политики Северовой династии был знаменитый эдикт императора Антонина Каракаллы (212 год) о распространении прав римского гражданства на всю территорию Римской империи. Согласно этому эдикту, все свободные жители Римской империи, за небольшими исключениями, становились римскими гражданами, получая их права и обязанности. Деление на граждан и неграждан, игравшее столь большую роль в прежние времена, теперь утрачивало свое значение и смысл. Вместо этого большое значение приобретало разделение граждан по богатству и положению, занимаемому на государственной и общественной службе. Богатая и привилегированная часть населения носила название почетных (гонестiores), более бедная и непривилегированная называлась низшими (гумилiores).

Концентрация политической власти при Северах была проведена значительно больше чем при Антонинах. Принципе из первого гражданства к этому времени уже превратился в самодержавного монарха и военачальника, возглавлявшего свой генеральный штаб, который попрежнему назы-

вался «советом принцепса», или конквесторией. При Республике и Ранней империи источником высшего права и закона признавался римский народ, представленными органами которого были народное собрание (комиции) и сенат. Все должностные лица, в том числе и сам принципе, считались уполномоченными слугами народа, обязанными ему отчетом и сменяемыми. При Северах восторжествовал провинциальный принцип: главой государства провозглашался уже не народ, а император, воля которого объявлялась единственным законом и источником всякого права. «Воля принцепса имеет силу закона, и сам принципе не связан законом», — таково основное положение римского государственного права III и следующих веков.

Непосредственное управление государственным аппаратом находилось в руках юристов, людей с высшим юридическим, философским и литературным образованием, из которых мировую известность приобрели Папиниан, Ульпиан и Гай. Все они были членами императорского совета и пользовались доверием императора. Замечательными памятниками законодательной и теоретической работы римских юристов изучаемой эпохи было знаменитое римское гражданское право (ius civile), крупнейшее наследие античной культуры, созданное в «золотой век» Римской империи.

Согласно общей политике Северов, права сената были сильно урезаны и в его состав введено много новых членов, уроженцев провинций и лиц всалнического сословия, находившихся на императорской службе или же возвысившихся благодаря своему богатству. Большая часть судебно-административных дел, касавшихся Италии и самого Рима, была передана префекту претория, функции которого при Северах чрезвычайно расширились. Префект претория теперь был уже не только начальником личной стражи принцепса, как это было в начале Империи, но высшей юридической инстанцией, чем и объясняется назначение на пост префекта претория видных юристов, вроде Ульпиана. После закона 212 года Италия юридически была приравнена к остальным частям Империи и утратила свое прежнее, привилегированное положение. В Италии и особенно в высшем слое римско-италийского общества политика Северов вызвала резкое противодействие и на самих Северов смотрели как на «азиатцев», враждебно настроенных всему римскому.

Самому же Риму, уже давно переставшему быть италийским городом и превратившемуся в космополитический центр всего Средиземноморья, Септимий Север, как и другие члены его династии, оказывал мно-

го заботы и внимания. Он обеспечил снабжение города продовольствием.

Из крупных построек эпохи Северов следует отметить триумфальную арку Севера, храм Геркулеса и Септимионий — роскошный дворец в семь этажей. При Каракалле были построены знаменитые термы (бани) Каракаллы, еще и до сих пор поражающие своими размерами, смелостью архитектурного замысла, замечательным мастерством и техническим совершенством.

Самой трудной и сложной задачей государственного управления в течение всей эпохи Римской империи оставалась организация фискального аппарата, то есть организация обложения, сбора податей и повинностей. При Северах финансовый вопрос приобрел особую остроту вследствие чрезмерного роста государственных расходов. И в этой области констатация принципа проделала большую работу, наметив основные линии, по которым пошло дальнейшее развитие административно-финансового аппарата Рима. Основным источником поступлений в императорскую казну (фиск), как и в прежнее время, оставались императорские домены: поместья, рудники, солончаки, леса и прочие виды доходных владений, принадлежавших императору. Затем следовала статья прямых налогов с провинциалов — подушных и поземельных. Итальянцы от этих налогов, считавшихся унизительными, были избавлены, но зато они платили много других налогов: на приобретаемое по наследству имущество, налог на отпускаемых рабов и т. д.

Важнейшую статью государственного дохода составляли косвенные налоги на торговлю, ремесла и различные денежные операции. Фискальными соображениями, как указывает Дион Кассий (кн. 78-я, 9), продиктован был и вышеупомянутый эдикт Каракаллы 212 года. Распространение прав римского гражданства на провинцию открывало фиску новый обширный источник дохода, поскольку с этого времени провинциалы стали уплачивать налоги с имущества, от которых раньше они были освобождены. Каракалла «был вынужден необходимостью добывать деньги для оплаты своих солдат и чтобы покупать мир у своих врагов на границах. Та же самая необходимость привела его к великой мысли о даровании гражданства всем провинциям с целью получить возможность взимать... десятипроцентный налог. Вскоре после этого римляне и итальянцы стали добровольно отказываться от права гражданства, чтобы жить среди готов и вандалов» (К. Маркс «Хронологические выписки», стр. 8).

Наряду с налогами существовали еще государственные и муниципальные (город-

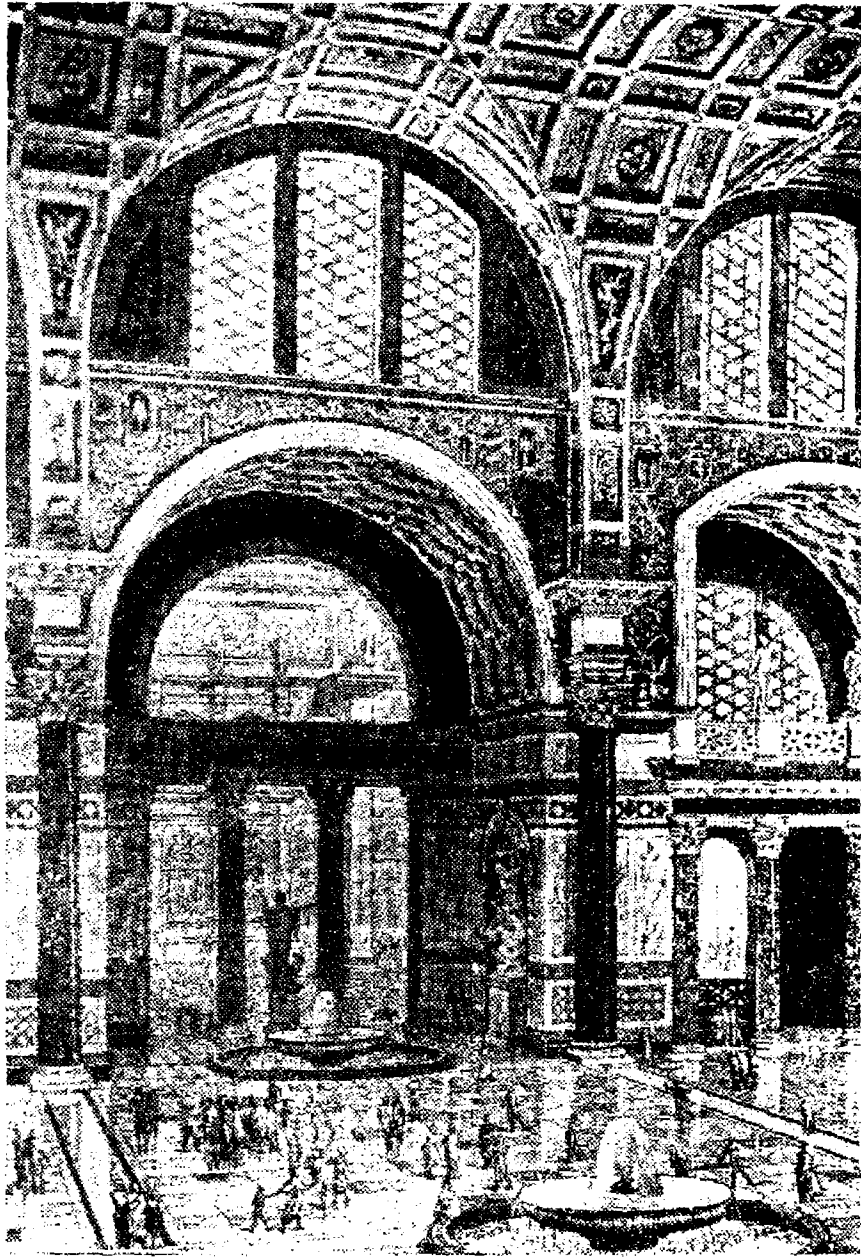

Каракалла. Ватиканский музей.

ские) повинности в виде доставки транспортных средств для подвоза продуктов, передвижения чиновников и военных постов. Для более полного учета фискальных возможностей через определенные промежутки времени производились переписи населения (цензы), на основании которых производилась раскладка податей. За исправность поступления налога отвечал не только сам плательщик, но и вся коллегия, к которой он был приписан. Распределение налогов было неравномерное: большая часть налогов падала на мелких производителей города и деревни — ремесленников и колоннов.

Несмотря на высоту обложения и изумительную изобретательность фискальных чиновников по части сбора налогов, финансовое состояние Римской империи при Северах не было блестящим. Доказательством этого служит фальсификация монеты. Как от налогов и литургий (повинностей), так и от обесценения денег больше всего страдали широкие массы деревни и города, то есть колонны и мелкие производители города, положение которых с конца II века заметно ухудшилось, а соответственно этому возрастало также недовольство существующим строем. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас петиции, жалобы колоннов на несправность своего положения, подававшиеся ими на имя императора, частые дезертирства, широкое распространение разбойничества и бунты.

Военная политика Севера тоже вызывала недовольство. Многие солдаты и центурионы, смотревшие на военную службу как на источник доходов и свободы, тяготились скромным положением погранично-

Термы Каракаллы.

Реконструкция.

го крестьянина-милиционера и искали выход из своего положения...

Военные неудачи римлян в Британии и неудачи семейной жизни окончательно сломили здоровье императора. Септимий Север умер во время похода в Британию в городе Эбораке (Йорк) 4 февраля 211 года на 65 году жизни.

«Я достиг всего, но нет мне отрады ни в чем», — таковы, по преданию, были последние слова «успокоителя мира» — императора Севера.

После смерти Септимия Севера обнаружился недостаток установленного им политического порядка. Абсолютистская система, не признававшая никаких конституционных преград и ставившая главу государства выше закона, передавала решение всех политических вопросов, в том числе и назначение нового принцепса, узкому кругу придворных. Это создавало почву для борьбы личных страстей, интриг, фаворитизма и, как естественное следствие всего

этого, постоянных дворцовых переворотов, в которых первостепенную роль играли женщины (Юлия Домна, жена Септимия Севера, и другие) и евнухи.

Сын Септимия Севера Каракалла продолжал политику своего отца. Все имущество своих подданных он считал собственностью императора, который может им пользоваться как угодно, по собственному усмотрению. Подобно отцу он прежде всего стремился привязать к себе войско. Страдая настоящей манией величия, он воображал себя вторым Юлием Цезарем и Александром Македонским, которому суждено завершить великое дело создания единой мировой империи, включая сюда Парфию, главного соперника Рима на Востоке, и Индию. В 215 году Каракалла начал войну с парфянским царем и одержал победу. Однако продолжение войны было прервано внезапной смертью императора, навшего от руки заговорщиков в городе Эдессе. После смерти Каракаллы римскими импера-

торами непродолжительное время были мавританец Онедлий Макрими и Элагабал. В 222 году императорская корона досталась Александру Северу.

Тринадцатилетнее правление Александра Севера (222—235 годы) считается одним из наиболее счастливых царствований в течение всего существования Римской империи. Не отказываясь от основной линии северовой политики, Александр сгладил крайности абсолютизма, восстановил права сената, отменил процессы «по оскорблению величества», обуздал доносчиков и пытался смирить строптивость войска. На этом, однако, он и сорвался. Император, вообще не пользовавшийся симпатией солдат и центурионов, окончательно потерял свой авторитет во время новой парфянской войны (231—233 годы), неудачной для Рима. Александр отправился на рейнско-дунайский фронт и здесь был убит взбунтовавшимися солдатами (235 год). На этом и оборвалась династия Северов, правившая около 40 лет.

Трагическая смерть последнего Севера знаменует начало гражданской войны III века.

* * *

В заключение из всего вышесказанного можно сделать некоторые общие выводы.

Уже в конце «золотого века», при последних Антонинах и Северах, наблюдаются симптомы разложения классического античного строя и зародыши нового общества, вызревающего в его недрах. Принципат сменяется доминатом. Рабовладельческая основа античного строя сохраняется и при доминате, но вместе с тем в последние века Римской империи (III—V века) большое значение приобретают свободные формы труда — вольноотпущенничество и колонат, — представлявшие собой как бы переходную ступень от античной рабовладельческой формации к феодальной. Принципат сменяется абсолютной монархией, сенат сходит на положение государственного совета, а принцепс превращается в самодержца, бога и господина (доминус). Опорой императорской власти становится служилое сословие — посессоры, вербуемые по преимуществу из полуварварских провинций (палпоницы, иллирийцы и др.) и варварских племен. Удельный же вес куриалов понижается, поскольку суживается товарно-денежное обращение и преобладаю-

Александр Север. Изображение на монете того времени.

щее значение получает натуральное хозяйство, в особенности в сфере государственной экономики. Культура поздней античности отступает от образцов классической греко-римской античности и создает новые формы позднеимперского искусства, философии и науки. В науке, искусстве и быту ощущается влияние христианской церкви и религиозно-мистических настроений. Таковы в главных чертах особенности позднеимперской христианской империи, или домината.

Доминат представляет вполне закономерное явление поздней античности. Социальная организация домината сложилась в период кризиса рабовладельческого строя, напора варваров, обострения классовой борьбы, военных мятежей, восстаний рабов, появления узурпаторов и т. д.

Относительно слабое государство приципата не могло справиться со сложными задачами, поставленными жизнью. Требовалась более крепкая социально-политическая организация. Таков именно и был доминат, предохранивший Римское государство, а вместе с ним и всю античную культуру от грозившей им катастрофы.

Благодаря доминату Римская империя могла продлить свое существование на целых 200 лет, освоить культурное наследие предшествующих поколений, соответствующим образом его переработать и в доступном, удобопонятном виде передать его новым варварским народам, соприкасавшимся с Римом. Доминат связывает античный мир со средневековой Европой, с одной стороны, и с Византией — с другой.

В передаче огромного культурного наследия варварам и в привлечении последних к освоению и продолжению античной культуры и заключается главное историческое значение поздней античности.

В. Аветисян

СУРЕН СПАНДАРЯН — „ТИМОФЕЙ“

Институт истории партии при ЦК КП(б) Армении издал на армянском языке сборник статей, писем и документов одного из видных деятелей большевистской партии, профессионального революционера, ученика, соратника и близкого друга великого вождя народов товарища Сталина — Сурена Спандаряна, безвременно погибшего в далекой туруханской ссылке накануне Февральской революции.

Сурен Спандарян, известный в партийных кругах под кличкой «Тимофей», был революционером с широким кругозором и большой эрудицией, талантливым партийным организатором и пропагандистом, прекрасным оратором и журналистом.

Спандарян самоотверженно любил народ и глубоко ненавидел врагов рабочего класса. В своих выступлениях, статьях, письмах Тимофей с большевистской принципиальностью и беспощадным сарказмом бичевал гнусные порядки царского самодержавия, разоблачал подлое предательство меньшевиков, троцкистов, эсеров, дашнаков и буржуазных националистов всех толков. «Больше чем самодержавие я ненавижу меньшевиков», — сказал однажды Спандарян.

Кавказские меньшевики ненавидели этого «рьяного лепинца», как они называли Тимофея.

Работая все время вместе с товарищем Сталиным и под его руководством, Спандарян до конца оставался верным учеником Ленина и Сталина и никогда не отступал от боевых позиций марксизма-ленинизма.

Сурен Спандарович Спандарян родился 15 (3) декабря 1882 года в Тифлисе (Тбилиси), в семье редактора армянской газеты «Нор-Дар» («Новый век»). Окончив тифлискую русскую гимназию в 1902 году, Сурен поступил на историко-филологический факультет Московского универ-

Сурен Спандарян — «Тимофей».

1

ситета, а затем, через год, перешел на юридический факультет. Еще будучи учеником тифлиской гимназии, Спандарян живо интересовался политическими вопросами и увлекался изучением политико-философской литературы, в особенности произведениями великих русских революционеров-демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

В жизни Кавказа и Тифлиса 90-е годы XIX столетия и 900-е годы нынешнего века были весьма знаменательны. Это были годы развертывания массового пролетарского движения, годы широкого распространения марксизма-ленинизма, возникновения и развития революционной социал-демократии. «В середине 90-х годов возникают марксистские организации в Закавказьи» (История ВКП(б), стр. 19). В 1898—1899 годах в Закавказье под руководством товарища Сталина создается и оформилось революционное ленинское крыло социал-демократии. Вместе с пролетариатом всей России многонациональный пролетариат Кавказа вступил в полосу массовой политической борьбы за свержение царского самодержавия. В революцион-

зную борьбу социалистического пролетариата вовлекалась также передовая часть студенчества и учащейся молодежи.

Пламенный юноша Сурен Спандарян, крепко ненавидевший царское самодержавие, помещиков, буржуазию и духовенство, целиком отдался деятельности в нелегальных марксистских кружках и с головой ушел в революционно-партийную работу.

В 1902 году Спандарян вступил в партию и повел активную подпольную пропагандистскую работу в социал-демократической организации Тифлиса.

В письме к отцу 20-летний Сурен решительно заявил о своем стремлении бороться с врагами революции: «начиная с католикоса¹... война без различия, беспощадная борьба против них» (Письма С. Спандаряна. Архив Истпарта ЦК КП(б) Армении).

Переехав в Москву, Спандарян занялся более глубоким изучением марксизма-ленинизма. В Москве он приобрел большой опыт практической революционной деятельности, ведя организационно-пропагандистскую работу в Московской социал-демократической организации. По поручению Московского комитета РСДРП, он выполнял ответственные задания в Пресненском рабочем районе Москвы.

В Москве Спандарян принимал деятельное участие как в рабочем, так и в студенческом движении, направленном против царизма.

О своем участии в одной из демонстраций Сурен писал своему отцу в декабре 1904 года:

«Вы, вероятно, читали уже о Московской демонстрации?... Это было нечто грозное, грандиозное! Печально только, что убито несколько человек студентов и курсисток. Многие ранены, есть и искалеченные. Правительство было до того перепугано, что оно вызвало артиллерию, а о зверствах полиции и казаков уже не приходится говорить: они превзошли самих себя. Демонстрация произошла одновременно на Тверской, Кузнецком, Дмитровке, Лубянке, Воздвиженке, Арбате, Никитской. Не скрою, что участвовал и я, но благополучно выкрутился, хотя фуражка моя осталась на поле брани и меня малость поколотили. Но во имя справедливости, нужно сказать, что и я своей дубинкой изрядно прошелся по спицам и головам полицейских. В университете забастовка. Ваш Сурен» (Письма С. Спандаряна. Архив Истпарта при ЦК КП(б) Армении).

В революции 1905 года Сурен Спандарян активно участвовал. В сентябре и октябре 1905 года он был в Тифлисе, ко-

торый переживал в это время невиданную полюсу революционных демонстраций. Повсюду на этих демонстрациях гремело революционное слово Сталина, великого соратника Ленина, идейного вдохновителя, создателя и вождя большевистских организаций Закавказья.

Сурен Спандарян подвергался неоднократным преследованиям за активное участие в студенческих демонстрациях, в борьбе против черносотенного «Союза русского народа».

Работая в Москве, Спандарян поддерживал тесную связь с социал-демократическими организациями Закавказья, а летом, во время каникул, приезжал в Тифлис и под руководством товарища Сталина вел революционную работу среди тифлисского пролетариата.

С сентября 1905 года тифлисская охранка взяла его под полицейский надзор, дав ему кличку «Овражный».

Полученное в конце октября 1905 года известие о готовящемся восстании московского пролетариата побудило Спандаряна вернуться в Москву. В Москве Спандарян с оружием в руках боролся против царских опричников на баррикадах красной Пресни.

После поражения декабрьского восстания московского пролетариата Спандарян был исключен из университета как большевик. Он вернулся в Тифлис.

В Тифлисе Спандарян снова встретился с товарищем Сталиным и под его руководством проводил ответственную партийную работу. В 1906 году Спандарян и Шаумян редактировали большевистскую газету «Кайц» («Искра»), а после ее закрытия царскими властями — газету «Пор-Хоск» («Новое слово»). Эти газеты сыграли крупную роль в деле пропаганды идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина среди армянских трудящихся масс и в деле организации их под знаменем партии большевиков.

По поручению Кавказского областного большевистского центра, возглавлявшегося товарищем Сталиным, Сурен Спандарян неоднократно выезжал в районы Армении, Грузии и Азербайджана, где организовывал и укреплял большевистские подпольные организации, налаживал печатание партийных листовок, проводил дискуссии с меньшевиками, эсерами и дашнаками, беспощадно разоблачая их перед массами. Под его руководством прошла крупная августовская забастовка 4 тысяч рабочих Аглавердских медных рудников и заводов, принадлежавших французской компании.

В начале 1907 года Сурен Спандарян вел партийную работу в Баку. Вскоре по-

¹ Католикос — патриарх армянской церкви.

сле Лондонского съезда партии сюда приехал товарищ Сталин.

«В период 1907—1912 г.г., — пишет тов. Берия, — под руководством товарища Сталина, выросла, укрепились и закалилась в борьбе с меньшевиками бакинская большевистская партийная организация, завоевав подавляющее большинство социал-демократических рабочих на свою сторону. Все рабочие районы были в руках большевиков (Балаханы, Сураханы, Романы, Биби-Эйбат, Черный Город, Белый Город, железная дорога и др.).

Баку превратился в оплот закавказских большевистских организаций, в несокрушимую крепость ленинской партии» (Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 105. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938).

В этих победах большевиков Тимофей сыграл видную роль, являясь одним из лучших помощников товарища Сталина. Спандарян был избран членом Бакинского комитета и партийным организатором одного из крупных нефтепромышленных районов Баку—Черного города. Благодаря его неустанной работе вскоре из Черного города и Завокзального района были изгнаны меньшевики, дашнаки, спенифджи¹, анархисты и разгромлены остатки «шендрикювщины»². Под руководством Спандаряна был проведен ряд крупных политических забастовок. Активно участвовал Спандарян в восстановлении пелегальной бакинской типографии, был членом редакционных коллегий всех бакинских большевистских изданий («Гудок», «Бакинский пролетарий», «Бакинский рабочий», «Орер» («Дни»), «Волна»).

Со страниц большевистской прессы Сурен Спандарян вел повседневную борьбу против самодержавия, буржуазных партий и буржуазной агентуры в рабочем движении, неутомимо пропагандируя и защищая большевистскую тактику, воспитывая рабочих и крестьян многонационального Кавказа в духе интернационализма, в духе учения Ленина—Сталина.

В своих коротких, но идейно глубоко насыщенных, боевых статьях Спандарян

¹ Спецификами назывались члены «Армянской социал-демократической рабочей организации»; это, по выражению Ленина, была «бундовская креатура... специально выдуманная для питания кавказского бундизма» (Соч. Т. XXVIII, стр. 497).

² См. «Исторический журнал», 1939 год, № 12, стр. 140.

разоблачал кровавые порядки самодержавия и призывал трудящихся объединенными силами под знаменем большевиков низвергнуть ненавистный царизм.

«У сознательного рабочего, — писал Спандарян, — еще более должно усилиться отвращение и ненависть к этому чудовищному, грязно-кровавому царизму; в нас еще более должна укрепиться твердая решимость биться с ним, низвергнуть его» («Бакинский пролетарий» № 1 от 3 июня (20 июня) 1907 года).

В статье «Текущий момент», написанной по поводу разгона царской властью I Государственной думы, Спандарян раскрывает лицо царизма как оплота международной реакции и показывает международное значение русской революции. По поводу союза, заключенного царем с реакционными правительствами Германии и Австрии для удушения русской революции, Спандарян писал:

«...если темные, черные силы объединяются против революции, против демократии, то объединяются и силы революции, объединяется пролетариат всех стран для противодействия этой реакции. Если новый официоз, газета погромщиков «Россия», плутично пытается запугать нас германскими войсками, мы с презрением относимся к этой угрозе, зная, что нас запугивает германский пролетариат, а вместе с ним и весь международный пролетариат.

В тот день, когда реакционные европейские правительства объявят войну русской революции, в этот день они объявят войну и своим народам. С этого момента начнется международная социалистическая революция» (Газета «Кайц» № 38 от 29 (16) июля 1906 года).

В своих статьях Спандарян обрушивался также на меньшевиков, которые отвлекали рабочий класс от политической борьбы против царизма, против капитализма и ограничивали его задачи экономической борьбой с хозяевами. В статье «О рабочих профессиональных союзах» Спандарян писал: «...мы уже указали на то важное значение, которое имеют профессиональные союзы для эмансипации рабочего класса, для окончательной цели нашего движения, нашей борьбы — для социализма. Но мы горячо протестуем и будем бороться против тех, кто придает профессиональным союзам значение больше, чем они имеют, и пытается отвлечь пролетариат от его настоящего пути, вести к мелкой, исключительно экономической борьбе. Это будет попыткой затуманить сознание рабочего класса, это отдалит от нашей цели, это будет заменой революции — реформой» («Кайц» № 17 от 3 июня (21 мая) 1906 года).

Разоблачая буржуазную, оппортунистическую тактику меньшевиков, Спандарян призывал рабочих и крестьян не верить меньшевикам, эсерам, сеющим «конституционные иллюзии», что якобы без революции, путем реформ, путем царской Государственной думы пролетариат сумеет завоевать политические свободы.

«...Утописты те, кто думает о возможности мирной эволюции при переходе от феодализма к буржуазно-демократическому строю.

Утописты те, кто надеется, что господствующие круги поймут великое значение современного момента, хотя бы с точки зрения своего же собственного существования...

Вся история протестует против таких иллюзий» («Кайц» № 13 от 25 (12) мая 1906 года).

В статье «Волна революции поднимается» Спандарян писал:

«Два мира стоят друг против друга, и ни «кадеты», ни наша «франкфуртская говорильня» (т. е. Государственная дума. — В. А.) не могут разрешить их спора... Этот спор будет разрешен вне Думы на улице, где гегемония борьбы принадлежит сознательному пролетариату и революционному крестьянству...» («Кайц» № 20 от 10 июня (28 мая) 1906 года).

Борясь против политики меньшевистского ЦК, который во время выборов во II Государственную думу «призывал заключать избирательные соглашения с кадетами, поддерживать в думе кадетов, рассматривая думу как законодательное учреждение, способное обуздать царское правительство» (История ВКП(б), стр. 85), Спандарян последовательно защищал и пропагандировал тактику большевиков на выборах во II думу — тактику использования ее как трибуны в интересах революции.

Разоблачая антипролетарскую, оппортунистическую сущность меньшевиков и троцкистов, которые боролись против ленинско-сталинского лозунга гегемонии пролетариата и хотели, по выражению Спандаряна, «всю революцию отдать в руки буржуазии», Тимофей защищал марксистско-ленинскую идею гегемонии пролетариата и ленинское учение о крестьянстве как верном союзнике пролетариата в революции. «Мы утверждаем, — писал Спандарян, — что дело народа и его передового борца пролетариата, должно находиться в его собственных руках и осуществление политической свободы — огромный шаг в деле освобождения рабочего класса» («Кайц» № 29 от 4 июля (21 июня) 1906 года).

В своей большой статье «Наша роль в деревне» Спандарян, следуя указаниям Ленина и Сталина, с большевистской чет-

костью всесторонне разъясняет задачи социал-демократов в деле завоевания крестьянства как союзника пролетариата. Исходя из полукрепостнического характера царской России и тяжелого положения многомиллионных масс крестьян, Спандарян развивает ленинские положения о том, что крестьянство заинтересовано в свержении царизма и является самым надежным союзником пролетариата.

Борясь против недооценки революционной роли крестьянства, Спандарян писал:

«В тех великих исторических событиях, которые волнуют сейчас всю страну, в той отчаянной борьбе, которую ведет народ против деспотического режима, крестьянство играет и будет играть огромную и решающую роль» («Нор-Хоск» №№ 8, 14, сентябрь—октябрь 1906 года).

Подчеркивая, что задачей социал-демократии является политически воспитать крестьян, возглавить классовую борьбу в деревне и установить крепкую связь между рабочими города и деревни, Спандарян говорил о том, что социал-демократы должны освободить сельский пролетариат от влияния националистических партий и стремиться к тому, чтобы крестьянское движение «было не взрывом чисто народного возмущения и бешенства, взрывом без определенной цели, — а сознательным и организованным». Нужно разъяснить крестьянам, что «без политической свободы, без полной власти народа ему вовсе не видать возделанной «земли», для него должна быть ясна нерушимая связь между политическими порядками и его же собственным экономическим положением; он должен убедиться, что положение не изменится с переменой личности, что надо изменить всю систему снизу доверху, — словом, он должен понять, что земля и воля самым тесным образом связаны друг с другом и если между ними выпадет союз «и», — погибнут тогда и земля и воля» (там же).

Спандарян решительно боролся против партии эсеров, которая, по его выражению, «затуманивает головы трескучей «революционной» фразеологией» («Бакинский пролетарий») и своей террористической тактикой вредит революции и предаст ее... «Террор, несомненно, крик отчаяния», — писал Спандарян («Нор-Хоск» № 2 за 1906 год).

В другой статье — «Организация или грубая сила?» — Спандарян призывает рабочих вести жестокую борьбу против анархической, террористической проповеди, которая ничего общего не имеет с подлинным социализмом и является «выкидышем мелкобуржуазной идеологии». «История решительно подтверждает ту истину, —

писал Спандарян, — что анархические действия всегда причиняли вред борьбе рабочего класса, всегда ставили рабочих в безвыходное положение» («Орер» № 8 за 1907 год).

2

Под непосредственным руководством товарища Сталина Тимофей вел огромную работу среди бакинских нефтепромышленных рабочих по подготовке совещания рабочих с нефтепромышленниками для заключения коллективных договоров, по созыву совета рабочих уполномоченных и по составлению требований для вручения нефтепромышленникам. Упорно защищая точку зрения товарища Сталина: идти на соглашение с нефтепромышленниками только с гарантиями, — Спандарян дал решительный отпор меньшевикам, дашнакам и эсерам, которые стремились во что бы то ни стало и какою угодно ценой «обуздать» рабочих, сделать их безропотными исполнителями воли нефтепромышленников.

Спандарян на конференциях Бакинской организации и в прессе («Гудок», «Бакинский рабочий», «Бакинский пролетарий») разоблачал раскольническую деятельность бакинских меньшевиков во главе с Н. Жордания, стремившихся расколоть единство бакинских рабочих.

В июле 1907 года, выступая на конференции представителей рабочих нефтяных промыслов, созданной специально для обсуждения вопроса об организации всеобщей политической забастовки, Спандарян, обращаясь к меньшевикам, которые в союзе с дашнаками, спецификами и эсерами всячески старались сорвать забастовку, сказал: «Мы ждем от вас, меньшевиков, еще большего предательства, вы способны на большие подлости, потому что вы перестали думать об интересах рабочих, потому что вы не верите в революцию и в ее победу. Но революция жива, и она выльвырнет на своем пути всех гнусных оппортунистов, пытающихся приостановить ее шествие».

Вооруженный указаниями товарища Сталина, Тимофей вел беспощадную борьбу против национализма и националистических буржуазных партий. Эта борьба имела решающее значение в условиях Закавказья, где буржуазно-националистические партии, зачастую маскируясь «социалистическими» фразами, патривали одну нацию на другую, старались подорвать интернациональные связи между трудящимися, оторвать их от участия в русской революции.

«Кавказская социал-демократия, — писал товарищ Сталин, — росла в борьбе с нацио-

нализмом. Грузинские с.-демократы боролись со «своими» националистами, с национал-демократами и федералистами; армянские с.-демократы со «своими» дашнакцаканами; мусульманские — с панисламистами. И в борьбе с ними расширяла и укрепляла свои организации Кавказская социал-демократия» («На пути к национализму», «Социал-демократ» № 30 от 12 (25) января 1913 года).

Особо важно отметить ту громадную борьбу, которую по указанию товарища Сталина вел Спандарян против злейшего врага армянского народа — партии дашнакцутюн. Спандарян со свойственной ему страстностью шаг за шагом разоблачал буржуазную, контрреволюционную, черносотенную сущность этих агентов царизма.

«Дашнакцутюн, — писал Спандарян, — всячески стремится отделить рабочих армян от пролетариата других народов и, пользуясь этим разделением, — эксплуатировать эту массу в своих буржуазных интересах» («Кайц» № 27 за 1906 год).

Стремясь разединить революционный интернациональный фронт многонациональных масс трудящихся Кавказа, дашнаки проповедывали и организовывали национальные дашнакские профсоюзы. Большевики Закавказья под руководством товарища Сталина разгромили этот новый маневр дашнаков, объединяя рабочих всех национальностей в единый профсоюз. Спандарян в своих многочисленных выступлениях разоблачал сущность лозунга «национальные профсоюзы».

«...Дашнакцутюн, — писал Спандарян, — выставил своим лозунгом чисто национальные профессиональные союзы. Знаете почему?.. Он опасается, что в этих беспартийных организациях выявится его буржуазный и узконациональный характер, что может рухнуть та самая китайская стена, которую он так старательно возвел между армянской и другими нациями. Он опасается, что часть пролетариата, находящаяся по всем известным причинам в заблуждении, следовательно, эксплуатируемая дашнакцутюном, увидев, наконец, истину, протянет руку братскому пролетариату, борющемуся под подлинным знаменем социализма.

Но напрасны старания дашнакцутюн. День победы демократизма будет последним днем «дашнакцутюн» («Кайц» № 25 за 1906 год).

В 1906 году дашнаки, чтобы отвлечь армянские трудовые массы от участия в русской революции и использовать их в интересах армянской буржуазии и духевенства, прибегли к новому маневру и выдвинули предательскую, контрреволюционную идею созыва «Национального учре-

дительного собрания». Католикос по инициативе дашнакцуютю ввел выборные «демократические» начала в церковное управление: выборы церковных чиновников, согласно рескрипту католикоса, должно было произвести «собрание депутатов, избранных армянским населением». Дашнаки назвали это «собрание депутатов» «Национальным учредительным собранием»; собрание должно было «выработать внутреннюю армянскую конституцию». Спандарян эту деятельность дашнаков назвал «революцией в стакане воды».

Царское правительство весьма благосклонно смотрело на эту кампанию «Национального учредительного собрания», так как тем самым ослаблялись ряды революционной демократии Закавказья. Но как только оно было созвано, правительство распустило его и предложило всем депутатам немедленно разойтись по домам.

Выборы в «Национальное собрание» прошли в условиях демагогии, гнусных махинаций и террора со стороны дашнаков.

По поводу этой комической «армянской революции» Спандарян писал с убийственным сарказмом: «Да, пусть мучится вся страна, пусть она переживает муки родов, пусть все остальное население ведет смертельный бой против старого режима, пусть рабочие и крестьяне других народов воюют, энергично участвуют в общем освободительном движении,— мы, армяне, будем выбирать шопов, архиереев, будем созывать национальные собрания, будем говорить там речи, бесконечные речи о спасении армянской нации...

Сознательный армянский пролетариат,— продолжает Спандарян,— безразличен к этой «революции». Перед ним— великая и ответственная обязанность: объединенными силами, вместе с пролетариатом России, вести беспощадную борьбу против деспотизма. Это такая огромная историческая роль, которая в глазах армянского рабочего «сводит нашу чисто армянскую «революцию» к нулю» («Кайц» № 36 от 22(9) июля 1906 года).

Большевики Закавказья повели беспощадную борьбу против этого коварного маневра дашнаков. Подавляющее большинство армянского населения под влиянием агитации большевиков не приняло участия в выборах «Национального собрания», бойкотировало его. В Тифлисе, где дашнаки действовали особенно энергично, за них голосовали 3—4 процента общего количества избирателей.

Суреп Спандарян всей своей деятельностью призывал армянский народ соединить свою судьбу с судьбой русского пролетариата и вместе со всеми народами России под руководством партии Ленина —

Сталина бороться за свержение проклятого царизма, буржуазии и помещиков.

3

Тимофей был хорошим конспиратором и прекрасно владел искусством скрываться от полиции. Царская полиция настойчиво преследовала его и давно уже установила за ним надзор. В жандармских спитках он был отмечен как «весьма опасный» революционер и «видный деятель Бакинской организации РСДРП»¹. Чтобы избежать обысков и ареста, Тимофей не имел постоянной квартиры, часто жил по чужому паспорту и почти ежедневно менял место своего ночлега, сбивая с толку следивших за ним шпииков. Однако 5 мая 1907 года он был все же арестован. Просидев 20 дней в Бакинской тюрьме, он был освобожден за недостаточностью улик. Но в августе 1909 года Спандарян снова был арестован и в декабре выслан из пределов Бакинской губернии.

В январе 1910 года Тимофей приехал в Тифлис, где, по директиве товарища Сталина, провел большую работу по восстановлению и укреплению Тифлисской нелегальной большевистской организации. Здесь он развернул энергичную борьбу против ликвидаторов-меньшевиков, троцкистов и примиренцев. Мастерски используя как нелегальные, так и легальные возможности, Спандарян смело разоблачал черносотенцев, кадетов, «рыцарей третьеиюньского режима», буржуазных националистов, реакционную интеллигенцию, последовательно защищая интересы революционной демократии, призывая рабочий класс преодолеть «мертвую точку» и не поддаваться реакции. Со страниц демократической прессы Спандарян (под псевдонимом «С. Ольгин» и «Изгой») непрерывно разоблачал каждый контрреволюционный шаг правительства, каждый новый законопроект, направленный против демократии.

Несмотря на дикое преследование со стороны царской цензуры и охраны Спандарян сумел в период мрачной реакции связаться с массами, вести большевистскую пропаганду, вести беспощадную борьбу против царской власти и ее ставленников.

В июле 1911 года, бежав из сольвыгодской ссылки, товарищ Сталин приехал в Баку и Тифлис для организации борьбы за созыв VI общепартийной конференции.

¹ Из особого отношения заведующего бакинским охранным пунктом ротмистра Орловского начальнику бакинской губернской жандармерии. 26 мая 1907 года. См. «Арест актива бакинских большевиков 5-го мая 1907 г.», стр. 26. Изд. 1927 года.

В Тифлисе товарищ Сталин останавливался у Спандаряна.

Под руководством товарища Сталина тифлиские и бакинские большевики и среди них Спандарян провели огромную работу по подготовке общепартийной конференции — Пражской, которая изгнала из партии меньшевиков, «положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии» (История ВКП(б), стр. 139).

В это самое время товарищ Сталин написал свое пламенное воззвание «Товарищи рабочие». При активном содействии Спандаряна тифлисская руководящая группа напечатала и распространила прокламации товарища Сталина на русском и армянском языках.

Вскоре, по поручению В. И. Ленина, из-за границы приехал в Тифлис Серго Орджоникидзе для подготовки общепартийной конференции и создания Российской организационной комиссии (РОК). Тифлисская выборная руководящая группа, выслушав доклад Серго Орджоникидзе, приветствовала организацию РОК и созыв общепартийной конференции.

Под руководством и с помощью товарища Сталина Орджоникидзе создал в Баку Организационную комиссию по созыву всероссийской партийной конференции. В состав РОК от Тифлисской организации вошел и Спандарян. На первом же совещании РОК (первое совещание состоялось в Баку в конце сентября 1911 года по ст. ст.) от Тифлисской организации с отчетным докладом выступил Сурен Спандарян.

Он был избран делегатом на VI (Пражскую) конференцию от Бакинской большевистской организации.

После совещания РОК, по поручению Организационной комиссии, Тимофей выехал сначала в Москву, Петербург, а потом в Прибалтийский край для организации борьбы за созыв ленинской конференции. В Петербурге Спандарян получил от товарища Сталина директивы по организации работы для созыва общепартийной конференции. Тимофей вел энергичную партийно-организационную работу, делал доклады, выступал на рабочих нелегальных собраниях, помогал социал-демократической фракции в Государственной думе, участвовал в редактировании большевистской газеты «Звезда».

Спандарян поместил в «Звезде» за подписью «Юниус» ряд статей о жизни кавказских социал-демократических организаций, в которых разоблачал предательский союз ликвидаторов-меньшевиков и троцкистов с контрреволюционной буржуазией.

В одной из этих статей («Письмо с Кавказа»), вскрывая контрреволюционную

сущность выступления лидера кадетской партии Родичева, Спандарян писал:

«Интервью г. Родичева... будут предметными уроками для наших «блочников во что бы то ни стало» и «тайных ликвидаторов». Быть может, выступления кадетского оратора покажут и докажут им их прегрешения перед рабочей демократией, когда они своими авторитетами и даже своими голосами провели на пост тифлисского городского головы г. А. И. Хатисова (А. И. Хатисов в годы господства контрреволюционных дашнаков в Армении был председателем совета министров и министром иностранных дел. После установления советской власти в Армении бежал за границу. Ярый враг СССР.—В. А.), главного организатора «триумфальных шествий» предателей народной свободы без кавычек. Быть может, теперь они поймут, что не дело было рабочей организации прикладывать свою печать к избранию политического проходимца А. И. Хатисова, одинаково заигрывающего и с властью имущими и с рабочими, говорящего речи и на рабочих митингах и при освящении здания полицейского управления, восхваляющего и революционность рабочего класса и «стойкость русской армии, о которую разбились волны российской революции»... Быть может, теперь покраснеют авторы статей в защиту А. И. Хатисова, как демократического городского головы... Всем своим поведением, всей своей жалкой тактикой «наименьшего зла» авторы таких статей подготовили дорогу этому политическому хамелеону... в Таврический дворец.

Пусть над этим фактом призадумается наш рабочий и сделает соответствующие выводы» («Звезда» № 11 от 3 марта (19 февраля) 1912 года).

Революционная деятельность Спандаряна в столице не осталась незамеченной со стороны петербургской охранки, и она отношением от 19 декабря (ст. ст.) 1911 года затребовала от тифлисского полицеймейстера сведений «о жителе г. Тифлиса С. Спандаряне».

Из Петербурга Спандарян отправился в Прибалтийский край. В Риге перед Спандаряном стояла весьма серьезная и ответственная задача: надо было разоблачить меньшевистский центральный комитет латышской социал-демократии и привлечь латышских большевиков к работе созывавшейся конференции.

Эту задачу Спандарян блестяще выполнил. Товарищ Сталин в Петербурге на заседании РОК, заслушав сообщение о поездке Спандаряна в Ригу и о проделанной там работе, одобрил ее. Ленин на Пражской конференции дал также высокую оценку работе Спандаряна в Риге и признал правильной лишь его действия.

В январе 1912 года Спандарян выехал из Петербурга за границу для участия в VI Всероссийской конференции РСДРП (Пражской) со страстным желанием встретиться с вождем и учителем мирового пролетариата В. И. Лениным. На исторической конференции большевиков Тимофей выделялся своей активностью. На 11-м заседании конференции 23 января Спандарян докладывал о работе партийных организаций Баку, Тифлиса, Сухума, Батума, Кутаиса, Поти и Гори. В своем отчете Тимофей со свойственным ему сарказмом разоблачил предательство кавказских меньшевиков и их лидеров.

«Незаконной работы Обл. Ком. не ведет, — говорил Спандарян о закавказском меньшевистском областном комитете, — легальная свелась к позорному отказу от пролетарской тактики и линии. Обл. Ком. в глазах населения — организация просто демократическая, которую оно и готово поддержать как таковую. Пмя социал-демократ для него равнозначные понятию «демократ». Отсюда видно, как далек прословутый Областной Комитет от всякой работы в области действительного строительства нелегальной РСДРП и как смелы его претензии говорить от имени кавказского пролетариата» («Социал-демократ» № 26 от 8 мая (25 апреля) 1912 года).

На Пражской конференции Сурен Спандарян был избран членом Центрального Комитета большевистской партии, а также вошел в созданное для руководства революционной работой в России Русское бюро ЦК, возглавлявшееся товарищем Сталиным.

По окончании работ конференции Спандарян вместе с новоизбранными членами ЦК приехал в Лейпциг, где 1 февраля состоялось совещание членов ЦК с участием представителей социал-демократической фракции III Государственной думы. На совещании об итогах Пражской конференции сделал сообщение В. И. Ленин, а о деятельности РОК — Спандарян.

Из Лейпцига, по предложению В. И. Ленина, Спандарян вместе с другими представителями РСДРП отправился в Берлин для ведения переговоров с Каутским о получении тех сумм нашей партии, которые были переданы на хранение так называемым «держателям»: К. Каутскому, А. Беллю и К. Цеткки.

Это дело с «держателями» было очень сложным. Сурен очень тонко его разрешил в пользу большевиков и добился передачи денег на издание газеты «Исправда».

За несколько дней, проведенных в Берлине, Спандарян тесно сблизился с Лениным. Они совместно принимали меры по установлению связей и упорядочению переписки с местными организациями в России.

Борьбу за реализацию в России и на Кавказе постановлений Пражской конференции возглавлял товарищ Сталин, который, совершив после конференции четвертый побег из ссылки, вновь прибыл на Кавказ.

По возвращении из-за границы Спандарян докладывал в Риге, Петербурге и Москве об итогах Пражской конференции и участвовал в издании платформы РСДРП в связи с выборами в IV Государственную думу.

В конце февраля 1912 года Спандарян поехал в Баку и Тифлис для отчетного доклада о конференции; в своих выступлениях в местных большевистских организациях и в руководящей группе он популяризировал постановления конференции и боролся за осуществление этих постановлений. В это же время он написал известное воззвание «За партию», которое было издано от имени ЦК.

Через подлых провокаторов царской полиции вскоре стали известны постановления Пражской конференции и все шаги членов ЦК. Департамент полиции составил целое дело о «Ленинской конференции» и написал характеристики членов Центрального Комитета партии. Была составлена также характеристика на Тимофея, и полицейским отделениям приказано было взять его под строжайший надзор. Вот отрывок из агентурной записки о Спандаряне:

«...«Тимофей» (он же «Сурен» — последнее, должно думать, или местная кличка или настоящее имя) эсдек-большевик, около 27—29 лет от роду; интеллигент, армянин по национальности, рьяный ленинец, бывший студент Московского Университета, активно принадлежал в период 1908—1909 г.г. к бакинской подпольной партийной организации и работал в провалившейся в указанный период местной большой подпольной типографии; болен чахоткой, почему, по требованию прокурорского надзора, освобожден из-под стражи с обязательством выехать из Баку, где проживает его жена и двое детей; отец его находится в Париже; «Тимофей» работал в подполье Москвы и С.-Петербурга, очень серьезный эсдек, был членом «русской организационной комиссии» по выборам делегатов на общепартийную конференцию РС-ДРП».

Агенты тифлиского и бакинского охранных отделений наперебой строчили донесения о каждом шаге Тимофея. 31 (18) марта Спандарян был арестован в Балаханах, где он должен был сделать доклад об итогах Пражской конференции.

Весть об аресте Спандаряна обеспокоила и глубоко огорчила Ленина. Владимир Ильич возлагал большие надежды на Спандаряна в связи с предстоявшей пар-

тайной работой в России. В то время Ленин и Крупская жили в Париже. В Париже жил также отец Спандаряна, который приехал туда еще в 1910 году и, не располагая средствами, не был в состоянии вернуться в Россию. Получив сведения об аресте Тимофея, Ленин и Крупская посетили отца Сурена, старика Спандара Спандаряна, чтобы получить более подробные сведения о Тимофее и организовать помощь. Вот как описывает это посещение Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине:

«В Париже жил отец Сурена. Мы пошли с Ильичем к нему, чтобы поподробнее узнать об аресте сына. Отец Сурена, больной старик, жил одиноко и заброшенно, не было у него денег, нечем ему было даже заплатить за квартиру, память ему изменяла: напишет письмо, а адрес забудет написать. Ильичу ужасно стало жалко старика. И из Баку вести были печальные. Сурен сидел в очень тяжелых условиях, некому было о нем позаботиться. Когда пришли мы домой, Ильич тотчас написал письмо Воеки, прося позаботиться об обоих Спандарянах» (Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине», стр. 178. Партиздат. 1933).

Ленин в тот же день помог отцу Сурена «небольшим займом».

Тимофей просидел в бакинской центральной тюрьме месяц и двадцать дней. 21 (8) мая 1912 года за отсутствием улик он был освобожден из тюрьмы, но с обязательством выехать из Баку и сообщать всякий раз о перемене своего адреса жандармскому управлению. Но 3 июня (21 мая) на станции Баку в вагоне Сурена снова арестовали. Из Баку его перевели в Метехский замок Тифлиса.

Вследствие обнаружения архива Тифлисской большевистской организации в руки жандармерии попали рукописи писем и прокламаций, написанных Спандаряном. Царская власть предала Спандаряна суду. 15—17 (2—4) мая 1913 года особое присутствие тифлисской судебной палаты на закрытом заседании заслушало дело Сурена Спандаряна и его товарищей (Е. Д. Стасова, В. Л. Швейцер). Постановлением царского суда Спандарян был осужден на пожизненную ссылку в Сибирь. 29 (16) сентября 1913 года Спандаряна этапным порядком в кандалах отправили в Сибирь, в Енисейскую губернию, в деревню Иннокентьевскую.

Тяжелый путь, продолжавшийся свыше двух месяцев, и болезненное состояние не сломили большевистского духа Сурена Спандаряна.

В письме с этапа от 11 ноября (29 октября) 1913 года Спандарян писал жене Ольге Вячеславовне Спандарян:

«Здесь всякие гнусы и гниды безнаказанно меня едят: все тело исцарапано и окровавлено. Настроение бодрое, веселое, хорошее. Да здравствует жизнь! и мы еще повстанем, нечего унывать. Бывает похуже. А по сравнению с другим—мой неприятности сущие пустяки...»

В связи с доносом о подготовке побега Сталина, Свердлова и Спандаряна из ссылки, в 1914 году Спандаряна вновь арестовали и на этот раз сослали еще дальше, в село Монастырское, Туруханского края. В первом же письме к жене из Туруханска Спандарян сообщил о Сталине, что «Сосо здесь, в 175 в. от меня» (Письмо Спандаряна от 25 июля 1914 года). Из Курейки товарищ Сталин, связавшись с заграничным центром, с Лениным, руководил партийной работой в России. Тщательно избегая жандармского надзора, он часто приезжал в Монастырское (Монастырское являлось административным центром Туруханского края) проинструктировать товарищей, политически ориентировать их, вооружить для предстоящих классовых битв.

В Монастырском товарищ Сталин почти всегда останавливался у Спандаряна. Дружба товарища Сталина и Спандаряна в Сибири еще больше укрепилась. Под руководством товарища Сталина Спандарян неустанно работал как среди ссыльных, так и среди местного населения.

В вопросе о войне Спандарян всецело стоял на ленинско-сталинских позициях. Он развернул огромную борьбу против социал-патриотов. «По отношению к настоящей войне, — писал покойный С. Шаумян в своем некрологе о Спандаряне, — он полностью сохранил свою интернациональную точку зрения и в письмах выражал особую радость, узнав, что и прочие товарищи остались верны своим принципам» («Пайкар» № 38 за 1916 год).

В деле разоблачения социал-шовинистов, центристов и анархистов Спандарян был наилучшим помощником Сталина. В своем письме от 27 февраля 1915 года В. И. Ленину товарищ Сталин писал:

«Тимофей просит передать его к л с лый привет Геду, Самба и Ваннервельду на славных, хе-хе, постах министров». А в приписке к тому же письму Спандарян писал В. И. Ленину:

«Здравствуйте, дорогой Владимир Ильич! Сейчас Иосиф у меня гостит и захотелось послать Вам наш привет. Как живете? Что подельваете? Каково настроение? Напишите, что можете. Жаждем живого слова. Будем ожидать от Вас письма. Сурен» («Пролетарская революция» № 7 за 1936 год, стр. 167).

И. В. Сталин и Сурен Спандарян.

Март 1915 года. Село Монастырское.

В июле 1915 года, когда в Монастырское прибыли члены большевистской фракции IV Государственной думы, которые были приговорены к ссылке за мужественное выступление с трибуны Думы против войны, на совещании ссыльных большевиков, состоявшемся в Монастырском под руководством товарища Сталина, Сурен Спандарян гневно осудил гнусное, предательское поведение изменника Л. Каменева.

Из далекой ссылки Спандарян установил крепкую связь с большевистскими организациями России и Закавказья, завязал обширную переписку с ними, переправлял кавказским большевикам для выполнения руководящие указания и поручения товарища Сталина.

«Будучи вдали, Сурен всегда интересовался кавказскими делами, — писал Ст. Шаумян, — и когда отсюда получал какое-либо радостное известие, его письма выражали безграничное ликование и воодушевление» («Пайкар» № 38 за 1916 год).

Спандаряна глубоко волновали бесчинства, творимые над армянским народом его заклятыми врагами — дашнаками и другими националистами. Он страстно призывал кавказских большевиков «взять хотя бы какие-либо меры против этих народоубийц».

С чувством глубокого волнения читаются письма Сурена Спандаряна к своим детям. Из далекой сибирской ссылки он призывал детей учиться беспрестанно, овладевать высотами передовой науки для правильного понимания и переустройства жизни, любить народ и страстно ненавидеть эксплуататоров, не унывать никогда, не падать духом, ибо: «Настанет время, туман развеется, наступит час расплаты за море слез, за океаны крови, за миллионы загубленных жизней» (Письмо Спандаряна к детям от 27 ноября 1915 года из Туруханска).

Но дожить до этих светлых дней Сурену Спандаряну не пришлось. В жестоких условиях ссылки его здоровье все время ухудшалось. 2 апреля (20 марта) 1916 года он писал в Тифлис: «Я все время нездоров, еле-еле пишу». Но несмотря на тяжкую болезнь он писал в это же время Ленину:

«Шлем Вам из наших хладных стран самый пламенный привет. Мы бодры духом и Вам того же желаем».

Несмотря на тяжелую болезнь, он оставался в первых рядах бойцов революции и продолжал борьбу за победу революции, приближение которой он уже ясно чувствовал.

святости.

..и много потерял и теперь терплю.
 Царь, серьезно за дело!
 Господи, еще раз много фронтира
 фронтир Батве-удачник! Со мной свет
 нами обилие приключений. Мама еще
 знает. Он приключился на вечер во
 мит покое и вот надежда
 сменить. Особенно эффеффеффе
 коницы моей поджак из арестантских
 халата Советов как / английская
 митметра. Оба мы перед вами.

Дразнили нас
 в этот момент
 сд. Криво
 все ветх.
 и восторг
 чей привел.
 : Так? Он
 : Со мной
 каденно
 митметра
 , а

Ваш Сурен

Письмо Сурена Спандаряна своим детям. Март 1915 года. Село Монастырское.

В начале июня 1916 года друзья Спандаряна, видя его тяжелое состояние, добились особого разрешения на перевод его в Енисейск, а затем, в начале сентября, — в красноярскую больницу.

О последних днях Спандаряна В. Л. Швейцер в своих воспоминаниях пишет:

«Сурен умер. Пришлось перевезти его в Красноярск, в больницу. Но умирая, он думал все о том же, чему отдал свою прекрасную жизнь без остатка. Он просил меня написать Сталину, что революция в России уже созрела, что царская армия разлагается, что «революция стоит у порога 17 года»... Эта мысль не оставляла его: он бредил революцией. Уже в агонии,

в бреду, он повторял: «Становитесь под знамена Ленина!» («Комсомольский пролаганист и агитатор» № 13 за 1937 год).

24 (11) сентября 1916 года, в 6 часов утра, перестало биться пламенное сердце самоотверженного бойца, верного ученика Ленина и Сталина, замечательного большевика Сурена Спандаряна. Эта смерть была большой потерей для партии и причинила тяжелое горе товарищу Сталину, который глубоко любил и ценил своего верного ученика и соратника — Тимофея. Спандарян умер в возрасте 34 лет на заре победоносной социалистической революции, в победу которой он непоколебимо верил.

О заключении Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией.

В течение 7—12 марта в Москве проходили переговоры между уполномоченными СССР — Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Народным Комиссаром Иностранных Дел тов. Молотовым В. М., членом Президиума Верховного Совета СССР тов. Ждановым А. А. и комбригом тов. Василевским А. М. — с одной стороны, и уполномоченными Финляндской Республики — Председателем Совета Министров Финляндии г-ном Рюти Р., Министром Нааскиви Ю. К., генералом Вальден К. Р. и профессором Войонмаа В. — с другой, по вопросу о прекращении военных действий и заключении мирного договора между СССР и Финляндией.

Переговоры закончились подписанием 12 марта 1940 г. Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией.

Тексты Мирного Договора и Протокола к нему приводятся ниже.

Мирный Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Финляндской Республики, с другой стороны, руководимые желанием прекратить возникшие между обеими странами военные действия и создать прочные взаимные мирные отношения, убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности, в том числе обеспечения безопасности городов Ленинграда и Мурманска, а также Мурманской железной дороги,

признали необходимым заключить в этих целях Мирный Договор и назначили своими уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

Молотова Вячеслава Михайловича, Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел,

Жданова Андрея Александровича, члена Президиума Верховного Совета СССР,

Василевского Александра Михайловича, комбрига,

Президент Финляндской Республики:

Рюти Ристо, Председателя Совета Министров Финляндской Республики,

Нааскиви Юхо Кусти, министра,

Вальден Карла Рудольфа, генерала,

Войонмаа Вяйне, профессора.

Обзначенные уполномоченные, по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в надлежащей форме и в полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья I.

Военные действия между СССР и Финляндией прекращаются немедленно в порядке, предусмотренном прилагаемым к настоящему Договору Протоколом.

Статья II.

Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по которой в состав территории СССР включаются весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Вишиури) и Выборгским заливом с островами, за-

западное и северное побережье Лаложского озера с городами Кексгольмом, Соргавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с гор. Куо-ляярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего — согласно приложенной к настоящему Договору карте.

Более подробное описание пограничной линии будет установлено смешанной комиссией из представителей Договаривающихся Сторон, каковая комиссия должна быть образована в десятидневный срок со дня подписания настоящего Договора.

Статья III.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья IV.

Финляндская Республика выражает согласие сдать Советскому Союзу в аренду с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских марок, сроком на 30 лет, полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него, радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него, и ряд островов, примыкающих к нему, в соответствии с приложенной картой, — для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил.

Финляндское Правительство в течение десяти дней с момента вступления в силу настоящего Договора выводит с полуострова Ханко все свои войска, и полуостров Ханко вместе с прилегающими островами переходит в управление СССР, в соответствии с настоящей статьей Договора.

Статья V.

СССР обязуется вывести свои войска из области Петсамо, добровольно уступленной Финляндии советским государством, согласно Мирного Договора 1920 года.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено Мирным Договором 1920 года, не содержать в водах своего побережья Северного Ледовитого океана военных и прочих вооруженных судов, за исключением вооруженных судов размером меньше 100 тонн, каковые Финляндия имеет право держать без ограничения, а также содержать не более 15 военных и прочих вооруженных судов, тоннаж которых не должен превышать 400 тонн для каждого.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не содержать в означенных водах подводных лодок и вооруженных воздушных судов.

Равным образом Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не устраивать на этом побережья военных портов, баз для военного флота и военных ремонтных мастерских объемом больше, чем потребно для упомянутых судов и их вооружения.

Статья VI.

Советскому Союзу и его гражданам, как это было предусмотрено Договором 1920 года, предоставляется право свободного транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно, причем в области Петсамо Советскому Союзу предоставляется право учреждения консульства.

Грузы, провозимые через область Петсамо из СССР в Норвегию, а равно грузы, провозимые из Норвегии в СССР через ту же область, освобождаются от осмотра и контроля, за исключением лишь контроля, необходимого в видах урегулирования транзитного сообщения, а также не облагаются таможенными пошлинами, транзитными и иными сборами.

Упомянутый выше контроль транзитных грузов допускается лишь в форме, соблюдаемой в таковых случаях по установившимся обычаям международного сообщения.

Граждане СССР, направляющиеся через область Петсамо в Норвегию и обратно из Норвегии в СССР, имеют право свободного транзитного проезда на основании выдаваемых подлежащими советскими органами паспортов.

При соблюдении действующих общих положений советские невооруженные летательные аппараты имеют право поддерживать воздушное сообщение через область Петсамо между СССР и Норвегией.

Статья VII.

Финляндское Правительство предоставляет Советскому Союзу право транзита товаров между СССР и Швецией, и в целях развития этого транзита по кратчайшему железнодорожному пути СССР и Финляндия признают необходимым построить, каждая сторона на своей территории, по возможности в течение 1940 года железную дорогу, соединяющую г. Кандалакша с г. Кемиярви.

Статья VIII.

По вступлении в силу настоящего Договора возобновляются экономические отношения между Договаривающимися Сторонами и с этой целью Договаривающиеся Стороны вступят в переговоры для заключения торгового договора.

Статья IX.

Настоящий Мирный Договор вступает в силу немедленно по его подписании и подлежит последующей ратификации.

Обмен ратификационных актов будет произведен в течение десяти дней, в г. Москве.

Настоящий Договор составлен в двух оригиналах, на русском, финском и шведском языках каждый, в г. Москве, 12 марта 1940 года.

В. МОЛОТОВ.

А. ЖДАНОВ.

А. ВАСИЛЕВСКИЙ.

РИСТО РЮТИ.

Ю. ПААСИКИВИ.

Р. ВАЛЬДЕН.

ВЯЙНЭ ВОЙОНМАА.

Карту, указанную в статье 2 Договора, см. на 137 странице.

Протокол к Мирному Договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года.

Договаривающиеся Стороны устанавливают нижеследующий порядок прекращения военных действий и отвода войск за установленную Договором государственную границу:

1. Военные действия обеими сторонами прекращаются в 12 часов 13 марта 1940 года по ленинградскому времени.

2. С установленного часа прекращения военных действий между расположенным передовым частям устанавливается километровая нейтральная полоса, причем в течение первого дня отводятся на один километр воинская часть той стороны, которая находится на территории другой стороны, согласно новой государственной границе.

3. Отвод войск за новую государственную границу и приближение к ней войск другой стороны начинается с 10 часов 15 марта 1940 года на всем протяжении границы от Финского залива до Лиекса и с 10 часов 16 марта севернее Лиекса. Отвод совершается ежедневными переходами не менее 7 километров в сутки, причем продвижение войск другой стороны производится с таким расчетом, чтобы между тыловыми частями отводимых войск и передовыми частями выдвигаемых к новой границе войск другой стороны было бы расстояние не менее 7 километров.

4. Сроки отвода на отдельных участках государственной границы устанавливаются, в соответствии с п. 3, следующие:

а) на участке от истоков р. Туица-йоки, Куолаярви, Такала, восточный берег озера Поукамо-ярви отвод войск той и другой стороны заканчивается к 20 час. 20 марта 1940 года;

б) на участке к югу от Кухмошеними в районе Латва отвод войск заканчивается к 20 час. 22 марта 1940 года;

в) на участке Лонгаваара, Вяртсила, станция Маткасалька отвод войск обеих сторон заканчивается к 20 час. 26 марта 1940 года;

г) на участке ст. Маткасалька, Койцанлахти отвод войск заканчивается к 20 час. 22 марта 1940 года;

д) на участке Койцанлахти, ст. Энсо отвод войск заканчивается к 20 час. 25 марта 1940 года;

е) на участке ст. Энсо, остров Бате отвод войск заканчивается к 20 час. 19 марта 1940 года.

5. Эвакуацию войск Красной Армии из района Петсамо закончить к 10 апреля 1940 года.

6. Командование обеих сторон обязуется при отводе войск за государственную границу принимать необходимые меры в городах и местах, которые переходят к другой стороне, к их сохранности и принять надлежащие меры к тому, чтобы города, местечки, оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, плотины, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, промышленные предприятия, телеграф, электростанции) были бы сохранены от порчи и уничтожения.

7. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче одной стороной другой районов, пунктов, городов и других объектов, указанных в пункте 6 настоящего Протокола, разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной дороге движения обеих армий командованием выделяются специальные уполномоченные.

8. Обмен военнопленными производится по возможности в кратчайший срок после прекращения военных действий, на основании особого соглашения.

В. МОЛОТОВ.

А. ЖДАНОВ.

А. ВАСИЛЕВСКИЙ.

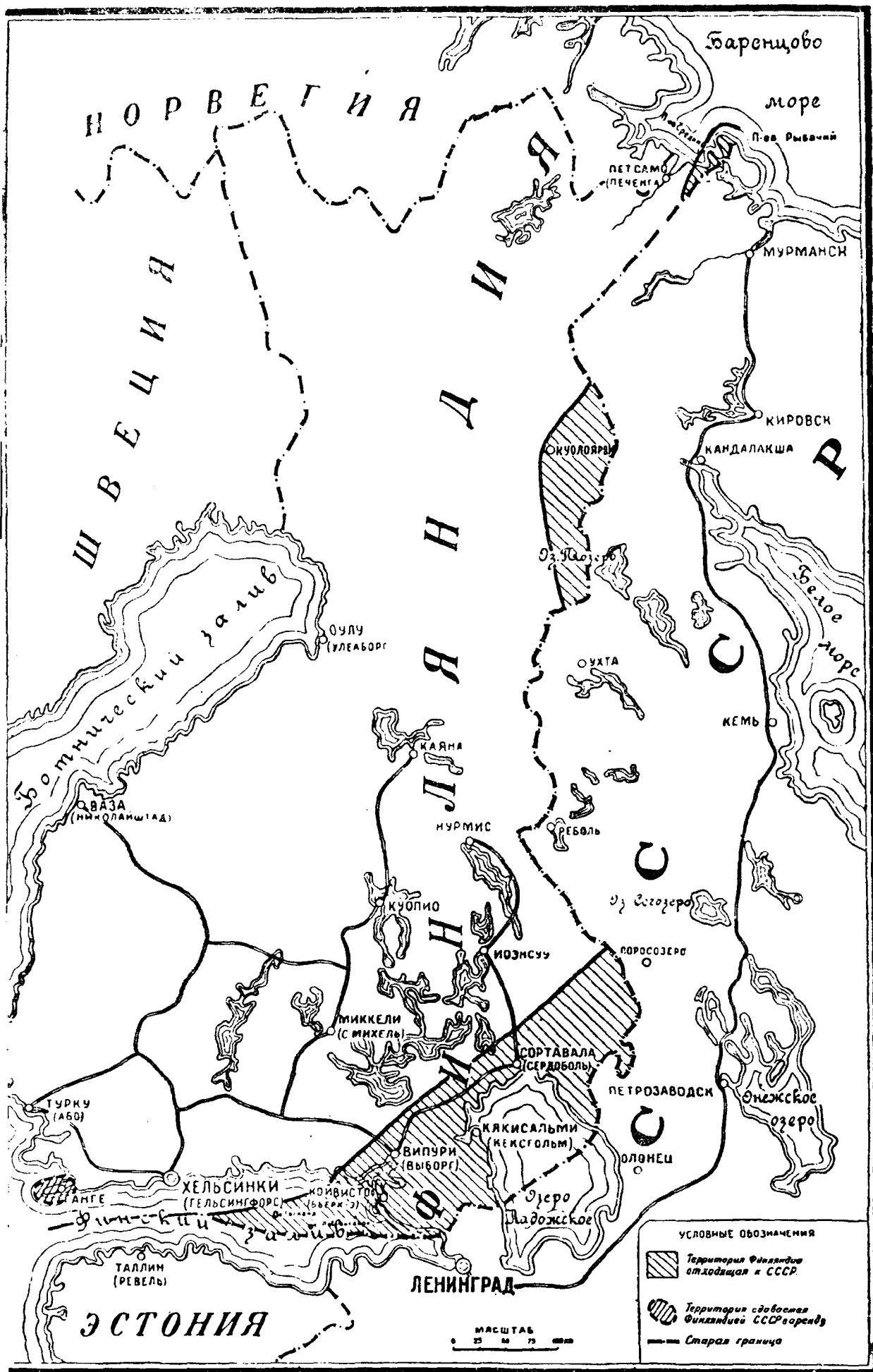
РИСТО РЮТИ.

Ю. ПААСИКВИ.

Р. ВАЛЬДЕН.

ВЯЙНЭ ВОЙОНМАА.

Л. Бенцианова

ОПЫТ ВНЕКЛАССНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ В 8-х КЛАССАХ

(7-я школа Москвы)

1

В изучении новой истории в 8-х классах значительное место занимают революция 1848—1849 годов в Германии и роль Маркса и Энгельса в ней. Я поставила себе целью добиться от учащихся глубокого изучения этих вопросов и решила ознакомить их с биографическими сведениями из жизни Маркса и Энгельса, связать изучение этого материала с самостоятельной работой учащихся и оживить работу привлечением иллюстративного материала и художественной литературы.

После того как эти темы были пройдены в классе, я решила перенести углубленную работу на внеклассные занятия в форме подготовки конференции по истории на тему «Революция 1848—1849 годов в Германии и участие Маркса и Энгельса в ней».

Учащиеся 8-х классов живо откликнулись на мое предложение. В работе по подготовке конференции приняло участие около 30 человек. Было выделено 11 докладчиков, 10 декламаторов и 3 человека для подготовки технического оформления конференции. Эти три ученика должны были приготовить эпидиоскоп и проекционный фонарь, подобрать соответствующие диапозитивы и иллюстрации для эпидиоскопа, оборудовать кабинет и т. д. Активно участвовали в работе конференции и остальные учащиеся.

Конференция готовилась в течение двух месяцев. Собирались регулярно один раз в шестидневку, а две последние шестидневки перед конференцией — по два раза.

Предварительно я разработала план конференции, темы докладов, подобрала литературу к докладам. На организационном собрании были выделены докладчики на соответствующие темы и распределены между учащимися отрывки для декламации.

На первых занятиях каждый докладчик должен был представить план своего доклада, и, поскольку материал был уже пройден, все члены кружка участвовали в обсуждении этих планов.

После принятия плана началась подготовка к докладом. Планы мы обсуждали и улучшали примерно на четырех занятиях. Затем ученики готовили доклады, которые представлялись в письменном виде. На занятиях кружка их обсуждали, вносили в них те или иные исправления, а затем доклады поступали ко мне на редактирование. Каждый докладчик совместно с технической тройкой кружка подбирал к своему докладу диапозитивы и иллюстрации, все участники кружка их просматривали и утверждали весь этот материал.

Когда вся подготовительная работа была закончена, были устроены три репетиции, на которых были окончательно уточнены все выступления, отобраны иллюстрации, подготовлены чтецы.

К конференции была подготовлена большая выставка на 8 плакатах с иллюстративным и цитатным материалом.

В назначенный день конференция состоялась и прошла с большим успехом.

Вначале учащийся, ведущий конференцию, объявил о теме, плане конференции и ее участниках. Докладчики делали свои доклады устно. Они говорили четко и уверенно, показывая хорошее знание материала; без перерывов работала и техническая часть. В соответствующих частях докладов показывались иллюстрации и читались отрывки из художественных произведений.

Конференция длилась два часа и прошла при напряженном внимании со стороны всей аудитории — как взрослых, так и учащихся.

На конференции присутствовали два 8-х класса, учащиеся — члены исторического кружка из 9-х классов, — дирекция школы, преподаватели истории и литературы.

Конференция, по моим наблюдениям, при повторении курса очень помогла хорошему усвоению этого раздела новой истории.

Опыт проведенной конференции оказался исключительно удачным; в классах выделился актив, интересующийся углубленной работой по истории. Этих учащихся я связала с Центральным домом пионеров, где они выступали с докладом

на отчетном собрании по кружковой работе. Из Центрального дома пионеров они получали билеты на доклады по историческим темам и регулярно их посещали.

2

Конференция была проведена по таким темам: 1) «Биография Маркса и Энгельса до 1848 года», 2) «Маркс и Энгельс — основоположники научного коммунизма», 3) «Эмиграция Маркса», «Союз коммунистов», «Манифест коммунистической партии», 4) «Революция 1848—1849 годов в Германии», 5) «Маркс и Энгельс в Рейнской провинции в 1848—1849 годах», 6) «Национально-освободительное движение в Австрии. Разгром Вены», 7) «Реакция в Пруссии», 8) «Последний этап германской революции», 9) «Венгерская революция», 10) «Причины поражения революции 1848—1849 годов», 11) «Маркс и Энгельс в Англии».

К докладу по каждой теме составлялся план, подбирались иллюстрации и к некоторым докладам читались стихи.

Приводим план первого доклада («Биография Маркса и Энгельса до 1848 года»): 1. Детство. Семья Вестфален. 2. Университетские годы. Кружок левых гегельянцев. 3. Работа в «Рейнской газете». Преследование Маркса прусской полицией. 4. Биография Энгельса. 5. Пребывание Маркса в Париже. 6. Дружба Маркса и Энгельса. 7. Знакомство Маркса с Гейне и влияние Маркса на Гейне. 8. Работы Маркса в области общественных наук. 9. Связи с тайными обществами.

К первому докладу было показано десять иллюстраций, к другим докладам также показывались иллюстрации и декламировались стихи Гейне («Плакаты», «1649—1793—??», «В октябре 1849 года»), Гервега («Германия малым довольна»), Фрейлиграта («Мертвые живым», «Роберт Блюм», «Прощальное слово» в «Павой Рейнской газете») и др.

К докладам мною была рекомендована следующая литература: 1) Энгельс «К. Маркс», 2) Ленин «К. Маркс», 3) Ленин «Три источника и три составные части марксизма». 4) Лафарг «О Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе», 5) «Карл Маркс». Институт Маркса — Энгельса — Ленина. Изогиз. Москва. 1933, 6) Дейч «Гейне и Маркс».

В докладе четвертом — «Национально-освободительное движение в Австрии» — рассказ о падении Вены и жестокой расправе с восставшими сопровождался чтением стихотворения Фрейлиграта «Роберт Блюм».

К докладу седьмому — «Реакция в Пруссии» — читали отрывок из стихотворения Фрейлиграта «Мертвые живым»:

«Наутро, после ночи той, когда в бою
мы пали,
Вы нас торжественно несли, могилу
нам копали.

Пробиты, в дырах черепа, на лицах
пятна крови,
Но блеск победы на челе, и гордо сжаты
брови.

Мы думали: не даром, нет, мы головы
сложили,
Теперь навеки можем мы спокойно спать
в могиле.

Вы обманули нас! Позор живым!
Вы проиграли
В четыре месяца всё то, что мы
завоевали!

И подвиг наш и нашу смерть — вы
предали их тоже.
Все слышим мы, всё знаем мы, в могилах
братских лежа.

Вандей отзвук среди глухих и замкну-
тых провинций.
Опять солдатчина, опять назад вернулись
принцы!

И в Майнце, в Трире стыд, позор,
повсюду унижение.
Гражданских и народных войск идет
разоружение!

И с воровством уже разгром нейтгауза
сравнивали;
Могилы наши, нас самих уже оклеветали;
Где баррикады были, там теперь, как
прежде, снова

Собрания запрещены, в тисках печать
и слово!

На юге, севере скрипит затвор в тюремном
склене.

Для тех, кто за народ востал, готовы
снова цепи;

Союз с царизмом укреплен, и понести
готовы

Всех тех, кто пал и заслужил себе венок
лавровый;

Вы в будущее дальше всех умчались
с ураганом.

Бойцы парижские, и мы побеждены
обманом!»

Доклад восьмой — «Последний этап германской революции» — иллюстрировался чтением целого ряда стихов (стихотворение Гейне «1649—1793—??» и др.).

При рассказе о восстании в Эльберфельде и о том, как Энгельс ехал туда с тем, чтобы принять участие в восстании, приводилась песня добровольцев «За республику погибнуть»:

«Тридцать шесть престолов сбросить
надо,
Чтоб республике расчистить путь;

Рухните же их, братья, без пощады,
Смело пулям подставляйте грудь!
За республику погибнуть —
Нам великий, славный жребий, духом
избранная цель».

Когда докладчик говорил о выходе последнего номера «Новой Рейнской газеты», было прочитано помещенное в этом номере замечательное стихотворение Фрейлиграта, полное веры в конечную победу:

«Так прощай же, прощай, грохочущий бой!

Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и колья стальные!
Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам снова, опять я!
И когда последний трон уналет
И народ в ошьянени мести
Заплатит в борьбе в последний свой счет,
Тогда будем мы снова вместе.
На Дунае, на Рейне словом, мечом
Народу воевавшему веюду,
Бунтовница, затравленная врагом,
Застрельщицей верной я буду!»

В докладе девятом — «Венгерская революция» — описание разгрома венгерской революции сопровождалось чтением стихотворения Гейне «В октябре 1849 года»:

«Под сиянием лунным спят реки, леса,
Точно всех одолела дремота;
Только грохот раздастся порой — может
быть,

Из друзей расстреляли кого-то...
Истекает вся Венгрия кровью; угла
Но найти беззащитной свободе;
Но остался вполне невредим рыцарь
Франц,

И лежит его шпага в комод...
Только вспомню про венгров —
становится мне

Слишком узко немецкое платье,
И под ним, словно море, бушует в груди,
Точно трубы слышал опять я».

В докладе одиннадцатом — «Жизнь и работа Маркса и Энгельса в Англии и роль их в I Интернационале и Парижской коммуне» — были использованы отрывки из речи Энгельса на могиле Маркса: «14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей...

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря...

Наука была для Маркса исторически-движущей революционной силой...

Ибо Маркс был прежде всего — революционер. Тем или иным способом принимать участие в низвержении капиталистического общества... вот что было его подлинным жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 652, 653).

Было также процитировано письмо Энгельса к Зорге после смерти Маркса: «Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало» (Ф. Энгельс. Письмо Зорге от 15 марта 1883 года в книге К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 298).

Заключительным моментом конференции было чтение речи Ленина на открытии памятника Марксу и Энгельсу в Москве 7 ноября 1918 года.

«Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых...

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!» (В. И. Ленин. Т. XXIII, стр. 276).

* * *

На основе опыта 7-й школы ЛОНО можно сделать вывод о желательности применения подобного метода внеклассной работы и в других школах, так как этот метод активизирует самостоятельную работу учащихся, углубляет и закрепляет их знания, развивает их речь, будит интерес к истории и политически воспитывает.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КРУЖОК

(Из опыта работы в 114-й школе Москвы)

1

В статье «Опыт внеклассной работы по истории», помещенной в № 1 «Исторического журнала» за 1939 год, был изложен опыт работы исторического кружка 4-го класса 114-й школы в 1937—1938 учебном году.

Этот же кружок продолжал работать в следующем, 1938 — 1939 учебном году, когда его участники перешли в 5-й класс.

Второй год работы дает возможность высказать более обоснованно некоторые соображения о кружковой работе и указать некоторые новые приемы ее.

Работа кружка по истории в средней школе имеет несколько задач.

Во-первых, прохождение курса истории в школе при очень ограниченном количестве часов и весьма обширном материале да еще при отсутствии учебника не дает учителю возможности углубить в нужной мере материал. О многом приходится говорить слишком кратко, и учащиеся не получают достаточно конкретных представлений о событиях, об эпохе. Поэтому одной из задач кружка является заинтересовать учеников историей и углубить их знания по курсу.

Во-вторых, кружок должен заставить работать мысль учащихся, развить в них стремление к серьезным занятиям сверх учебной программы.

В-третьих, кружок должен повысить активность учеников, научить их самостоятельно работать.

В области изучения прошлого работа кружковцев главным образом основывается на книжном материале. Работа над книгой и затем составление доклада — вот основная форма занятий в кружке. Обычно доклад, сделанный учащимся по определенному пособию или нескольким пособиям, выслушивается пассивно, так как учащиеся, которые не знают материала по данному вопросу, не могут его обсуждать. Доклад такого рода полезен, правда, для докладчика, но обычно мало дает остальным. Следовательно, надо оживить работу. Необходимо докладчика освободить от необходимости следовать только книге, научить его комбинировать материал разного типа и остальным кружковцам дать мате-

риал для активных выступлений по докладу.

Вот те соображения, которые привели руководителей кружков 114-й московской школы к выводу о необходимости включить в работу кружка наглядный материал исторических памятников, посещение музеев, организацию экскурсий.

2

Учащиеся 5-го класса, которые в 1937—1938 учебном году работали над материалами Исторического музея по истории СССР, в 1938—1939 учебном году перешли к изучению древнего Востока. Естественно, что и кружок принялся за работу по этому же разделу истории. Из многочисленных государств Востока, которые последовательно изучаются учащимися в 5-м классе, одно представлено в Московском музее изобразительных искусств имени Пушкина весьма полно — это Египет.

Этим определялась тематика работы кружка — углубленное изучение древнего Египта. Для работы был привлечен также наглядный материал из «Альбома по древней истории» под редакцией Вевери, из атласа «Древний Восток», составленного Снегиревым, и др. Эти издания, мало применимые во время классных занятий, очень полезны в работе кружка. Использовались иллюстрации и из ряда книг по Египту (Масперо, Флиттнер и др.).

Помимо иллюстративного материала ученики изучали следующие книги по истории Египта:

- 1) Масперо «Исторические чтения»,
- 2) Флиттнер «В стране пирамид»,
- 3) Мельгунов «Первые уроки истории»,
- 4) Матье «Что читали египтяне»,
- 5) Книга для чтения по древней истории. Ч. 1-я. Под ред. Васютинского и др.

Для инициативы и творчества учащихся был открыт большой простор. Кружок, состоявший из 20 учащихся одного класса разбил на 6 бригад. Каждая из них взяла определенную тему. История Египта в классе к этому времени уже была пройдена.

Темы были такие:

- 1) «Жизнь и труд древних египтян (рабство)»,
- 2) «Фараон и его власть (деспотизм)»,
- 3) «Как жили египтяне»,

- 4) «Гробницы и их постройка»,
- 5) «Религия и мифы»,
- 6) «Культ мертвых».

Задача каждой бригады заключалась в следующем: изучить свою тему по книгам и по материалам Музея и составить доклад, сопровождая его иллюстрациями в виде зарисовок, затем провести по своей теме экскурсию школьников в Музей. Наконец, доклады надо было оформить и составить альбом по древнему Египту.

Занятия кружка велись в основном в такой последовательности. На первом, организационном собрании был установлен состав кружка, сообщен план работы и распределены темы. Для того чтобы заинтересовать кружковцев историей Египта, преподаватель рассказал об яркой, захватывающей истории раскопок гробницы фараона Тутанхамона, произведшихся в середине 20-х годов Карнарвонем и Картером. Затем бригады взялись за книги, пользуясь при этом постоянной, систематической консультацией руководителя.

Два раза кружковцы занимались в Музее. Первое занятие было посвящено общему ознакомлению всего кружка с памятниками древнего искусства. На втором занятии работали по бригадам. Каждая при помощи преподавателя и руководителя — работника Музея — отбирала материал по своей теме, разбиралась в нем, готовилась к докладу и делала необходимые для доклада зарисовки.

Доклады решено было читать в Музее, с тем чтобы демонстрировать перед слушателями те памятники, о которых рассказывали докладчики. Но перед окончательным чтением в Музее каждая бригада делала доклад на собрании кружка с показом подобранных иллюстраций. Некоторые бригады выдвигали одного докладчика по всей теме, другие делили тему на 3—4 части и по каждой из них назначали докладчика. Так, по теме о письменности было четыре докладчика. Они распределили материал следующим образом: 1) «Идеографическое письмо», 2) «Позднее письмо», 3) «Как писали древние египтяне», 4) «Как научились читать египетское письмо». Тема о фараоне была также распределена по частям: 1) «Фараон и его власть», 2) «Пир фараона», 3) «Войны Рамзеса II с хеттами».

Участники кружка живо обсуждали доклады. Активность ребят на кружке объясняется тем, что все они уже знали историю Египта по занятиям в классе, все были в Музее, каждый читал книги о Египте.

Обсуждение каждой темы занимало обычно по целому занятию. Затем доклад подвергался перепроверке в связи со сделанными замечаниями. В этот период собрания кружка происходили каждую шестидневку.

Наконец настал день смотра. 20 кружковцев должны были провести 20 некружковцев по Музею и сделать свои доклады, сопровождая их показом памятников.

Не все докладчики были в одинаково выгодном положении. Так, бригада, работавшая над гробницами, принуждена была делать доклад только на материале фото, изображающих пирамиду Хеопса. Зато другие водили своих товарищей из одного зала в другой, обнаружив хорошее знакомство с материалами Музея. За полтора часа (обычное время экскурсии) памятники Египта были показаны 9 юными экскурсоводами.

Полезность подобной работы очень велика. Кружковцы научились работать над материалом, комбинировать его, связывать книгу с памятником, не механически пересказывать прочтенное, а продумывать и перестраивать материал. Они получили навык выступлений с докладами не только в кружке, но и в непривычной обстановке большого Музея.

Итогом проделанной ими работы был альбом, составленный из докладов-статей (в сокращении) и иллюстраций к каждому из них.

Первая страница альбома занята картой Египта с подписью: «Египет — дар Нила». Ряд иллюстраций рассказывает о труде и об его эксплуатации в Египте (наказание раба, сельскохозяйственные работы, труд ремесленника, взимание податей и т. д.).

Хорошо срисованы «Суд Озириса», «Рамзес на боевой колеснице», египетские иероглифы и многие другие материалы, иллюстрирующие доклады.

Альбом дал картину работы, проделанной участниками кружка.

3

Во втором полугодии учащиеся 5-го класса перешли к истории Греции. Решили изучать быт и классовые отношения греков в залах греческих колоний — Ольвии и Херсонеса — в Историческом музее.

Во втором полугодии работа кружка была целиком перенесена в Музей: здесь рисовали, лепили. В школе же и дома шла только подготовительная работа.

Задачей кружка на этом этапе было создать в школе выставку — греческий уголок. Так как у кружковцев были уже навыки в работе и так как многие из них неплохо лепят и рисуют, то поставленная задача была для кружковцев вполне разрешимой.

На занятиях кружка руководитель давал разъяснения к наиболее сложным музейным материалам, а кружковцы в своих докладах дополняли руководителя. Так, в докладах членов кружка прошли темы «Ольвия» (по макету), «Греческая колониза-

ция» (по карте), «Рабство», «В греческом доме» (макет), «Военный строй греков». При подготовке и чтении докладов использовались также книги, как например Гиро «Частная и общественная жизнь греков», «Книга для чтения по древней истории» под ред. Васютинского и др.

Доклад «В греческом доме» составлялся так: три ученицы познакомились с макетом, стоящим в Музее, проконсультировались у руководителя, а материал для доклада взяли по «Книге для чтения» из статьи «В доме афинянина». В своем докладе они дали также описание мебели, одежды, украшений, используя для этого книгу Гиро.

К докладу было подготовлено десятка два маленьких зарисовок. Доклад был разбит на 7 глав и оформлен в виде альбома с иллюстрациями к каждой главе.

К докладу о рабстве также были подготовлены зарисовки. Прослушав описание рабского рынка, работы рабов в рудниках, рассказы об обращении с рабами и т. д. и ознакомившись с теми орудиями труда, которые были у греков (мельничный жернов, примитивная соха), кружковцы легко пришли к выводам о том, что рабский труд задерживал развитие техники, задерживал прогресс, что безжалостная эксплуатация рабов приводила к восстаниям, которые со-

трясали весь общественный строй греческих государств.

Рассказывая о взглядах греков-рабовладельцев на труд как на дело, недостойное **свободного человека**, руководитель подчеркивал нашу точку зрения на труд как на дело чести, доблести и геройства. В заключение руководитель привел слова Энгельса о том, что не демократия погубила Афины, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным.

Помимо работы над докладами и зарисовками к ним ребята изготовили ряд макетов, слайков и т. п. В ходе экскурсии намечалось, что и как сделать. Материал для работы был самый разнообразный: белая глина, пластилин, фольга, воск, дерево, воск. В результате были сделаны: большой макет стен Херсонеса, фигурки из пластилина: раб, ремесленник, лекиф, — затем золотой венок из фольги, дощечка для письма и т. д.

Наконец, явилась мысль о постановке отрывков из «Антигоны» Софокла в греческих костюмах. Две сцены были разучены. Однако ввиду приближения конца года и испытаний этот план не был осуществлен.

Занятия, продолжавшиеся три месяца, дали кружковцам новые навыки работы, углубили их понимание греческой жизни, создали у учащихся конкретное представление о прошлом.

ЛИТЕРАТУРА О ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

Исторические судьбы западных областей Украины и Белоруссии не нашли еще своего полного отражения в советской исторической литературе. Задача развертывания серьезной научно-исследовательской работы в этой области поставлена перед советской исторической наукой в порядок дня.

Настоящая библиография предназначена для студентов, преподавателей, научных работников, приступающих к научно-исследовательской разработке этой темы с марксистско-ленинских позиций.

Рекомендуемая библиография включает в себя наряду с марксистской литературой ряд работ крупных буржуазных историков (Н. Кулиш, М. С. Грушевский и др.), созданных вокруг этой темы неверные и вредные исторические концепции, отражающие антинаучные и антимарксистские взгляды, в частности великодержавно-шовинистические, националистические, полонифильские воззрения. Критический анализ их со стороны советских историков и решительная борьба против ошибочных и враждебных концепций авторов являются обязательными для каждого историка-марксиста.

Публикуемая библиография представляет собой список литературы, охватывающей лишь историю тех частей Украины и Белоруссии, которые осенью 1939 года воссоединены с Украинской и Белорусской ССР. Дальнейшая разработка данной библиографии в связи с общекризисной и общеполитической историей — задача наших дней.

Внутри отдельных рубрик литература располагается не в алфавитном порядке авторов, а, по возможности, в логическом порядке содержания произведений в соответствии с их значимостью и хронологической последовательностью.

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ¹

- Энгельс Ф.** Внешняя политика русского царизма. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. XVI. Ч. 2-я. стр. 10—11.
- Энгельс Ф.** Письмо К. Марксу от 23 мая 1851 г. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. XXI. стр. 210—211.
- Энгельс Ф.** Письмо К. Марксу от 21 апреля 1853 г. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. XXIII. стр. 147.
- Энгельс Ф.** Письмо Носифу Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. XXV. стр. 184.
- Ленин В. И.** Национальный вопрос в нашей программе. Соч. Т. V, стр. 337—344.
- Ленин В. И.** Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии. Соч. Т. XVI. стр. 355—356.
- Ленин В. И.** Как епископ Никол защищает украинцев. Соч. Т. XVI. стр. 617—618.
- Ленин В. И.** О культурно-национальной автономии. Соч. Т. XVII. стр. 92—95.
- Ленин В. И.** Критические заметки по национальному вопросу. Соч. Т. XVII. стр. 142—144.
- Ленин В. И.** Еще о «национализме». Соч. Т. XVII. стр. 219—220.
- Ленин В. И.** О праве наций на самоопределение. Соч. Т. XVII. стр. 457—458.
- Ленин В. И.** Итоги дискуссии о самоопределении. Соч. Т. XIX. стр. 239—272.
- Ленин В. И.** Статьи и речи об Украине. Киев. 1936. 350 стр.

¹ Высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о борьбе за советскую власть и национальную независимость украинского и белорусского народов в период Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции см. гл. IX.

- Сталин И.** Марксизм и национально-колоннальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. 1939. 295 стр.
- Сталин И. В.** Декларация прав народов России. В кн. «Ленин и Сталин». Избранные произведения 1917 года, стр. 515—516. М. 1939.
- Сталин И. В.** Национальный вопрос. В кн. «Вопросы ленинизма», стр. 45—52. 11-е изд. М. 1939.
- Сталин И. В.** Статьи и речи об Украине. М. 1936. 250 стр.

II. ПЕРВОИСТОЧНИКИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- Древнерусские летописи. Перевод и комментарий В. Панова. Ред. В. Лебедева. Статьи В. Лебедева и В. Панова. М. и Л. 1936. XXIII + 390 стр.
- Полное собрание русских летописей. Спб. Археологическая комиссия 1841—1921. Т. I—II (Ипатьевская летопись); т. XVII (Западнорусские летописи). 1907. XIV + 618 стр.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Тт. 1—15. СПб. 1863—1892.
- Архив Югозападной России. Изд. Киевск. археол. ком. Ч. 1—7-я. Т. 1—41. Киев. 1859—1914.
- Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках. В кн. «Чтения о-ва ист. и древн. росс.» 1846—1847, кн. 5, отд. II, стр. 1—100; 1847—1848, кн. 6, отд. II, стр. 101—219; то же отд. изд. М. 1847.
- Памятники Киевской комиссии для разбора древних актов. Тт. 1—4. Киев. 1845—1859.
- Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов. Киев. 1889. LIX + 322 стр.
- Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Т. I. Киев. 1856. 162 стр.
- Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 1—39. Вильно. 1865—1914.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Тт. 1—5. СПб. 1846—1853.
- Археологические сборники документов, относящихся к истории северозападной Руси, издаваемые при Управлении Виленского учебного округа. Тт. 1—14. Вильно. 1867—1904.
- Белорусский архив древних грамот. Ч. 1-я. М. 1824. XVI + 148 стр.
- Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. I (IX—XVIII ст.). Менск. 1936.
- Менскія Акты. Выпуск першы (XV—XVI ст.). Менск. 1928.
- Беларускі архіў. Том першы (XVI—XVII ст.). Інст. белар. культуры. Менск. 1927. XXII + 267 стр.; т. II (XV—XVI ст.). 1928.
- Белорусские древности, изданные А. М. Семеновским. Вып. 1. Спб. 1890. XI + 136 стр.
- Западнорусская летопись по списку Румянцевского музея под ред. Б. А. Ваховича. «Зап. Одесск. о-ва ист. и др.». Т. XXIV, стр. 161—224. 1902.
- Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношения к России и к Польше. Изд. Археол. ком. Спб. 1865. 658 стр.
- Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. I—XXXI. Витебск. 1871—1903.
- Пинские акты XV—XVI вв. Приложение к кн. **А. С. Грушевский**. Пинское полесье. Ч. 2-я, стр. 1—194. Киев. 1903; «Универ. изв.», Киев. 1903. №№ 2—7.
- Западная Украина и Западная Белоруссия.** Сборник материалов. Ростов на Дону. 1939. 140 стр.

III. ЛИТЕРАТУРА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в., стр. 73—147; 250—280; 542—564. М. 1939.
- Радецкий З.** Западная Украина и Западная Белоруссия. В журн. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 11 за 1939 год, стр. 85—96. (Природные богатства, промышленность, сельское хозяйство, культура.)
- Готье Ю.** Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. В журн. «Исторический журнал» № 1 за 1940 год, стр. 94—99.
- Владимиров П. В.** Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев. 1890. 42 стр.
- Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Кн. I—XXIX. Спб. «Обществ. польза». Б. г.
- Рубинштейн Н.** Западная Украина и Западная Белоруссия (Краткая историческая справка). «Исторический журнал» № 10 за 1939 год, стр. 10—15.
- Пичета В.** Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М. 1939. 40 стр.

- Василенко Н. П.** Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев. 1916. 589 стр.
- Антонович В. Б.** Монографии по истории Западной и Югозападной России. Т. I. Киев. 1885. 351 стр.
- Савич А.** Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVIII вв. Київ. Всеукр. акад. наук. 1929. 334 стр.
- Гейликман Т. Б.** История общественного движения евреев в Польше и России. М. и Л. 1939. 307 стр.

1. Литература о Западной Украине

- Греков Б. Д.** Древнейшие судьбы Западной Украины. В журн. «Новый мир» № 10—11, за 1939 год, стр. 248—256.
- Петровский Н. Н.** Военное прошлое украинского народа. М. 1939. 79 стр.
- Грушевский М.** История України—Руси. Тт. I—IX. Львів и Київ. 1905—1928.
- Грушевский М. С.** Очерки истории украинского народа. 3-е изд. Київ. 1911. 463 стр. с карт.
- Ефименко А. Я.** История украинского народа. Вып. I—II. Спб. 1906. 391 стр. с илл.
- Ефименко А. Я.** Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. Спб. 1905. Т. I, 439 стр.; т. II, 355 стр.
- Сборник статей и материалов по истории Югозападной России. Вып. I. Киев. 1911; вып. II. Киев. 1916.
- Украинский народ в его прошлом и настоящем. Под ред. проф. Ф. К. Волкова, проф. М. С. Грушевского, проф. М. М. Ковалевского, акад. Ф. Е. Корша, проф. А. Е. Крымского, проф. М. И. Туган-Барановского и акад. А. А. Шахматова. Спб. Т. I 1914. 360 стр. с илл.; т. II. Пгр. 1916. 707 стр.
- Кониский Г.** История русов или малой России. М. 1846. 261 стр.
- Антонович В.** Исследования о городах Югозападной России по актам 1432—1795 гг. Киев. 1870. Предисловие к кн.: Архив югозап. России. Т. I, ч. V.
- Лонгинов А. В.** Червенские города. Исторический очерк в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава. 1885. 368 + 54 + 47 стр.
- Пыпин А. И. и Спасович В. Д.** Литература южнорусская. «История славянских литератур». Спб. 1879—1881. Т. I. 447 стр.
- Франко И.** Южнорусская литература. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Спб. 1904. Полугом 81, стр. 300—326.
- Алексеев Б.** Из истории искусства Западной Украины. В журнале «Творчество» № 9 за 1939 год, стр. 6—11.

2. Литература о Западной Белоруссии

- Пичета В. И.** Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии. В журн. «Историк-марксист» № 5—6 за 1939 год, стр. 67—93.
- Киркор А. К.** Литовское и Белорусское Полесье. В кн. «Живоп. Россия». Т. III, стр. 289—316. Спб. 1882.
- Турчинович О.** Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. Спб. 1857. XII + 303 стр.
- Стукалич В. К.** Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск. 1894. 23 + 62 стр.
- Пыпин А. Н.** История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь, стр. 3—173. Спб. 1892.
- Материалы для изучения быта и языка русского населения Северозападного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Спб. Т. I, Ч. 1-я. 1887. 585 стр.; т. I, Ч. 2-я. 1890. 708 стр.; т. II. 1893. 715 стр.
- Довнар-Запольский М. В.** Статистические очерки Северозападного края. В его кн. «Исследования и статьи». Т. I, стр. 425—479. Киев. 1909.

IV. ЗАПАДНЫЕ И ЮГОЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ КИЕВСКОЙ РУСИ

(IX—XIII вв.)

1. Литература общего характера.

- Гаркави Я. Г.** Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах с половнями VII до конца IX вв. Спб. 1870. VIII + 308 стр.
- Волинско-галицкая летопись. 1205—1292. Издал и объяснил А. С. Петрушевич изданием галицко-русской Матицы. Львов. 1871.
- Памятники истории Киевского государства IX—XII веков. Сборник документов. Л. 1936. 219 стр.
- История Украины. В документах і матеріялах. Т. I. Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII ст. Академія наук УРСР. 1939. 296 стр.

- Греков Б. Д. Киевская Русь. Академия наук СССР. Институт истории. 1939. 281 стр. + 1 карта
- Юшков С. В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. Академія наук УРСР. 1939. 210 стр.
- Бахрушин С. В. Держава Рюриківичей. В журн. «Вестник древней истории». Вып. I стр. 88—98. 1938.
- Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. 1938. 279 стр.
- Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. 1-я. Русь и Польша до конца XII века. Киев. 1884. 216 стр.

2. История отдельных земель (княжества Галицко-Волынское, Турово-Пинское, Полоцкое, Смоленское)

- Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XVI ст. Киев. 1891. 16 + 520 стр.
- Зубрицкий Д. История древнего Галицко-Русского княжества. Ч. 1-я. Львов. 1852. 210 стр.; ч. 2-я. 1852. 139 стр.; ч. 3-я. 1855. 314 стр.
- Шараневич Исидор. История Галицко-Володимирской Руси от найдавніших времен до року 1453. Львов. 1863. VI + 462 стр. + карта.
- Шараневич И. Исследование на поля отечественной географии и истории. Львов. 1869. 94 стр. + карта.
- Грушевский М. Галицке боярство XII—XIII в. «Записки науков. тов. ім. Шевченка». Львів. 1897. Кн. VI. Т. XX, стр. 1—20.
- Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев. 1873. 156 стр.
- Костомаров Н. Князь Данило Романович Галицкий. В кн. Костомаров Н. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Т. I, стр. 107—133. 3-е изд. Спб. 1886.
- Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. Оттиск из «Универ. изв.», Киев. 1887. №№ 2—6. Также отд. изд. Киев. 1888. 232 стр.
- Иконников В. С. Волынь и Галич. Очерк их истории. Туровская земля. Культурные связи и влияния. Письменные памятники. Галицко-Волынская летопись. В кн. Иконников В. С. «Опыт русской историографии», Т. II, кн. I, гл. VII.
- Смирнов М. Судьбы Червоной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшей (1387). Спб. 1860. 153 стр.
- Савич А. Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси (XI—XII вв.) «Ученые зап. Моск. госуд. педагог. ин-та им. К. Либкнехта». Кн. I, стр. 70—88. 1937.
- Гуслистый К. Борьба против польско-венгерской агрессии на Украине в XIII веке. Газета «Сов. Украина» от 10 октября 1938 года.
- Довнар-Запольский М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев. 1891. 170 стр.
- Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев. 1896. 260 стр.
- Грушевский А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества в XI—XIII вв. «Универ. изв.» № 6. Киев. 1901. Стр. 1—78.
- Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев. 1895. 334 стр.
- Багалец Д. История Северной земли до половины XIV ст. Киев. 1882. 310 стр.

V. УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ (XIV—XV вв.)

1. Литовско-Русское государство

- Акты Литовско-Русского государства. С предисл. М. В. Довнар-Запольского. Вып. I. 1390—1522. М. 1899. XII + 288 стр.
- Законодательные акты великого княжества Литовского. XV—XVI вв. Сборник материалов подготовил к печати И. П. Яковкин. Л. 1936. XII + 152 стр.
- Литовская метрика. «Русск. истор. библ.». 1903. Т. XX; 1910. Т. XXVII; 1914. Т. XXX; 1915. Т. XXXIII.
- Пресняков А. Лекции по русской истории. Т. II (Западная Русь и Литовско-Русское государство). М. 1939. 248 стр.
- Дашкевич. Литовско-Русское государство, условия его возникновения и причины упадка. В журн. «Универ. изв.». Киев. 1882, март, стр. 45—70; август, стр. 325—344; сентябрь, стр. 361—367; октябрь, стр. 419—440; 1883, апрель, стр. 115—122.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М. 1915. 401 стр.
- Барбашев А. И. Очерки литовско-русской истории XV в. Витовт. Последние 20 лет княжения. 1410—1430. Спб. 1891. VIII + 340 стр.
- Грушевский А. Пинское пошесье. Исторические очерки. Ч. 2-я (XIV—XVI вв.). Киев. 1903. 191 + 194 стр.

- Максимейко Н. А.** Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902. 295 стр.
- Любавский М.** Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892. 884 стр.
- Грушевский А. С.** Города в княжестве Литовском в XIV—XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев, 1918. 240 стр.
- Тарановский Ф. В.** Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. «Варшавск. унив. изв.». 1897. Кн. VII—IX; и отд. Варшава, 1897. 201 стр.
- Спрогис И.** О цеховом устройстве и управлении западно-русских городов. «Акты Виленск. археогр. ком.». Т. IX. 1878.
- Вольдемар А. И.** Национальная борьба в великом княжестве Литовском в XV и XVI вв. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук». Т. XIV. 1909. Кн. III, стр. 160—198.
- Бершадский С. А.** Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388—1569). СПб. 1883. 431 стр.
- Дашкевич Н.** Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве в период династической унии Литвы с Польшей. «Универ. изв.», Киев, 1884, № 10, стр. 269—316; № 12, стр. 317—330.
- Довнар-Запольский М. В.** Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонах. «Универ. изв.». Киев, 1900, № 7, 9, 11; 1901, № 2, 3, 5, 7, 9—12; отд. изд. Киев, 1901. 807 стр.
- Владимирский-Буданов М. Ф.** Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства. В кн. «Чтения в истор. о-ве Нест.-лет.». Кн. III, стр. 63—114. 1889.
- Владимирский-Буданов М. Ф.** Крестьянское землевладение в Западной России до пол. XVI в. В кн. «Чтения в истор. о-ве Нест.-лет.». Кн. VII, стр. 12—94. 1893.
- Леонтович Ф. И.** Крестьянский двор в Литовско-русском государстве. В «Журн. мнн. нар. просв.» № 2 за 1896 год, стр. 341—382; № 3, стр. 1—42; № 4, стр. 103—241; № 7, стр. 96—125; № 10, стр. 91—203; № 12, стр. 69—192; 1897, № 4, стр. 408—462; № 5, стр. 1—43.
- Леонтович Ф.** Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовско-Русского государства. СПб. 1894. 393 стр.
- Лочмель И.** Борьба белорусского народа против литовского и польского ига. «Исторический журнал» № 7 за 1938 год, стр. 24—35.

3. Западная Украина под властью Польши

- Акты о заселении Югозападной России. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 7-я. Т. I (1386—1700). Киев, 1886; т. II (1471—1668). Киев, 1890; т. III (1570—1789). 1905.
- Материалы для истории местного управления Югозападной России в связи с историей сословной организации. Акты Барского староства XV—XVI ст. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 8-я. Т. I. 1893. 372 стр.; ч. 8-я. Т. II. 1894. 497 стр.
- Акты о происхождении шляхетских родов в Югозападной России (1442—1760 гг.). С вступит. статьей В. Б. Антоновича. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 4-я. Т. I. 1867.
- Акты о землевладении в Югозападной России XV—XVIII вв. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 8-я. Т. IV. 451 + 66 стр.
- Гуслистый К.** Україна під литовським пануванням і захоплення її Польшею. Київ, 1939. 194 стр.
- Филевич И.** Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицкое наследство. Спб. 1890. X + 233 стр.
- Довнар-Запольский М.** Из истории литовско-польской борьбы за Волынь. (Договоры 1366 г.) «Универ. изв.». Киев, 1896, № 8, стр. 1—13.
- Владимирский-Буданов М. Ф.** Население Югозападной России от половины XIII до половины XV в. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 7-я. Т. I, стр. 1—35. Киев, 1886.
- Линниченко И. А.** Черты из истории сословий в Югозападной Галицкой Руси XIV—XV вв. «Ученые зап. Моск. универс.». Отд. ист.-фил. Вып. XX, стр. 1—240. М., 1894.
- Антонович В. Б.** О происхождении шляхетских родов в Югозападной России. «Архив Югозападной России», Ч. 4-я. Т. I. 1867; отд. изд. Киев, 1867. 62 стр.
- Леонтович Ф. И.** Крестьяне Югозападной России по литовскому праву XV и XVI ст. «Универ. изв.». Киев, 1863, № 10, стр. 1—48; № 11, стр. 1—40; отд. изд. Киев, 1863.

VI. УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (XVI—XVII вв.)

1. Литература общего характера

- Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений, 1357—1710 гг. Под ред. Мавр. Круповича. Ч. 1-я. Вильно. 1858. VIII+163 стр.
- Сводная Галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год. Сост. А. С. Петрушевич. Львов. 1874. 692 стр.
- Акты о городах (1432—1798 гг.). С вступ. статьей В. Б. Антоновича. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 5-я. Т. I. 1869. 636 стр.
- Акты для истории провинциальных сеймиков Югозападного края (1654—97 гг.). В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 2-я. Т. II. 1888. XLIX + 633 + XXXVI стр.
- Постановления дворянских провинциальных сеймов в Югозападной России (1569—1654 гг.). В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 2-я. Т. I. Киев. 1861. LXIV + 530 стр.
- Акты о землевладении в Югозападной России (XV—XVIII вв.) В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 8-я. Т. VI. Киев. 1911. 435 + 48 + XXIV стр.
- Акты о боярах (господарских и королевских 1491—1796 гг.). В кн. «Акты, издаваемые Виленск. ком. для разбора древних актов». Т. XXIV. Вильно. 1897. XLIV + 547 стр.
- Акты об устройстве помещичьих имений Юго-зап. России в XVI в. (1566—98 гг.). Под ред. Н. Д. Иванисева. В кн. «Памяти, изд. Врем. ком. для разбора древн. актов». Т. III. Киев. 1852, отд. II, стр. 1—192.
- Акты о правах и обязанностях владельцев поземельной собственности в отношении к крестьянам (1490—1596 гг.). В кн. «Памяти, изд. Врем. ком. для разбора древн. актов». Т. I. Киев. 1845, отд. II, стр. 1—112.
- Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI—XVIII вв. (1498—1795 гг.) с вступ. статьей И. П. Новицкого. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 6-я. Т. I. Киев. 1876. 161 + 614 стр.; т. II (1700—1799). 1870. 64 + 556 стр.
- Грабянко Григорий.** Летопись. Изд. Времен. ком. для разбора древних актов. Киев. 1854. XXIX + 374 стр.
- Акты о казаках (1679—1716). В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 3-я. Т. II. Киев. 1868. 864 стр.
- Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междуусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Доведено продолжителями до 1734 г. В кн. «Чтения Моск. об-ва ист. и древн.». Год 2-й (1846—1847), кн. I—II; 1846. II + 152 + VI стр.
- Летопись самовидца по новооткрытым спискам, с приложением трех малороссийских хроник. Под ред. Р. И. Левицкого. Киев. 1878. XVII + 468 стр.
- Памятники литературной полемики православных южноруссов с латино-уннатами в XVI—XVII вв. В кн. «Архив Югозападной России». Киев. Ч. 1-я. Т. VII. 1887. XVI + 800 стр. См. также ч. 1-я, т. I. 1859. LXXXVII + 554 стр.
- Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Пер. Мельника. Под ред. В. Антоновича. Вып. I. Киев. 1890. 190 стр. (XVI ст. М. Литвин, Б. де Виженер, Л. Горецкий, Э. Ляссота); вып. II. Киев. 1896. 438 стр. (первая половина XVII ст. Ф. Евлашевский, Я. Собесский, С. Осольский, Г. Боплан, Б. Машкевич).
- Борьба Украины с польским владычеством и присоединение ее к России. Материалы и документы. Изд. Высшей школы пропагандистов имени Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). М. 1939. 223 стр.
- Крипякевич I.** Львівска Русь в першій половині XVI в. В кн. «Записки науков. товари. ім. Шевченки». Т. LXXVII, стр. 77—106; т. LXXVIII, стр. 26—50; т. LXXIX, стр. 5—51. Львів. 1907.
- Лаппо И. И.** Великое княжество Литовское во второй половине XVI в. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев. 1911. VII + 624 + 191.
- Костомаров Н. И.** Южная Русь в конце XVI в. Соч. Кн. I. Т. III, стр. 619—693. Сиб. 1903.
- Антонович В. и Бец В.** Исторические деятели Югозападной России в биографиях и портретах. Киев. 1885. VI + 110 стр.
- Стороженно Н. В.** Западнорусские провинциальные сеймики во второй половине XVII в. Исследование по архивным материалам. Киев. 1888. 140 стр.
- Лаппо И. И.** К истории сословного строя великого княжества Литовского. Копные мещане витебские в XVI ст. «Сборн. статей, посвящен. В. О. Ключевскому», стр. 254—276. М. 1909.
- Пичета В.** Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1917. Ч. 1-я. 328 стр.; ч. 2-я. 302 стр.
- Новицкий И.** Очерк истории крестьянского сословия в Югозападной России в XV—XVIII вв. Киев. 1876. 161 стр.
- Довнар-Запольский М. В.** Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев. 1905. VI + 397 + VIII + 167 стр.

- Довнар-Запольский М.** Западнорусская сельская община в XVI веке. Оттиск из «Журн. мин. нар. просв.», Спб. 1897. 128 стр.
- Клименко П.** Цехи на Україні. Т. I. Київ. 1929. 199 + VIII стр.
- Пташицкий С. Л.** Иван Федоров. Московский первопечатник. Пребывание его во Львове. 1573—1583 гг. В журн. «Русск. стар.», 1884, т. XI, стр. 461—478.
- Кулиш П. А.** История воссоединения Руси. Спб. 1874. Т. I. 363 стр.; т. II. 456 стр.
- Владимиров П. В.** Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. Спб. 1888. XXVI + 351 стр.
- Лочмель И.** Борьба белорусского народа против литовского и польского ига. «Исторический журнал» № 7 за 1938 год, стр. 24—35.
- Петровский Н.** Нариси з історії України XVII—початку XVIII ст. Харків. 1930. (Дослідя над літописом самовидця).
- Мавродин В.** Борьба украинского народа против владычества польских панов и присоединение Украины к России. В журн. «Прол. и агитация» № 7 за 1938 год, стр. 20—29.

2. Люблинская уния 1569 года

- Дневник Люблинского сейма 1569 года. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. Спб. 1869. XVII + 786 стр.
- Малышевский И. И.** Люблинский съезд. 1569. «Памяти русск. стар. в зап. губ.». Вып. VIII, стр. 108—197. Спб. 1885.
- Пичета В. И.** Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты. В кн. «Сборник статей, посвящ. В. О. Ключевскому», стр. 605—636. М. 1909.
- Дашкевич Н. П.** Люблинская уния и ее последствия. «Универ. изв.». Киев. 1885. № 1, стр. 1—28.
- Иловайский Д. И.** Последний Ягеллон и Люблинская уния. В журн. «Русск. вестн.» № 9 за 1888 год, стр. 3—14.

3. Брестская уния 1596 года

- Савич А. А.** Западнорусские униатские школы XVI—XVIII вв. «Тр. Белорусск. гос. ун-та». 1922, № 1, стр. 164—175.
- Демьянович А.** Иезуиты в Западной России в 1569—1779 гг. Спб. 1872. 226 стр.
- Ефименко А.** Южнорусские братства. В кн. «Южная Русь». Т. I, стр. 200—309. Спб. 1905.
- Папков А. А.** Братства. Очерки истории западнорусских православных братств. 1900. 291 стр.
- Красовский А.** Борьба против унии в Западной России и единство русского народа в 1648—1668 гг. Историческое исследование. Витебск. 1914. 245 стр.
- Жукович П. Н.** Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г. Спб. 1901; с 1609 по 1632 г. Вып. 1—6. Спб. 1903—1912.
- Архангельский А. С.** Борьба с католичеством. Западнорусская литература конца XVI—первой половины XVII века. Киев. 1888. 166 стр.
- Житецкий П. И.** Литературная деятельность П. Вишненского. В журн. «Киев. стар.» за июнь 1890 года. Т. XXIX, стр. 494—532.

4. История казачества и народное движение против панского гнета до Богдана Хмельницкого

- Грушевский М.** История украинского казачества до соединения с Московским государством. Киев. Т. I. 1913; т. II. 1914. 476 стр.
- Эйнгорн В.** Очерки из истории Малороссии в XVII в. Ч. 1-я. М. 1899. XIV + 1104 стр.
- Костомаров Н. И.** Борьба украинских казаков с Польшею в первой половине XVII в. до Богдана Хмельницкого. Б. м. и г. 60 стр.
- Стороженко А. В.** Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев. 1904. 327 стр.
- Зварницкий Д. И.** История запорожских казаков. Т. II (1471—1656). Спб. 1895. 624 стр.
- Николайчик Ф.** Первые казацкие движения в Речи Посполитой (1591—1596). В журн. «Киев. стар.» № 3 за 1884 год, стр. 423—442; № 4, стр. 525—564.
- Гуслистый К.** Наливайко. В журн. «Мол. більшовик». Київ. 1939, VI, стр. 121—129.
- Шутой Е.** Народное восстание на Украине против панской Польши в 1637—1638 гг. «Исторический журнал» № 5 за 1939 год, стр. 65—80.

5. Борьба Украины и Белоруссии с шляхетской Польшей и присоединение Украины к Русскому государству

- Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654—1667). В кн.: «Акты, издаваемые Виленск. ком. для разбора древних актов». Т. XXXIV. 1909. LII + 588 стр.

- Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бактыш-Каменским. Ч. 1-я. (1649—1687). М. 1858. 239 стр.
- Летопись событий о Югозападной России в XVII ст., свет в 1720 г. С. Величко. Т. I—IV. Киев. 1818—1851—1855—1864.
- Величка Самійла.** Сказаніе о войне козацкой з поляками. В кн. «Нам'ятки Українського письменства». Видав. Археогр. ком. Укр. акад. наук. Т. I. Київ. 1926. XVI + 268 стр.
- Каманин И. М.** Документы эпохи Богдана Хмельницкого (1656 и 1657 гг.), извлеченные из Главного московского архива мин. ин. дел. Киев. 1911. 120 стр.
- Барабой А.** К вопросу о причинах присоединения Украины к России в 1654 г. В журн. «Историк-марксист» № 2 за 1939 год, стр. 87—111.
- Рубинштейн Н.** Классовая борьба на Украине в XVII в. В журн. «Борьба классов» № 4 за 1936 год, стр. 35—46.
- Костомаров Н. И.** Богдан Хмельницкий. Соч., кн. 4 (т. IX—XI). Спб. 1904. 742 стр.
- Осипов К.** Богдан Хмельницкий. «Молодая гвардия». Жизнь замечательных людей. М. 1939. 413 стр.
- Павлищев Н. И.** Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Спб. 1887. Т. II (1648—1668 гг.). 405 стр.; т. III (1668—1669). 243 стр.
- Волк-Карачевский В. В.** Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII в. Киев. 1899. XIII + 361 стр.
- Петровский М.** Повстання против польской шляхты в Галичині в 1648 році. Газета «Пролет. правда» от 20 сентября 1939 года. Київ.
- Томашівский С.** Народні рухи в Галицькій Русі 1648 р. «Зап. науков. тов. ім. Шевченка». Львів. 1898. Кн. III—IV. Т. XXIII—XXIV, стр. 1—138.
- Петровский Н. Н.** Разгром польской шляхты под Батогом в 1652 году. Газета «Сов. Украина» от 11 октября 1938 года.

VII. УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVIII ВЕКЕ

1. Литература общего характера

- Петрушевич А. С.** Дополнения к сводной Галицко-русской летописи с 1700 по 1772 г. Львов. 1887. Ч. 2-я (с 1772 по 1813).
- Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бактыш-Каменским. Ч. 2-я (1691—1722). М. 1859. 340 стр.
- Инвентари староств, имений, фольварков и деревень XVIII века (1720—1798). В кн. «Акты, издаваемые Виленск. ком. для разбора древних актов». Т. XXXVIII. Вильно. 1914. 504 стр.
- Коденьса книга судебных справ. В кн. «Український архив». Всеукр. акад. наук. Т. II. Киев. 1931. 434 стр.
- Материалы для истории присоединения Польши к России. 1772—1795. В журн. «Русск. архив» № 7 за 1863 год, стр. 549—560; № 8—9, стр. 661—697; № 10—11, стр. 785—829.
- Жукович П.** Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II. «Журнал министерства народного просвещения». Январь, февраль 1915 года.
- Козловский К. Е.** Поляки на Заднепровской Украине в XVIII веке. В журн. «Русск. вест.» за июнь 1863 года, стр. 508—559.
- Соловьев С.** История падения Польши. М. 1863. 369 стр.
- Дайри Н.** Крушение польского государства в XVIII веке. «Исторический журнал» № 10 за 1939 год, стр. 16—25.
- Костомаров Н. И.** Последние годы Речи Посполитой. Историческая монография. 2-е изд. Спб. 1870. 870 + IV стр.
- Иловайский Д.** Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. М. 1870. XXVI + 274 стр.
- Мякотин В.** Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. Спб. 1889. 229 + II стр.
- Гибянский И. Г.** Граф Антоний Тизенгауз и Гродненские королевские мануфактуры. Очерк по экономической истории Польши в эпоху Станислава Августа (1764—1795) на основании архивных источников. Под ред. П. Б. Струве. Пгр. 1916. XII + 64 стр.
- Антонович В. Б.** О промышленности Югозападного края в XVIII ст. В кн. «Записки юго-зап. отд. русск. географич. общ.». Т. I, стр. 179—191. 1874.
- Жукович П. Н.** Западная Россия в царствование имп. Павла. «Журн. мин. нар. просвещ.». 1916, VI, стр. 183—226; VIII, стр. 207—263; X, стр. 186—275.
- ### 2. Народные восстания в Западной Украине и Западной Белоруссии в XVIII ст.
- Акты о гайдамаках (1700—1768). В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 3-я. Т. III. Киев. 1876. 897 стр.
- Акты о мнимом крестьянском восстании в Югозападном крае в 1789 г. В кн. «Архив Югозападной России». Ч. 3-я. Т. 5. Киев. 1902. 828 + XLVI стр.

- Костомаров Н. И.** Материалы для истории Колывищины или резни 1768 г. «Киев. стар.». 1882. Кн. 8-я (август), стр. 297—321.
- Иваницкий С. Ф.** Польские мемуары о крестьянском восстании 1768 г. [На Украине «Колывищина»]. «Учен. записки Ленинград. Гос. пед. ин-та». Т. XI. Факт истор. наук. 1938, стр. 114—147.
- Головничер Я.** Крестьянские восстания 1768 года на Украине. «Исторический журнал» № 11 за 1939 год, стр. 70—79.
- Гуслистый К.** Селянське повстання 1768 року на Україні. Харьков. 1934. 62 стр.
- Антонович В.** Исследование о гайдамачестве по актам 1700—1768 гг. Киев. 1876. 128 стр.
- Антонович В.** Уманский сотник Иван Гонта. 1768 г. В журн. «Киев. стар.». 1882. № 11 (ноябрь), стр. 250—276.
- Максимович М. А.** Сказание о Колывищине. Соч. Т. I, стр. 623—653. Киев. 1870.
- Ковтун Ф.** Восстание курсунского куреня. В журн. «Исторический журнал» № 2 за 1938 год, стр. 79—86.
- Чуковская Л.** История одного восстания. В журн. «Красная новь» № 10—11 за 1939 год, стр. 21—71. (Колывищина. 1768).
- Щебальский П. К.** Народные движения в Подолии и на Волыни в 1768 и 1789 гг. В журн. «Русск. вестн.» за 1863 год. Т. 45, стр. 322—361.

VIII. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. Литература о Западной Украине

- История гражданской войны в СССР. Т. I, стр. 18, 36, 38, 40, 96, 114, 115, 116, 130, 140, 198, 212, 216, 217. 2-е изд. М. 1938.
- Малороссия в кн. «Россия». Полное географическое описание. Под ред. В. П. Семенова. Изд. А. Ф. Девриена. Т. VII. Спб. 1903. 517 стр.
- Аристов Ф. Ф.** Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. В трех томах. Галицко-русское общество в Петрограде. М. 1916. XVI + 304 стр.
- Лагов Н. М.** Галичина, ее история, природа, население, богатства и достопримечательности. Пгр. 1915. VI + 123 стр. с илл.
- За сто літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початку XX століття. Киев. Кн. I. 1927. 296 стр.; кн. II. 1928. 328 стр.; кн. III. 1928. 326 стр.; кн. IV. 1929. 320 стр.
- Морской А.** Судьбы Галичины. Ч. 1-я. Далекое прошлое Галичины. Ч. 2-я. Австрия в XIX столетии и борьба центробежного и центростремительного начал в ее политике. А. Дореволюц. эпоха. Б. Пореволюц. эпоха. Пгр. 1918. 324 + II стр.
- Галичина, Буковина, Угорская Русь. Сборник. М. 1915. 230 стр. С рис. и карт.
- Украинский вопрос. Сборник. 2-е изд. М. 1915. 162 стр.
- Левицкий И. Е.** Прикарпатская Русь в XIX веке, в биографиях и портретах ее деятелей, с взглядом на замечательных людей, которых 1772 г. застав при жизни. Львов. Т. I. Вып. 1-й. 1898, стр. 1—56; вып. 2-й. 1899, стр. 57—112; вып. 3-й. 1901, стр. 113—163.
- Ястребов Ф.** Нариси з історії України. Вып. 8. Україна в першій половині XIX ст. Акад. наук УРСР. 1939. 276 стр.
- Василенко Н. П.** Крестьянский вопрос в Югозападном и Северозападном крае при Николае I. В кн. «Великая реформа». Т. IV, стр. 94—109. М. 1911.
- Ролле.** Кармелюк. Перевод с польского. В журн. «Киев. стар.». 1886. Т. XIV, март, стр. 495—560.
- Головацкий Я. Ф.** О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен австрийского владения в той земле. Львов. 1865. 39 стр.
- Свенцицкий И. С.** Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Сношения Карпатской Руси с Россией в первой половине XIX в. Львов. 1905. 212 стр.
- Франко И.** Панщина та її скасування в 1848 р. Галичині. 2-е изд. Львів. 1913. 248 стр.
- Гордінський Ярослав.** До історії культурного й політичного життя в Галичині у 60-тих рр. XIX в. Львів. 1917.
- Деген Евгений.** Иван Франко. (Очерк жизни и творчества И. Франко). В журн. «Новое слово». 1897, кн. 6, март, стр. 36—55.
- Заславский Д. М. П.** Драгоманов. (К истории украинского национализма). М. 1934. 239 стр.
- Василевский Л.** Современная Галиция. Спб. 1900. IV + 231 стр. + карта.
- Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Под ред. А. И. Кастелянского. Спб. 1910. 521 стр.
- Хейфиц Ю. А.** Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. Пгр. 1915. 63 стр.
- Воблый К. Г.** Производительные силы Галиции. (Статистико-экономический очерк). Киев. 1915. 29 стр.
- Корнилович М. И.** Крестьянский вопрос в Галичине. Изд. Галицко-русского общества. Пгр. 1915. 33 стр.
- Ястребов Н. В.** Галиция накануне великой войны 1914 г. Пгр. 1915. 146 стр. с картой.

2 Литература о Западной Белоруссии

- История гражданской войны в СССР. Т. I, стр. 36, 38, 114. 2-е изд. М. 1958.
- Верхнее поднепровье и Белоруссия. В кн. «Россия». Полное географическое описание. Под ред. В. П. Семенова. Изд. А. Ф. Девриена. Т. IX. 1905. 619 стр.
- Литовское и Белорусское Полесье. В кн. «Живописная Россия». Изд. М. Вольфа. Т. III, стр. 233 — 490. 1882.
- Кернажицкий К. И.** Помещичье хозяйство в Белоруссии в конце XVIII и первой половине XIX столетия. (К проблеме разложения феодализма в Белоруссии). Минск. Белорусская Академия наук. 1935. 273 стр.
- Довнар-Запольский М. В.** Страница из истории крепостного права в XVIII — XIX вв. 1905. 67 стр. (Крепостное право в областях Белоруссии).
- Довнар-Запольский М. В.** Народное хозяйство Белоруссии. 1561 — 1914. Минск. 1926. 299 стр.
- Дубнов С. М.** Новейшая история еврейского народа. 2-е изд. Т. I. (1789—1848 гг.). Пгр. 1919. 484 стр.
- Боровой С. Я.** Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика — идеология — хозяйство — быт. По архивным материалам. М. 1929. 200 стр.
- Материялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феўдалізма. Менск. № 1 (1796—1840). 1934. X + 300 стр.; № 2 (1793—1861). 1935. XXIII + 380 стр.
- Гинзбург С. М.** Отечественная война 1812 года и русские евреи. 1912. 144 стр. с илл.
- Драницын С. Н.** Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л. 1937. 302 стр.
- Лочмель И. Ф.** Паўстанне 1863 г. у Беларусі. Газ. «Звезда» от 8 апр. 1939, стр. 2.
- Крестьянское движение 1827—1869.** Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М.—Л. 1931. 219 стр.
- Толмачев Н. И.** Югозападный край. Статистическое обозрение. Т. I. Восточное Полесье. Киев. 1897. VIII + 480 + XXIX. С карт. и табл.
- Корольчук Э. А.** Рабочее движение 70-х гг. Сбр. архивн. докум., стр. 140 — 142, 167—170, 205 — 208. М. 1934.
- Крестьянское движение в конце XIX в. (1881 — 1894). В журн. «Красный архив» № 4 — 5 за 1938 год, стр. 208 — 257.
- Шнейдер Я.** Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии. Минск. Белор. акад. наук БССР. 1936. 104 стр.

IX. БОРЬБА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ (1917 — 1920 годы)

1. В. И. Ленин и И. В. Сталин о борьбе за национальную независимость украинского и белорусского народов

- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Ком. ЦК ВКП(б). Гл. VI, стр. 230 — 232. 1938.
- Ленин В. И.** Резолюция Ц. К. РКП(б) о советской власти на Украине. Соч. Т. XXIV, стр. 552 — 554.
- Ленин В. И.** Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным. Соч. Т. XXIV, стр. 655 — 660.
- Ленин В. И.** Речь на Всероссийском съезде рабочих стеклофарфорового производства 29 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 251 — 254.
- Ленин В. И.** Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 257 — 261.
- Ленин В. И.** Речь на Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 377 — 380.
- Ленин В. И.** Речь на Съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 398 — 403.
- Ленин В. И.** Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 411 — 424.
- Ленин В. И.** Речь на Московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 480 — 496.
- Ленин В. И.** Статьи и речи об Украине. Киев. 1936. 380 стр.
- Ленин и Сталин** о борьбе за установление советской власти на Украине. Сборник статей и документов. Киев. Партиздат. 1938. 96 стр.
- Сталин И. В.** Новый поход Антанты на Россию. В кн. «Ленин и Сталин». Сбр. произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 279—283. М. 1936.
- Беседа с товарищем Сталиным о положении на фронте. В кн. «Ленин и Сталин». Сбр. произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 283 — 286. М. 1936.
- Сталин И. В.** Как встречают красные войска. В кн. **Ворошилов К. Е.** «Сталин и Красная армия», стр. 148—149. М. 1937.

- Сталин И. В.** Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной Закон) Союза советских социалистических республик. Гос. изд. полит. литер. 1938. 46 стр.
- Сталин И.** Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М. 1939. 63 стр.
- Сталин И. В.** Статьи и речи об Украине. М. 1936. 250 стр.

2. Борьба украинского и белорусского народов против польской интервенции

- Польша и белорусская контрреволюция. Документы с предисл. Ал. Гукковского. В журн. «Красный архив», 1931, т. IV—V (47—48), стр. 90—111.
- Паука И.** Разгром белополяков под Киевом в 1920 году. М. 1938. 48 стр.
- Манифест Временного Рабоче-крестьянского правительства Белоруссии. Минск, 1919.
- Наталевич Н. Я.**, (Прелс. презид. Верх. Совета БССР). Могуний фронт страны социализма. Газета «Сталинская молодежь» от 12 июля 1939 года, Минск.
- Шекун О.** Борьба с оккупантами (Белоруссия 1917—1918 гг.). Газета «Правда» № 343 от 14 декабря 1938 года.
- Городовиков О. И.** В рядах Первой Конной. М. 1939. 117 стр.
- Леонидов О.** Первая Конная (Очерки из истории Красной конницы). М. 1939. 100 стр.
- Тюленев И.** Первая Конная в боях за социалистическую родину. Очерк боевых действий. М. 1938. 215 стр. См. гл. «Действия Первой Конной армии на польском фронте», стр. 139—185.
- Клеберг.** Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 г. Перев. с французского А. С. Шейдемана. М. 1924. 32 стр.
- Л—евич П.** Борьба польского пролетариата против антисоветской интервенции польского империализма (1918—1920). В журн. «Коммунистический интерн» № 18 за 1935 год, стр. 23—32.

Х. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ ПОД ИГОМ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ (1920—1939 годы)

- О внутренних причинах военного поражения Польши. Передовая в газете «Правда» № 255 от 14 сентября 1939 года.
- Минаев В.** Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. Госвоениздат. М. 1939. 46 стр.
- Де-Лазари А.** Военное поражение Польского государства. В журн. «Военно-исторический журнал» № 1 (6) за 1940 год, стр. 63—74.
- Александров Г.** О хозяйственном, политическом и культурном упадке польского государства. В журн. «Большевик» № 17 за 1939 год, стр. 43—50.
- Павлов А.** Крушение польского государства. В журн. «Партийное строительство» № 7—8, сент., 1939 год, стр. 51—56.
- Манусевич А.** Исторические предпосылки краха Польши. В журн. «Исторический журнал» № 11 за 1939 год, стр. 58—69.
- Тихомиров М.** Развал польского государства. В журн. «Проблемы экономики» № 6 за 1939 год, стр. 10—19.
- Тихомиров М.** Западная Украина и Западная Белоруссия. В журн. «Большевик» № 17 за 1939 год, стр. 58—67.
- Липпай З.** Проблема Карпатской Украины. В журн. «Мир, хоз-во и мир. политика». № 2 за 1939 год, февр., стр. 149—152.
- Мин Д.** Западная Украина. М. 1939. 48 стр.
- Егоров Г.** Западная Белоруссия. М. 1939. 40 стр.
- Живов М.** Польская литература о крестьянстве в панской Польше. М. 1939. 72 стр.
- Кон Ф.** Западная Белоруссия — колония панской Польши. М. 1928. 35 стр.
- Постников Б.** О внутреннем положении Польши. В журн. «Мир, хоз-во и мир. политика» за март 1939 года, стр. 120—137.
- Кон Ф.** Национальный вопрос в Польше. М. 1927. 39 стр.
- Гойхбарг А.** Национальный гнет в панской Польше. Газета «Кр. звезда» от 5 октября 1939 года.
- Боген Д.** Преследование нацменьшинств в Польше. М. 1927. 56 стр.
- Иванов А.** Западная Белоруссия. Экономический обзор. Газета «Сов. Украина» № 225 от 30 сентября 1939 года.
- Дусаевич Г.** Панська Польша — одвічний ворог українського і білоруського народів. Газета «Прол. правда» от 18 сентября 1939 года. Київ.
- Пясецкий Б.** Луцк — город пыток. М. 1934. 30 стр.
- Мануйлов Л.** По ту сторону пограничных столбов. (Экономическое положение крестьян и угнетение нацменьшинств в Польше). Газета «Сов. Белоруссия» от 1 января 1939 года.
- Гольдштейн И.** Как польские паны угнетали крестьян. М. 1939. 63 стр.
- Голод в польской деревне. В журн. «Миров. хоз-во и миров. политика» № 4 за 1938 год, стр. 119—120.
- Павличенко В.** Осадники. Газета «Сов. Украина» № 223 от 28 сентября 1939 года.

- Лавров П.** Польські брацтва — люті вороги трудящих селян Західної України. Газета «Комуніст» от 2 октября 1939 года. Київ.
- Польские крестьяне о своей жизни. Изд. Междунар. аграрн. инст-та. Письма крестьян, издаваемые Институтом социальной экономики в Варшаве. М. 1936. 253 стр.
- Запросы белорусских послов в польский сейм. 1922 — 1926 гг. Сборник документов о панских насилиях, мучениях и издевательствах над крестьянами и рабочими в Западной Белоруссии. Минск. 1927. XXXIII + 1 + 530 стр.
- Крути И.** Под польским игом. Очерк истории театра Западной Украины. В журн. «Театр» № 11—12 за 1939 год, стр. 197—206.

XI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ ОТ ИГА ПОЛЬСКИХ ПАНОВ

- Молотов В. М.** Речь по радио председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова 17 сентября 1939 г. Газета «Правда» № 259 от 18 сентября 1939 года.
- Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года. Газета «Правда» № 259 от 18 сентября 1939 года.
- Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 г. послам и посланникам государств, имеющим дипломатические отношения с СССР. Газета «Правда» № 259 от 18 сентября 1939 года.
- Ярославский Ем.** Кому мы идем на помощь. Газета «Правда» № 260 от 19 сентября 1939 года.
- Историческое решение. Газета «Правда» № 260 от 19 сентября 1939 года.
- Воля советского народа. Газета «Правда» № 261 от 20 сентября 1939 года.
- Акт исторической важности. В журн. «Большевик» № 17 за 1939 год, стр. 6—11.
- Красная Армия с честью выполняет свой долг. Газета «Правда» № 262 от 21 сентября 1939 года.
- Дружба и братство народов СССР. Газета «Правда» № 263 от 22 сентября 1939 года.
- Павленко П.** Знаменательные дни. В журн. «Большевик» № 22 за 1939 год, стр. 45—57.
- Радостно приветствуют Красную Армию освобожденные народы. Газета «Красная звезда» № 224 от 29 сентября 1939 года.
- Борисов Б.** Братья, освобожденные из-под ярма польских панов. Газета «Правда» № 261 от 20 сентября 1939 года.
- Морозов В.** Панский гнойник. Газета «Сов. Украина» от 8 октября 1939 года.
- Хайн-Юмский А.** (секретарь Минского обкома КП(б)Б). Нет больше восточных Кресов. Газета «Известия» № 229 от 3 октября 1939 года.
- К предстоящему созыву Украинского Народного Собрания из выборных по областям Западной Украины. Газета «Правда» № 282 от 11 октября 1939 года.
- Подготовка к созыву Белорусского Народного Собрания из выборных по областям Западной Белоруссии. Газета «Правда» № 283 от 12 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Украины о государственной власти в Западной Украине. Газета «Правда» № 299 от 28 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Украины о вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Газета «Правда» № 299 от 28 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Украины о национализации банков и крупной промышленности Западной Украины. Газета «Правда» № 300 от 29 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Украины о конфискации помещичьих земель. Газета «Правда» № 300 от 29 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Белоруссии о государственной власти. Газета «Правда» № 301 от 30 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Белоруссии о вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики. Газета «Правда» № 301 от 30 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Белоруссии о конфискации помещичьих земель. Газета «Правда» № 302 от 31 октября 1939 года.
- Декларация народного собрания Западной Белоруссии о национализации банков и крупной промышленности. Газета «Правда» № 302 от 31 октября 1939 года.
- Молотов В. М.** Доклад председателя СНК и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. о внешней политике Советского Союза. Газета «Правда» № 303 от 1 ноября 1939 года.
- Закон о включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой. Газета «Правда» № 306 от 4 ноября 1939 года.
- Закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой. Газета «Правда» № 306 от 4 ноября 1939 года.

- Трайнин И.** Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. В журн. «Новый мир» № 10—11 за 1939 год, стр. 225—247.
- Гус М.** Возрождение народа. В журн. «Красная новь» № 10—11 за 1939 год, стр. 286—297. (Из истории Западной Украины).
- Пономаренко И.** Воссоединение белорусского народа. В журн. «Парт. строительство» № 2 за 1940 год, стр. 36—43.

ХИ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

- Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов. Т. I. Киев 1878. XXX + 832 стр.; т. II. Киев. 1882. II + 978 стр.
- Систематический каталог гдань Всеукраїнської Академії наук. 1918—1929, стр. 17—112. Київ. 1930.
- Залеускі І.** Бібліографія літератури об Польщі, Заходній Україні і Заходній Беларусі, выданої у СССР 1917—1929 гг. на польской, беларуской, російской і українской мовах. Менск. 1931. 102 стр.
- Максименко Ф.** Матеріали до краєзнавчої бібліографії України. 1848—1929. Всенародн. бібліотека України при Всеукр. акад. наук. Київ. 1930. XIX + 262 стр.
- Библиография по истории народов СССР. Акад. наук. Труды истор.-археогр. инст-та. Ч. 2-я, стр. 143—182, М. и Л. 1932.
- Головацкий Як.** Библиография галицко-русская с 1772—1848 гг. В журн. «Галичанин», 1863, вып. 3—4, стр. 309—327.
- Левицкий И. Е.** Галицко-русская библиография XIX ст. (1801—1886). Тт. I—II. Львов, 1888—1889. Кроме того отд. отгиск из «Литер. сборника» за 1887—1890 гг. (Литература за 1887—1889 гг.).
- Славяноведение в повременных изданиях. Систематический указатель статей, рецензий и заметок за 1900 г. Изд. Акад. наук Спб. 1901. XVI + 115 стр.
- Славяноведение в 1901 г. Систематический указатель трудов по языкознанию, литературе, этнографии и истории. Изд. Акад. наук. Спб. 1903. XXII + 237 стр.
- Обозрение трудов по славяноведению, составл. В. Н. Бенешевичем, В. П. Срезневским, М. Р. Фасмером и А. А. Шахматовым. Под ред. В. Н. Бенешевича. За 1908—1911. «Изв. отд. русск. яз. и словесн. Академии наук». 1909, т. XIV, кн. 1—4; 1910, т. XV, кн. 1—4; 1911, т. XVI, кн. 1—4, за 1912 г. Вып. I—III. Пгр. 1915—1918.
- Межов В. И.** Библиографический указатель галицко-русской литературы. Спб. 1862. 38 стр.
- Линниченко И.** Критический обзор новейшей литературы по истории Галицкой Руси. В «Журн. мн. нар. просв.» 1891, № 5, стр. 147—170; № 6, стр. 454—492; № 7, стр. 125—175.
- Систематический перечень изданий Киевской комиссии для разбора древних актов (1845— по 1910 .). Киев. 1911.
- Спрогис Н. Я.** Подробный указатель к I—XIII томам археографического сборника, издаваемого при Виленском учебном округе. Вильно. 1905. IV + 334 стр.
- Подробный каталог изданий Виленской комиссии для разбора древних актов Виленского центрального архива, бывшего Витебского центрального архива, Виленской публичной б-ки и Виленского учебного округа, вышедших в свет с 1865 по 1905 г. Вильно. 1905. 25 стр.
- Полесье. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья. (Сев.-зап. и юго-зап. край вообще и губернии: Минская, Гродненская, Волынская, Киевская и Могилевская в частности). Спб. 1883. X + 274 стр.
- Балтрамайтис С.** Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. 2-е изд. Спб. 1904. XII + 616 + 218.
- Обзор русской периодической печати. Вып. XVII. Белоруссы. (С 1 янв. 1909 по 1 янв. 1912). Спб. 1914. 244 стр.
- Межов В. И.** Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708) по декабрь 1889 г. Спб. 1893. 563 стр.
- Рубакин Н. А.** Среди книг. Т. II, стр. 37—109. М. 1911.
- Библиографический ежегодник. Обзор книг, статей и рецензий. Под ред. Н. В. Владиславлева. Вып. I—VIII (1911—1914; 1921—1924). М. и Л. 1912—27.
- Яцимирский А. И.** Новейшая польская литература от восстания 1863 г. до наших дней. Тт. I—II. Спб. 1908.
- Рубин В.** О Западной Украине и Западной Белоруссии. Обзор высказываний зарубежной прессы за прошлые годы. «Литературн. литература» № 9—10 за 1939 год, стр. 265—267.

Государственная публичная историческая библиотека.

(Составители: Б. Златоустовский и Л. Федоров)

«Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией профессоров Н. П. ГРАЦИАНСКОГО и С. Д. СКАЗКИНА. Т. I. Учпедгиз. 360 стр. 5 р. 35 к. 1939.

Рецензируемый том охватывает ранний период средних веков. Он построен по программе средней школы и включает источники по всем темам, начиная с древних германцев и до средневекового города включительно.

Хрестоматия предназначена для преподавателей истории средних школ, но может служить пособием для студентов исторических факультетов (особенно заочных) и для занимающихся самообразованием.

Первый том включает источники не только по истории Западной Европы в собственном смысле слова, но и по истории Византийской империи и арабов. Многие документы публикуются впервые на русском языке, многие проверены и переведены заново.

Особый интерес представляют источники по истории Византийской империи и арабов. Составителями учебных хрестоматий ранее эти темы обычно обходились. Преподавателям приходилось искать материал в разных специальных и общих пособиях. Много новых материалов дает рецензируемый том и по истории варварских завоеваний (в частности о союзе между варварами-завоевателями и революционными элементами римского общества). Отрывки из новых источников даны и по целому ряду других тем.

Безусловно положительной чертой хрестоматии мы считаем и то, что каждый ее раздел начинается с кратких вводных замечаний составителей и редакторов.

Вводные статьи не только характеризуют источники, но и дают очень существенные руководящие указания преподавателям относительно метода изложения материала.

В начале каждого отрывка даются ценные источниковедческие указания. Эти указания помогут преподавателю понять существо привлекаемого материала. Нужно также приветствовать и то, что составители дали очень ценные сведения об авторах, отрывки из сочинений которых использовали в рецензируемом томе. В сносках объяснены все специальные термины. Выяснены разногласия.

В общем перед нами труд, составленный с большим знанием дела.

* * *

Хрестоматия начинается с главы о древних германцах. Здесь даны отрывки из ценных источников, известных советскому читателю по сборнику «Древние германцы», вышедшему под редакцией профессоров Неусыхина и Моравского (1937 год).

Раздел начинается введением профессора Грацианского, в котором в сжатой форме изложено существо вопроса.

Безусловный интерес представляет второй раздел — «Варварские завоевания и революция рабов». В соответствии с указанием товарища Сталина о том, что немилые, то есть все «варвары», объединились и с громом опрокинули Рим, мы теперь понимаем под варварским миром германцев, славян, кельтов, гуннов и т. д. Разбираемый раздел дает материал о варварских завоеваниях в широком смысле слова.

Интересны данные о готах и гуннах. Во II главе разбираемого раздела даны источники о положении вестготов в империи и об их восстании (38). Здесь же имеются интересные указания о союзе варваров-завоевателей с революционными элементами римского общества. В Известии Зосимы о первой осаде Рима говорится о бегстве рабов из Рима в лагерь Алариха: «Что же касается находившихся в Риме рабов, то почти все они изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч» (41).

Особый интерес представляет VIII глава 2-го раздела о революционном движении в Римской империи в III — V веках.

На основе данных рецензируемого раздела преподаватель сумеет существенно обогатить свой рассказ о варварских завоеваниях и революции рабов.

Особое место занимает в хрестоматии 3-й раздел — «Франкское государство эпохи Меровингов и Каролингов».

Краткая вводная статья дает основные указания для ориентировки в материале.

В I главе 3-го раздела говорится о внешней истории франкского государства в ранний период. Во II главе приводятся материалы об экономике и социальной структуре франкского государства по Саллической правде. Третья глава показывает эволюцию меровингского общества и особенно классовую борьбу в нем. Нужно отметить, что рецензируемая хрестоматия впервые вводит в учебную литературу материал о народных выступлениях против

королевского пропозита в меровингском обществе в VI веке (74).

Хорошо документирован процесс феодализации меровингского общества. Привлечены яркие источники о роли рабства и насилия в закреплении людей (103—104).

Недостатком этого раздела мы считаем слабую документацию классовой борьбы и ее особенностей в эпоху Каролингов. Привлечен, в сущности, только один отрывок (124—125). Нужно было привлечь хотя бы источники о тех волнениях угнетенных, которые упоминаются в работе Ф. Энгельса «Франкский период».

Интересен и 4-й раздел — «Феодальное общество X—XII веков». Введение рисует быт феодальной Европы. В I главе говорится о крестьянах. Перед читателем развертывается картина исключительного бесправия крестьян.

В хрестоматии показаны факты насилия и закрепощения людей (129—130).

Интересные данные имеются о ранних восстаниях крестьян (137).

Ярко характеризуются нравы рыцарства и феодальные войны, которые принесли крестьянам большие бедствия.

Четвертая глава рисует картины ужасающих голодовок, приводивших к людоедству (158).

Пятая глава 4-го раздела почти вся состоит из пространных извлечений из «Песни о Роланде» (159—170). В рамках рецензируемой хрестоматии едва ли целесообразно было отводить столько страниц отрывкам из «Песни о Роланде». Нужно было учесть, что этот знаменитый памятник в основном известен всем преподавателям и студентам. На наш взгляд, было бы полезнее включить какой-нибудь из не известных еще русскому читателю источников.

5-й раздел имеет важное значение для преподавателей средних школ. Многие памятники публикуются впервые. Особую ценность представляет III глава — об аграрных отношениях в Византийской империи. «Земледельческий закон» дается в полном тексте. Интересна и IV глава — об организации ремесла в Византийской империи.

Большой интерес представляет и V глава разбираемого раздела, где говорится о классовой борьбе в Византийской империи (192—200). В частности в указанной главе говорится о восстании «Ника» и Фомы Славянина.

Приходится сожалеть, что в разделе нет источников о феодальных порядках в Византийской империи в XI—XII веках. Нужно также отметить, что вводная статья не затрагивает даже основных вопросов темы.

Большую ценность имеет VI глава об арабах. Приведенные источники знакомят с историей арабов до Магомета. Далее, источники рассказывают о деятельности Магомета и об арабских завоеваниях.

Интересны данные о классовой борьбе в отдельных халифатах (231). Ценные сведения даются о выступлении кармаатов, которые под религиозной оболочкой выставляли ряд радикальных требований (232—233).

Богатый материал дан в 7-м разделе — «Крестовые походы». Редакторы и составители правильно поступили, отобрав источники по истории первого и четвертого походов как наиболее показательных. Хорошо показаны причины крестовых походов.

Удачно подобранные источники показывают трудно объяснимый в настоящее время фанатизм, который в эпоху крестовых походов овладел различными прослойками общества.

Привлечен очень яркий памятник о позорных делах крестоносного сброда — еврейских погромах (246—247). Источник показывает исключительные зверства крестоносцев по отношению к еврейским детям и женщинам, показывает, что погромщики главным образом исходили из интересов наживы. «Они уничтожили (иудеев), — говорит хронист Альберт Ахенский, — жестокой резней более из жадности к деньгам, чем по божьему правосудию» (247).

В хрестоматии даются ценные материалы о внутренней организации Иерусалимского королевства.

Большую ценность представляют данные о средневековом городе (IX глава). Во вводной статье даны необходимые указания по существу темы. Источники характеризуют различные пути образования городов и отражают различные формы борьбы горожан с сеньорами. Интересны данные об организации ремесла (о цехах).

Приходится выразить сожаление, что в рецензируемом разделе мало источников о классовой борьбе в городе XIV века.

* * *

Первый том «Хрестоматии по истории средних веков» является показателем развития исторического образования в нашей стране, показателем серьезного улучшения постановки преподавания истории в наших школах. Преподаватели истории получили хрестоматию (в трех книгах), которая охватывает всю историю средних веков (две части II тома вышли в свет еще в 1938 году). Составители проделали большую и полезную работу, которая, несомненно, будет оценена читателями.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М. Госполитиздат. 1939. 130 стр. с илл. Цена — 1 р. 75 к. Тираж—100 000 экз. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Заново проверенный и подвергнувшийся при этом значительной переработке перевод классической работы Энгельса по последнему, просмотренному автором изданию 1875 года.

Клаузевиц К. Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 года. Перевод с немецкого. М. Воениздат. 1939. 232 стр. Цена в перепл.—6 руб.

Написанная в 1833 году книга известного военного историка и теоретика дает развернутый стратегический очерк первой, блестящей кампании Наполеона. Книга представляет большой интерес не только для военных, но и для подготовленных гражданских читателей.

Новая история. Т. II. От франко-прусской войны и Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (1870—1918). Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. П. Нотовича и В. М. Хвостова. Допущено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М. Соцэкгиз. 1939. 604 стр. Цена — 10 р. 60 к. Тираж — 75 000 экз. (Институт истории Академии наук СССР).

Вслед за I томом вышел в свет II том нового, трехтомного университетского курса новой истории. Помимо учащихся вузов книга может быть использована преподавателями средних школ и для самообразования. В книге даны многочисленные карты, хронологические таблицы и подробный указатель имен.

Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта. М. Воениздат. 1939. 192 стр. Цена — 4 р. 75 к.

Книга дает описание боевых действий 3-й Красной армии Восточного фронта в период с октября 1918 года по январь 1919 года. В ней показано, как за кратчайший срок усилиями товарищей Сталина и Дзержинского, посланных на Восточный фронт Центральным Комитетом партии, была возрождена 3-я армия и как вместе с другими армиями фронта под руководством товарища Сталина она перешла в решительное наступление и одержала победу.

Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. Под ред. Комиссии Обкома ВКП(б). Воронеж. Обл. изд-во. 1939. 220 стр. Цена — 9 руб. Тираж — 10 200 экз.

В книге помещено 9 статей: 1) «Первые месяцы советской власти в Воронеже и Воронежской области»; 2) «Борьба с интервентами и разгром белогвардейских банд Краснова в 1918 году»; 3) «Второй поход Антанты и положение на южном фронте осенью 1919 года»; 4) «Рейд Мамонтова в красный тыл»; 5) «Оборона Воронежа от банд Мамонтова и Шкуро»; 6) «Воронеж под властью белогвардейцев»; 7) «Освобождение Воронежа от белогвардейцев (24 октября 1919 года)»; 8) «Разгром белогвардейцев под Касторной и Лисками» и 9) «Воронежская область за годы сталинских пятилеток».

Пичета В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М. «Московский рабочий». 1939. 40 стр. Цена — 25 коп. Тираж — 20 000 экз.

В книжке рассказывается о положении народов Западной Украины и Западной Белоруссии в составе древнего Киевского государства, об оккупации в 1387 году Галицкого княжества поляками, об истории Литовской Руси в XV—XVI веках, об объединении Польши и Литвы по Люблинской унии 1569 года и о постепенном захвате польскими помещиками западно-украинских и западнобелорусских земель.

Последние главы книжки посвящены многочисленным восстаниям украинских и белорусских крестьян против польского ига в XVII и XVIII веках.

Книжка предназначена для массового читателя.

Трайнин И. П. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. М. Соцэкгиз. 1939. 78 стр. Цена — 1 р. 25 к. Тираж — 25 000 экз.

В первой главе книги анализируются причины слабости капиталистических многонациональных государств. Затем дается краткий исторический очерк возникновения и «развития» мертворожденного государства польских панов. В III—V главах характеризуется внутренняя, национально-угнетательская и внешняя, империалистическая политика пезадачливых правителей бывшего польского государства. Последняя (VI) глава книги говорит об освобождении Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии от национального и социального угнетения.